Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Смоленский государственный университет
Научно-образовательный центр
«Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем»

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Выпуск восьмой

Смоленск
Издательство СмолГУ
2022

УДК 94 (470+476) 063)
ББК 63.3(2)я 431

Р 768

Печатается по решению редакционно-издательского совета СмолГУ

Рецензенты:

Лавринович Д.С., доктор исторических наук, профессор, первый проректор учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»;

Борисенок Ю.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Р 768 **Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем:** материалы исследовательского проекта по белорусоведению / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 8. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022. 120 с.

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

В сборнике публикуются материалы по исследовательской проблематике научно-образовательного центра СмолГУ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем»

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

© Авторы, 2022
© Изд-во СмолГУ,2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ……..... 4
ПРЕДИСЛОВИЕ…… 5

Борисенок Ю.А.
Белорусская историческая наука в XXI веке: новые вызовы, методологические подходы и оценки ……..... 10

Апекунов В.А.
Разделы Речи Посполитой и проблематика «белорусинства» в контексте работ П.А. Кулаковского по «польскому вопросу» ….. 31

Лавринович Д.С., Заблоцкая М.В.
Общественная деятельность В.В. Богдановича: от октябризма к борьбе за самоопределение белорусского народа…… 40

Большакова О.В.
Историческая память о Великой Отечественной войне и национальная идентичность в послевоенной Белоруссии: современные зарубежные исследования ……. 54

Кодин Е.В.
Белорусский коллаборационизм: от нацистов к спецслужбам США …… 72

Дудько А.Д.
Исследования белорусского языка и литературы в британском белорусоведении второй половины XX −начала XXI вв. …….. 86

Родионов И.И.
История белорусской эмиграции в трудах В. Кипеля и Н.С. Гордиенко: характеристика подходов и оценок …….. 113

Наши авторы

Апекунов Владислав Александрович, аспирант кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь, foxarcher5@gmail.com.

Большакова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва, Россия, jkmuf16@yandex.ru.

Борисёнок Юрий Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, rodina2001@mail.ru.

Дудько Анастасия Дмитриевна, кандидат исторических наук, магистр филологических наук, доцент кафедры английской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, Dudko_ad@grsu.by.

Заблоцкая Марина Валентиновна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь, zablotckaia_mv@msu.by.

Кодин Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, EVKodin@yandex.ru.

Лавринович Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, первый проректор Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь, lavrinovich@msu.by.

Родионов Иван Игоревич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, vanro.rodionov@yandex.ru.

Предисловие

Научно-образовательный центр «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» создан на базе Смоленского государственного университета в марте 2016 г. Центр создавался и действует как организационная научно-образовательная площадка для обсуждения вопросов общей истории и культуры России и Беларуси.

Уже в 2017 г. Центр провел большую международную конференцию «Россия и Беларусь на историческом перепутье, 1917–1922 гг.», посвященную 100-летию Великой российской революции, ее проявлений и результатов на территории Беларуси и в западных регионах России.

В 2018 г. на базе Центра состоялась международная историографическая научная конференция «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях». Обсуждались новые методологические подходы к изучению «старых» проблем российско-белорусской истории, их современные оценки, вопросы взаимопроникновения и противоречия различных исследовательских школ и направлений в современных исторических исследованиях.

В октябре 2019 г. была проведена международная научная конференция «Польско-советская война 1919–1920 гг.: эволюция историографических оценок», посвященная 100-летию начала войны. Рассматривались вопросы агрессивного характера внешней политики правительства Ю. Пилсудского по воссозданию Речи Посполитой, военные действия. Особое внимание было уделено проблеме военнопленных польско-советской войны.

Проблематика военнопленных получила свое развитие в трехлетнем исследовательском проекте, получившем поддержку РФФИ – «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 гг.». Российско-белорусская тематика нашла здесь свое отражение в материалах польско-советской войны, Рижского мирного договора 1921 г. и репатриации польских военнопленных через территорию Белоруссии. Одновременно с реализацией исследовательских задач проекта создан тематический сайт с интерактивной картой лагерей польских военнопленных в Центральной России (URL: http://polish-pov-map.ru/), на базе которого возможно формирование международной дискуссионной площадки по разным аспектам польско-

советской войны, проведение публичных тематических форумов по польско-российским отношениям в XX–XXI вв.

В 2020–2022гг. работа Центра строилась в рамках международного исследовательского проекта «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок». Проведены два международных научных семинара, подготовлены и изданы два сборника научных работ, один из которых посвящен памяти выдающегося белорусского ученого, доктора исторических наук, профессора, создателя и директора Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения Гродненского государственного университета имени Янки Купалы Дмитрия Владимировича Карева (1949 – 2021).

В настоящем сборнике представлены исследования российских и белорусских историков по актуальным вопросам истории Беларуси.

В первую очередь в сборнике концептуально обобщены новые вызовы, методологические подходы и оценки в самой современной белорусской исторической науке. Доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.А. Борисенок отмечает: «несмотря на то, что ряд отрицательных тенденций сохраняет свое значение вплоть до настоящего времени, приоритетной в оценке постсоветской белорусской исторической науки является все-таки положительная динамика, которая уже к началу 2000-х гг. привела к появлению качественно новых исторических трудов», а наметившиеся «по большей части достаточно позитивные процессы по осмыслению истории государства и общества на белорусских землях» способны привести «к дальнейшему углублению и интенсификации приоритетных направлений научного поиска, дать ответ на вызовы современности и разнообразить имеющийся инструментарий подходов и оценок».

В сентябре 2022 г. на базе Полоцкого государственного университета была проведена международная научная конференция «Разделы Речи Посполитой в исторической памяти народов Беларуси и России». В первую очередь в ходе ее работы рассматривались историографические аспекты проблемы. В предложенной для настоящего сборника статье В.К. Апекунов, аспирант Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, описывает оценки разделов Речи Посполитой и «польского вопроса» для

России и всего славянского мира, сделанные русским учёным-славистом П.А. Кулаковским в его работах начала XX в.

Автор отмечает, что П.А. Кулаковский оценивал разделы исключительно как благо b для России, которая лишь вернула себе «исконно русские земли», и для белорусского народа, который веками пребывал под «иноверным и иноплеменным владычеством» и только в результате включения в состав Российской империи вернулся к своим историческим корням.

Одновременно, подчеркивает В.К. Апекунов, свершившийся факт разделов польского государства между тремя державами рассматривался П.А. Кулаковским как благо и для самих поляков, которые получили возможность восстановить свою государственность в формате Царства Польского со своим сеймом, своими войсками, своей администрацией, школой, монетой, при этом вполне защищённого Россией. Будущее Польши виделось ученым вне политического отделения от России с правом польского народа на национально-культурное развитие в границах Российской империи. Будущее же белорусских земель П.А. Кулаковский связывал исключительно с Россией, не допуская возможности отделения или обособленности данного региона.

Совместная работа доктора исторических наук, первого проректора Могилевского государственного университета Д.С. Лавриновича и старшего преподавателя этого же вуза М.В. Заблоцкой дает объемное представление о политической, общественно-просветительской и публицистической деятельности одного из лидеров белорусского национально-церковного движения начала XX века В.В. Богдановича.

В своем исследовании авторы показывают В.В. Богдановича как непреклонного сторонника идеи единства восточных славян, стоявшего на защите прав белорусского народа и православия, противника автокефалии Православной церкви в Польше, выступавшего за безусловное подчинение ее Московской патриархии. Продвигая идею белорусизации церковной жизни во времена II Речи Посполитой, В.В. Богданович при этом считал возможным и необходимым сосуществование русского и белорусского языков, которыми «пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни» и которые «понятны населению».

Будучи одним из признанных вождей белорусского национального движения, заключают авторы, В.В. Богданович оставался сторонником самого

тесного единения белорусов, великороссов и малороссов на основе общности их исторической жизни, традиций, соборности.

В историографическом исследовании доктора исторических наук ИНИОН РАН О.В. Большаковой рассматривается многогранное отображение в западной историографии сложного процесса взаимодействия исторической памяти о Великой Отечественной войне и национальной идентичности в послевоенной Белоруссии. Автор обозначает как серьезную проблему в постсоветской Беларуси долгое замалчивание правды о Второй мировой войне и создание официального мифа о ней, который лишь отложил процесс «примирения» с прошлым.

Послевоенная Советская Белоруссия стала подаваться в рамках официального нарратива в первую очередь как партизанская республика, чей массовый героизм внес неоценимый вклад в общую победу. «Белорус» стало означать «партизан», чья преданность советской власти и Коммунистической партии не ставилась под сомнение, заключает О.В. Большакова. При этом данный миф, как отмечается в современных зарубежных исследованиях, вовсе не является искажением реальности (партизанское движение в БССР было действительно невероятным по своим масштабам). Но миф упрощает реальность. В нем гибель людей подавалась как акт самопожертвования во имя общего правого дела, а жертвам войны в нем не было места.

Особое внимание О.В. Большакова уделила современным методологическим подходам в зарубежных исследованиях к проблеме белорусского Холокоста. В статье также аргументируется неизбежность усиления в ближайшем будущем исследовательского интереса к вопросам коллаборационизма, форм его проявления, масштабности, этнической составляющей и других аспектов.

Тема коллаборационизма получила свое развитие в исследовании Е.В. Кодина. Автор отмечает, что в периоды военных потрясений на занятых врагом территориях всегда находились те, которые по разным причинам шли на службу к агрессору. Не стали исключением и белорусские земли в годы Великой Отечественной войны. С одной стороны, Белоруссия показала миру беспрецедентные масштабы партизанской борьбы. Но, в то же время, здесь были и те, кто пошел в услужение к нацистам, борясь при этом не только против советской власти, но и против белорусских же партизан.

Опираясь на ставшие недавно доступными в Национальном архиве США рассекреченные документы ЦРУ, профессор Е.В. Кодин расширяет хронологические рамки коллаборационизма послевоенным периодом, когда оказавшиеся на Западе наиболее активные пособники нацистов сразу же попали в поле зрения спецслужб США. Американские власти активно использовали белорусских националистов в своих пропагандистских и разведывательных проектах, вплоть до заброски на территорию БССР специально подготовленной агентуры в годы холодной войны. В документах ЦРУ подробно описывается преступная деятельность наиболее активных белорусских националистов в период немецкой оккупации.

В работе доцента из Гродненского университета А.Д. Дудько дана детальная характеристика белорусоведческих трудов наиболее известных британских славистов середины и второй половины XX века, посвятивших себя изучению белорусского языка и белорусской литературы. Исследование А.Д. Дудько позволяет говорить об их значительной роли в зарождении и развитии филологического направления в рамках белорусоведения Великобритании, что способствует популяризации белорусской проблематики в мире и создает хорошую основу для дальнейших научных исследований и дискуссий.

Руководитель научно-образовательного центра СмолГУ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», доктор исторических наук, профессор *Е.В. Кодин*

Ю.А. Борисенок

Московский государственный университет

УДК 93/94

Белорусская историческая наука в XXI веке: новые вызовы, методологические подходы и оценки

Ключевые слова: *белорусская историческая наука; историография; XXI век; Институт истории НАН Беларуси; «История белорусской государственности».*

Статья посвящена характеристике процессов развития белорусской историографии в XXI в. Автор указывает на то, что в современной белорусской историографии наметились позитивные процессы по осмыслению истории государства и общества на белорусских землях, способные привести к дальнейшему углублению и интенсификации приоритетных направлений научного поиска, дать ответ на вызовы современности и разнообразить имеющийся инструментарий подходов и оценок.

Постсоветский период развития исторической науки в Беларуси к настоящему времени достаточно четко подразделяется на четыре этапа, три из которых располагаются на пространстве XXI века: 1) 1991–1994/1995; 2) 1994/1995–2008; 3) 2008–2020; 4) с 2020 г. [2, с. 271]. Если рубежные даты первого и четвертого этапов непосредственно соотнесены с важными политическими изменениями, то выделение 2008 г. объективно связано со значительным расширением именно в тот период хронологических рамок для официальных толкований истории Беларуси.

До 2008 г. акцент в трактовке исторического пространства на уровне государства целенаправленно смещался на несколько десятилетий после 3 июля 1944 г., когда Минск был освобожден от немецко-фашистских

захватчиков; эта дата отмечается в Республике Беларусь как День независимости. Это была постсоветская модификация недавнего прошлого, перекликавшаяся с многолетней советской традицией отсчитывать важное для массового изучения истории в школах и вузах со II съезда РСДРП в 1903 г. При всей значимости для Республики Беларусь революционных событий 1917 г. (7 ноября остается праздничным нерабочим днем в единственном государстве на постсоветском пространстве в Республике Беларусь), приведших к конституированию белорусской советской государственности, но в существенно урезанных по сравнению с этнографическими границах, отождествлять новую белорусскую государственность с первыми десятилетиями советской власти, отмеченными массовыми репрессиями, не стали.

К 2008 г. появилась реальная возможность существенно скорректировать приоритеты государственной исторической политики. В ее основу было положено логичное рассредоточение так называемой «национальной версии истории» и поставленной отныне на центральное место в официальной версии прошлого истории белорусской государственности, которая ведет отсчет с 860-х гг. и образования Полоцкого княжества. Речь шла не только о расширении приоритетных хронологических рамок сразу на одиннадцать столетий, но и о внимании к несоветской составляющей формирования державности в Беларуси, в том числе в провозглашенной в марте 1918 г. Белорусской народной республике (БНР). Попытки деятелей БНР сформировать государственность отныне были включены в официальную версию истории, эта тематика достаточно интенсивно разрабатывалась, в том числе и с привлечением значительных массивов архивных источников, а в 1918 и 2020 гг. о БНР, характеризуемой как «шаг к независимости», в Институте истории НАН Беларуси были опубликованы две коллективных научных монографии [4; 5].

Все периоды развития белорусской историографии в XXI в. сопровождались существенными вызовами. Функционирование исторической науки получилось нелегким и нелинейным, оно изобиловало как объективными трудностями, характерными и для многих других постсоветских и постсоциалистических историографий, в том числе российской и польской, так и сложностями субъективного порядка. Член-корреспондент НАН Беларуси П. Т. Петриков (1927–2007), которому было с

чем сравнивать, поскольку он в 1975–1988 гг. являлся директором Института истории АН БССР, в своей остро критической книге о положении в белорусской историографии 2000-х гг. обращал внимание на то, что на работу историков в первой половине 1990-х гг. «негативное влияние оказало сокращение финансирования, а вслед за этим обвал информационного обеспечения исследований. По существу прекратилось поступление в библиотеки научной, прежде всего зарубежной, периодики, сократились расходы на научные командировки и т. д.» [31, с. 5].

За прошедшие с того времени 15 лет, с одной стороны, с развитием исторического сегмента Интернета значительно расширились возможности «информационного обеспечения исследований», хотя и здесь неизменно оставались сложности, которые в перспективе 2020-х гг. могут существенно увеличиться. С другой стороны, важнейший для историков всех поколений вызов в виде «сокращения финансирования» никуда не исчез. Для белорусских историков, в том числе работающих в столичном Минске, константная скромность зарплат в вузах и научных учреждениях дополняется отсутствием более высокооплачиваемых рабочих мест по профессии в структурах, которым по разным причинам повезло получить более приоритетное финансирование, как, например, НИУ ВШЭ в России или Институт национальной памяти в Польше.

Эти сложности объективного порядка, способствующие снижению престижа профессии историка и соответственно качества вузовских абитуриентов, дополняются важным субъективным обстоятельством, характерным строго для белорусской гуманитарной ситуации. В XXI в. получение степени доктора исторических наук в Беларуси было существенно затруднено: одним из критериев ее присуждения было установлено научное открытие, вследствие чего среди защитившихся докторов наук преобладали способные совершить подобное открытие археологи. Ситуация стала несколько смягчаться к середине 2010-х гг., примером тому качественная диссертация гомельского историка Н.Н. Мезги о советско-польских отношениях в советской и польской историографии 1918–1941 гг. [26].

Проблема заключалась не столько в количестве докторских защит, сколько в том, что остававшиеся вполне доступными для исследователей защиты кандидатских диссертаций крайне редко выходят за пределы стандартных к ним требований, касающихся в том числе ограничений по

объему текста. В итоге на уровне кандидатских работ по истории почти не ставятся принципиальные научные задачи, способные вывести исследование тех или иных актуальных проблем на значительно более высокий уровень. Исключения здесь редки, к примеру, доработанная и расширенная по сравнению с защищенной в Институте истории НАН Беларуси кандидатской диссертацией книга С.Н. Хомича 2011 г., посвященная важнейшему для белорусской истории вопросу территории и государственных границ и снабженная знаковым подзаголовком «от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo» [42]. Но и этот ученый, несмотря на многолетние попытки совмещать исторические исследования с ответственной работой на центральном белорусском телеканале ОНТ, в дальнейшем изучении избранной крайне перспективной и по сей день проблематики не продвинулся по объективным причинам.

Оптимизма ситуации в белорусской исторической науке XXI века придают серьезные и в целом позитивные изменения. Для их сколько-нибудь адекватной характеристики необходимо специальное монографическое исследование; в данном тексте мы укажем на ряд наиболее характерных тенденций. Принципиально важно, что белорусские историки уже к началу XXI века в целом преодолели вполне естественный в условиях отхода от советских стереотипов и штампов этап романтизированного отношения к истории, выразившийся помимо монографий и статей, в частности, в попытке создания в 1994–1995 гг. новой национальной концепции истории нового государства [30, ч. 1–2]. В итоге уже в 2000-е гг. развитие исторической науки сопровождается, на наш взгляд, интересной разноголосицей мнений по ключевым вопросам белорусской истории всех эпох, в особенности XIX и первой половины XX столетий. Устоялась и сама периодизация, в учебном пособии по истории белорусской государственности, курс которой планируется ввести на первых курсах всех белорусских вузов с 1 сентября 2022 г., она выглядит следующим образом: 1) догосударственный этап, до 862 г.; 2) древнерусский этап, 862 – середина XIII в.; 3) создание и существование Великого княжества Литовского (ВКЛ), середина XIII в. – 1569 г.; 4) вхождение ВКЛ в состав Речи Посполитой, 1569–1772 гг.; 5) белорусские земли в составе Российской империи; 6) советский период, 1917 – 1991 гг.; 7) существование независимой и суверенной Республики

Беларусь. При этом особыми периодами, «непродолжительными по времени, но судьбоносными для государственности страны», в рамках шестого этапа стали а) революционные события 1917 – начала 1918 гг.; б) Великая Отечественная война 1941–1945 гг. [12, с. 16–17].

Априорно критически настроенный к постсоветскому периоду развития белорусской историографии П.Т. Петриков отметил и безусловно положительные факторы развития исторической науки к середине 2000-х гг.: «Была значительно расширена тематика кандидатских и докторских диссертаций, более глубокими стали исследования по всем периодам истории Беларуси, в них богаче и репрезентативнее представлена источниковая база. Этому способствовал широкий доступ ученых к ранее закрытым фондам и другим источникам. В итоге «многоцветие» исторической картины прошлых поколений белорусского народа стало более красочным и сочным» [31, с. 285–286]. Как представляется, несмотря на то, что ряд отрицательных тенденций сохраняет свое значение вплоть до настоящего времени, приоритетной в оценке постсоветской белорусской исторической науки является все-таки положительная динамика, которая уже к началу 2000-х гг. привела к появлению качественно новых исторических трудов.

С начала XXI века увидели свет несвойственные ранее белорусской историографии фундированные и представляющие немалый исследовательский интерес авторские и коллективные монографии, несомненно содержащие как принципиально новые подходы к тематике исследований, так и оригинальные оценки важнейших событий и процессов белорусской истории, адекватно отвечающие на вызовы современного этапа развития исторических исследований. Такие труды относятся к различным периодам истории, приведем здесь лишь несколько значимых примеров. В частности, значительный вклад в продвижение этнополитической тематики исследований внесла опубликованная в 2004 г. книга П.В. Терешковича «Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы» [39]. Существенным шагом вперед в исследовании ставшей актуальной с 1990-х гг. проблематики конфессиональной истории белорусских земель стала изданная в 2015 г. в Институте истории НАН Беларуси коллективная монография «Конфессиональный фактор в социальном развитии Беларуси (конец XVIII – начало XX в.)» [19]. Для разработки проблем средневековой истории Беларуси важное значение имела

вышедшая в 2010 г. монография Д.В. Дука «Полоцк и полочане (IX–XVIII вв.)» [17]. Перспективен и подход к белорусскому прошлому в рамках цивилизационной модели, примером чего является книга П.И. Бригадина «История Беларуси в контексте европейской цивилизации: учебное пособие» (2015) [6].

По-новому, с применением иного инструментария исследовательских оценок в ряде различных по характеру заметных работ последних лет исследованы некоторые уже разработанные в историографии предшествующих периодов темы. Так, в 2020 г. в коллективной монографии Института истории НАН Беларуси «Социально-экономическое развитие Беларуси (конец XVIII – начало XX в.)» [36] представлено немало примеров оригинального прочтения традиционной еще для историографии БССР проблематики экономической истории белорусских земель в составе Российской империи. В опубликованной в 2020 г. более чем 700-страничной монографии В.В. Даниловича «Молодежь в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве Советской Беларуси (1921–1939 гг.)» с привлечением многочисленного архивного материала представлена новая концепция советской молодежной политики в межвоенной БССР [15].

В ряде случаев актуальные разработки белорусских историков, прежде всего по проблемам истории XX века, оказываются востребованы в соседних странах, в первую очередь в России и Польше. Эти процессы характерны, в частности, для второй половины 2010-х гг. Присутствие белорусских историков в польском проблемном поле истории XX века было отмечено среди прочего участием профессора БГУ В.Е. Снапковского в качестве соавтора известного польского историка В. Матерского при подготовке документальной части объемного, более чем 800-страничного сборника документов и материалов «Польско-белорусский узел 1918–1921» (2018) [43]. Еще более характерен для третьего этапа развития современной белорусской историографии прецедент участия многих белорусских историков в реализованном в 2017–2020 гг. Центром восточноевропейских исследований Варшавского университета крупном, не имевшем себе равных по финансовой составляющей исследовательском проекте «Поляки в Беларуси», в рамках которого были опубликованы четыре не менее чем 600-

страничных тома исследований под редакцией польского историка Т. Гавина [44].

Современная белорусская историография проникает на российский рынок гуманитарной литературы. Так, вышедшую в Минске в 2017 г. на белорусском языке и содержащую анализ многочисленных архивных источников монографию молодой исследовательницы О.Н. Боровской «Белорусский вопрос на савецка-польских переговорах 1918–1921 гг.» [1] уже в 2018 г. опубликовали в Москве под несколько измененным названием «Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса» [3]. В конце 2021 г. белорусский историк И.Н. Романова в известной московской серии «История сталинизма» выпустила книгу «*Клеймение* Красного Дракона: 1937–1939 гг. в БССР» [35], помимо привлечения значительных архивных массивов отличающуюся акцентом на современные источники из области устной истории, касающиеся отражения в исторической памяти ныне живущих белорусов событий эпохи массовых репрессий конца 1930-х гг. По своей направленности в духе жестких антисталинских оценок монография Романовой не отличается от наметивших подобную традицию в белорусской историографии обширных исследований М.П. Костюка «Большевистская система власти в Беларуси» (2000) [20] и Т.С. Протько «Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)» (2002) [33], однако перспективный акцент на влияние политики репрессий как на обычных сельских жителей, так и на события «районного масштаба» позволяет более глубоко осмыслить и оценить особенности репрессивной политики советской власти в БССР. Материалы устной истории применительно к событиям 1939 г. интересно представлены и в сборнике 2015 г. под редакцией А.Ф. Смоленчука «Осень 1939 года в исторической традиции и устной истории» [7]. В то же время характерно внимание исследователей устной истории лишь к переломным и негативным моментам советской белорусской истории, при этом возникает реальная опасность не услышать голоса той важной категории «обычных простых людей», которым в советский период повезло быть непричастными к репрессивной политике властей. Без такого расширительного подхода к устной истории реальный образ истории повседневности в БССР будет неизбежно искажен в сторону чрезмерного негативизма.

Новаторские исследования затронули и такую традиционно проблемную тематику, как методология исторических исследований, в которой достаточно долго сохранялась не только формальная, но фактическая верность марксистским идеологическим основаниям.

Примечательно, что знакомство с двухтомными «Очерками истории Беларуси» 1994–1995 гг., опубликованными в качестве программного документа новой национальной концепции истории Беларуси и рекомендованными в тот период министерством образования Республики Беларусь для студентов вузов, не подтверждает категорического мнения П.Т. Петрикова о «простом отказе от господствовавшей ранее марксистско-ленинской, точнее - диалектико-материалистической, идеологии в изучении истории…, к нигилистическому их отрицанию» [31, с. 286]. Для первого тома «Очерков» характерно построение изложения по классово-формационному принципу, с непременными «переходом к классовому обществу», «феодально-крепостнической системой», «буржуазно-демократическими революциями» [30, ч. 1, с. 525–527]. Новации подхода выразились по преимуществу в привлечении экспрессивной лексики в применении к истории БССР сталинского периода при одновременном сохранении как концепта «проклятого царизма», так и традиционных по сути взглядов на советскую историю, начиная с изложения событий Октябрьской революции 1917 г. Максимальная смелость авторов «Очерков» отразилась в главе X второго тома в характерных формулировках об «установлении диктаторского режима в БССР», «формировании карательного механизма», а также вошедшем в название параграфа данной главы высказывании «Репрессии – самое тяжкое преступление диктаторского режима» [30, ч. 2, с. 201–213, 557–558]. Здесь налицо трансляция сложившихся еще в советскую перестроечную эпоху стереотипов восприятия сталинской эпохи. Уже во второй половине 1990-х гг. именно такое восприятие первых десятилетий советской власти в БССР было существенно подкорректировано на официальном уровне, прежде всего в школьных и вузовских учебниках.

В 2018 г. Институт истории НАН Беларуси выпустил значимую коллективную монографию «Методология исследования истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы», где в дискуссионном плане обсуждалось сосуществование в современной белорусской исторической науке различных методологий при полном отсутствии в этом отношении

какой-либо «руководящей и направляющей силы» [27]. В некоторых случаях авторы артикулируют предпочтительную для них методологию: например, в коллективной монографии 2018 г. Института истории НАН Беларуси об общественно-политической жизни в Беларуси 1772–1917 гг. таким приоритетным методом в предисловии А.В. Унучека объявлен историко-антропологический: «На новом этапе развития исторической науки целесообразно вновь обратиться к анализу обозначенных проблем, используя новые методологические подходы, новые источники, переосмысливая реальный когнитивный потенциал уже известных, наполняя политические события звучанием с иной тональностью и свежей интерпретацией. Например, в контексте историко-антропологического подхода придать политическим реалиям так называемый "очеловеченный образ" через показ отношений, мотиваций общественно-политической активности либо пассивности населения белорусско-литовских губерний. Тем самым нарушить традиционную схему восприятия событий в регионе только как цепную реакцию и копию того, что происходило в центрах (Петербург, Вильно, Варшава), поднимая на поверхность специфику региональной политической жизни» [14, с. 60]. А в учебном пособии 2022 г. прямо артикулируется утилитарный подход лишь к части арсенала марксистской гуманитаристики при отказе от других ее принципиальных составляющих: «Авторы стремились учесть и достижения советской исторической науки, что нашло отражение в признании значительной роли социально-экономического фактора в создании государственности восточных славян. В то же время отброшен тезис о классовой сущности государства, которое якобы отражает лишь интересы господствующего класса» [12, с. 4].

С 2000-х гг. белорусская историческая наука прилагает заметные усилия по осмыслению текущего состояния историографии в стране, в том числе ее приоритетных направлений. В Институте истории НАН Беларуси выходят в свет коллективные монографии, посвященные историографическим сюжетам. В 2006 г. увидело свет исследование «Историография истории Беларуси конца XVIII – начала XX в.: проблемы, достижения, перспективы» [9]. Продолжением начатых разработок с приоритетным вниманием к этнополитическому фактору стал увидевший свет в 2011 г. труд «На пути становления белорусской нации: историографические достижения и проблемы» [28]. В 2018 г. историографический аспект исследований в

области истории Беларуси был соединен с анализом смежных проблем белорусского источниковедения в монографии «Историография и источники изучения истории Беларуси: традиции и новации» [10].

Как и в период историографии БССР, существенным и постоянно существующим вызовом для современной белорусской историографии является мифологизация истории. Еще в годы перестройки историки почти единодушно призывали к демифологизации истории Беларуси, правда, разные авторы вкладывали в этот призыв часто весьма различное содержание. На место старых стереотипов советской историографии, как и повсюду на постсоветском пространстве, в итоге в значительном количестве нахлынули новейшие мифологические конструкции. Но при этом их активное бытование собственно в исторической науке, в отличие от публицистики, в белорусских условиях стало заметно уменьшаться к середине 2010-х гг. В 2000-е гг. споры о мифологизации истории порой способствовали некоторому приращению нового научного знания, как это, к примеру, произошло в ходе эмоционально окрашенной полемики известных историков И.А. Марзалюка и Г.Н. Сагановича [25].

К началу 2020-х гг. к числу успешно принятых белорусской научной историографией вызовов следует отнести три наиболее известные еще с конца 1980-х гг. мифологические конструкции исторических событий – помимо глорификации и неприятия БНР это прославление и отторжение Оршанской битвы 8 сентября 1514 г. и возвеличивание и развенчание фигуры видного деятеля восстания 1863–1864 гг. в Литве и Беларуси Кастуся Калиновского. Во всех трех случаях процесс демифологизации включал в себя реконструкцию реальных исторических обстоятельств на основе всего комплекса имеющихся источников.

Даже в случае с Оршанской битвой, где число таких источниковых массивов по объективным причинам невелико, приоритетное внимание специалистов позволило провести близкую к реальности реконструкцию событий. В результате в упомянутом выше учебном пособии по истории белорусской государственности, курс которой планируется ввести во всех белорусских вузах с 1 сентября 2022 г., приводится объективная трактовка хода и последствий битвы под Оршей в тесной увязке с потерей войском Великого княжества Литовского в том же году Смоленска: «31 июля 1514 г. московское войско взяло Смоленск штурмом, Мстиславль, Кричев и

Дубровно капитулировали. Однако в битве под Оршей 8 сентября 1514 г. московское войско было полностью разбито войском ВКЛ <…>. Обычно утверждается, что войско ВКЛ вместе с польскими союзниками имело численность 30 тысяч человек. Ему противостояло якобы 80 тысяч "московитов". Как свидетельствуют исследования последнего времени, эти цифры существенно преувеличены. Численность московских воинов на Оршанском поле по разным подсчетам составляла от 12–13 (минимально) до 33–40 тысяч человек (максимально). Воинов, которые участвовали в битве на стороне ВКЛ, было от 12 до 13 тысяч человек <…>. Битва имела колоссальный пропагандистский резонанс <…>. Однако перелома в войне Оршанская битва не принесла. Военные действия только прервались на некоторое время <…>. В 1522 г. полоцкий воевода Петр Кишка, который возглавлял великое посольство, подписал от имени ВКЛ в Москве договор о мире сроком на 5 лет. Смоленск остался в составе Московского государства» [12, с. 95–96].

Невзирая на периодически усиливающуюся политическую составляющую мифологических конструкций вокруг Калиновского, особенно актуальную накануне перезахоронения его останков в столице Литвы в ноябре 2019 г., процесс изучения белорусскими историками биографии и идейного наследия повстанческого лидера 1863 г. продолжается достаточно интенсивно. Примером может служить содержащая неизвестные ранее архивные источники монография 2018 г. молодого историка В.В. Герасимчика с характерным подзаголовком «Личность и легенда» [8].

Обстоятельно исследовавший с конца 1990-х гг. происхождение мифологии Калиновского А.Ф. Смоленчук в 2021 г. логично конкретизирует свои прежние наблюдения, отказываясь считать вождя повстанцев полноценным носителем белорусской идеи, что не отрицалось и в советской мифологии Калиновского: «На мой взгляд, тексты Яськi-гаспадара з-пад Вільнi 1862–1864 годов говорят не столько о белорусском национализме их автора, сколько об определенной эволюции феномена "литвинства" и речьпосполитовского патриотизма в направлении белорусской идеи. Калиновский начинал как представитель "литвинства", к которому принадлежали филоматы и филареты, Адам Мицкевич, Адам Киркор, Юзеф Крашевский и др. Литвинство основывалось на осознании своей родиной "Литвы" (Литвы-Беларуси), которая еще не изведала национальных

конфликтов и воспринималась как историческая и культурная целостность. Однако в конце восстания и жизни Калиновского в его текстах все более отчетливо проявляется белорусский компонент» [37, с. 11]. Здесь на высоком профессиональном уровне указано место Калиновского в белорусской истории XIX в.

В то же время давно работающий в научных учреждениях Варшавы историк из Гродно заканчивает свою статью в ставшем ежегодником польском русскоязычном журнале «Новая Польша» оптимистической фразой о перспективах именно легенды о повстанце: «Популярность мифа о Калиновском в современном белорусском обществе дает надежду, что он может стать одной из идейных основ единства белорусов в независимом и демократическом государстве» [37, с. 11]. Такой подход не только ставит под сомнение многолетние усилия самого Смоленчука по демифологизации Калиновского, но и по большому счету дает неоспоримую индульгенцию всем прочим разнообразным попыткам препарирования истории Беларуси в соответствии с текущими потребностями политической целесообразности. В самом деле, именно мотивами единства белорусов можно логично объяснить, например, крайне жесткую позицию современных официальных подходов к государственной символике первых лет независимости Республики Беларусь.

Важно подчеркнуть также, что мифология Калиновского неотделима от безраздельно господствовавшего в послевоенной советской историографии концепта революционного демократизма, который в XXI веке окончательно стал архаичным не только, к примеру, в российской и польской историографии, но и в белорусской исторической науке, что подтверждают особенно зримо наметившиеся в 2010-е гг. новые оценки и подходы к пространству «большого XIX века», в белорусском случае включающего в себя 145 лет от первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. до революционных событий 1917 г. [14]. В 2022 г. авторы учебного пособия «История белорусской государственности» сделали несколько важных замечаний в отношении этого периода, имеющих перспективу дальнейшего развития в исторических исследованиях. Такова, в частности, оценка влияния польского фактора в обширный период истории Беларуси: «Процесс полонизации охватил всю политическую и культурную элиту. В XVII–XVIII веках полонизация охватила даже мелкую шляхту, верхушку мещанства и униатское духовенство. Процесс этот беспрерывно продолжался и после

исчезновения Речи Посполитой с политической карты мира, практически до Январского восстания 1863–1864 гг.» [12, с. 108].

Центральной проблемой белорусской историографии в XXI веке стала история белорусской государственности. В 2000-х гг. приоритетным вопросом для исследователей стали проблемы первых десятилетий XX столетия. Выработка новых подходов в этой области некоторое время сопровождалась сочетанием различных исследовательских тактик. В увидевшем свет в 2003 г. очередном издании книги известного историка старшего поколения В.А. Круталевича «История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.)» [23] преобладали оценки, характерные для перестроечных новаций советской историографии с сохранением глорификации политики центральной и местной советской власти в Беларуси. Опубликованная в том же году новаторская монография В.Ф. Ладысева и П.И. Бригадина «Между Востоком и Западом: становление государственности и территориальнай целостности Беларуси (1917–1939 гг.)» [24] характеризуется принципиально новыми оценками более широкого исторического периода XX века и существенным отходом от ряда устоявшихся в историографии БССР стереотипов. Еще более радикальным расставанием со стереотипами советской историографии стал вышедший двумя изданиями в 2003–2011 гг. шеститомник «История Беларуси» [11, т. 1–6].

Институт истории НАН Беларуси, где с 2005 г. существует специальный отдел истории белорусской государственности, после 2008 г. оперативно издал сразу два фундаментальных исследования истории белорусской государственности, аналогов которым в прежней историографии (и времен БССР, и собственно Республики Беларусь) не имелось. В самом начале 2009 г. свет увидел однотомный «Очерк истории белорусской государственности: XX век» с выходными данными 2008 г. [29]. Дополненным и расширенным вариантом этого капитального труда стал двухтомник «История белорусской государственности в конце XVIII – начале XXI века» [13, кн. 1–2]. Усилия без малого тридцати белорусских историков обозначили серьезную современную трактовку прошлого белорусских державных традиций, адекватную реалиям 2010-х гг. и далеко ушедшую от оценок советской эпохи.

На более чем 1200 страницах двухтомного издания явственно отразились и тогдашние перемены в белорусской историографии, не утратившие актуальности и по сей день. В частности, причины кризисных явлений в Российской империи к началу XX в. изложены вдалеке от привычных трактовок «проклятого царизма» с «тюрьмой народов», равно как и от комплиментарных подходов к имперскому наследию: «Огромные усилия Российского государства, направленные на органичное "врастание" белорусских губерний в состав единой России на основе принципа ее "неделимости", не принесли желаемых итогов. Правительству Российской империи удалось реорганизовать и унифицировать территориально-административное устройство белорусско-литовских губерний, но только по форме. А по содержанию и сущности это устройство в итоге привело к развитию идеи территориальной автономии губерний белорусского края». Очень важен и вывод авторов двухтомника о том, что «нациесозидающие процессы, которые происходили на территории белорусских губерний на протяжении XIX – начала XX в., были неразрывно связаны с государствосозидающими. Белорусы в своих стремлениях ничем не отличались от других народов Европы» [13, кн. 1, с. 10]. Трезво оценивая советскую действительность межвоенной эпохи и не уклоняясь от проблем репрессивной политики сталинского периода, авторы совершенно справедливо подмечают, что «главным итогом исторического движения периода 1920–1930 гг. было то, что белорусская государственность приобрела геополитический вес, реальный социально-экономический базис, который обеспечивал дальнейший прогресс страны» [13, кн. 1, с. 11].

Перспективен и привязанный к модернизационным концепциям взгляд авторов предисловия к двухтомнику на преобразования последних десятилетий существования Российской империи, которые «в советской историографии… обычно обозначались в качестве буржуазных реформ, которые не дали положительного результата. Но ведь реформирование не являлось самоцелью российского правительства. Это был проект социально-экономической и политической модернизации России. Реформы стали практическим инструментом этой модернизации. Правящим кругам нужно было, с одной стороны, модернизировать государство, а с другой – сохранить социальную стабильность. Поэтому реформы проводились очень противоречиво, никто не думал об издержках реформирования и их

социальной цене. В итоге модернизация закончилась эпохой революционных потрясений» [13, кн. 1, с. 10].

Дальнейшим развитием модернизационного и трансформационного подхода к истории Беларуси второй половины XIX – начала XX вв. стали монографии А.Г. Кохановского 2013 и 2017 гг. [22; 21], в которых тщательно учтены историографические наработки в пользу данной версии событий белорусского прошлого позднеимперского периода и представлены оригинальные оценки социально-экономических процессов вплоть до начала Первой мировой войны. Применительно к межвоенному периоду модернизационный подход к истории Беларуси был творчески развит в монографических исследованиях С.Н. Ходина 2014 и 2019 гг. [40; 41]. В 2022 г. Кохановский и Ходин закрепили свои концептуальные взгляды на страницах учебного пособия «История белорусской государственности». В частности, Ходин справедливо отметил, что «при всей существенной значимости индустриализации, механизации, урбанизации главное, что создает модернизация – нового человека. По причине преобладания крестьянского населения именно в деле преобразования белорусской деревни определяются собственные подходы к модернизации, формируется белорусская советская модель ее реализации» [12, с. 161]. Но на практике эта модель не всегда была позитивной: «Одной из важнейших особенностей коллективизации в советской Беларуси являлось создание колхозов главным образом за счет имущества раскулаченных хозяйств… Проводя раскулачивание зажиточной части деревни, советское руководство прежде всего ставило целью стимулировать сплошную коллективизацию, для которой в Беларуси не было ни предпосылок, ни целесообразности» [12, с. 163]. Принципиально важен и вывод Ходина о третьем, послевоенном этапе модернизации в БССР: «Победа в Великой Отечественной войне вместе со всеми народами СССР создала основы для третьей волны модернизации страны, которая происходила на основе социально-экономического потенциала СССР… Изменилось геополитическое положение Беларуси. Становление т.н. "социалистического лагеря" расширило границы влияния Советского Союза далеко на запад. Это содействовало созданию в БССР тяжелой промышленности, в первую очередь через строительство тракторного и автомобильного заводов» [12, с. 224].

Развивая и расширяя исследовательские наработки обобщающих трудов 2008–2011 гг., увидевших свет на белорусском языке, Институт истории НАН Беларуси в 2018–2020 гг. опубликовал масштабный русскоязычный пятитомник «История белорусской государственности» [18, т. 1–5] общим объемом 2978 страниц. Весьма характерно, что история важнейшего для державности Беларуси XX века нашла отражение в четырех томах из пяти. Диапазон новых исследовательских подходов здесь значительно расширился, равно как и привлеченная к исследованию источниковая и историографическая база, но при этом в сравнении с двухтомником начала 2010-х гг. в ряде случаев формулировки важных обобщений несколько смягчены.

Помимо соображений историко-политической корректности общего плана в этом просматриваются заметные на всех этапах развития современной белорусской исторической науки ограничители, отразившиеся как в трудах историографии официального направления, так и в исследованиях других историков, в том числе тех, кто издает свои работы за пределами Республики Беларусь. Во-первых, это добровольное сужение исследовательской перспективы современными границами Республики Беларусь площадью 207,6 кв. км. Во-вторых, это изначально миролюбивый по отношению к историческим и этническим конфликтам различных эпох подход, который четко выразил в 2007 г. П.Т. Петриков: «Основное, главное внимание историки должны обращать на то, что нас объединяло, а не разъединяло в истории со странами ближнего и дальнего зарубежья. Только такая концепция отбора фактов, событий и явлений прошлого, только такая методология их научного объяснения может обеспечить дальнейший вклад историков Беларуси в отечественную и мировую историю народов, стран и государств» [31, с. 289–290].

Именно такие ограничители хорошо заметны в разработке белорусскими историками всех идеологических предпочтений ключевой для истории Беларуси XX в. польской проблематики, даже в критичном с точки зрения подхода к политике межвоенной Польши сборнике документов «Польша – Беларусь, 1921–1953» [32], третье издание которого увидело свет в 2018 г. Одновременно белорусская историография при обращении к польской проблематике часто использовала политкорректные ограничения. Они хорошо заметны, например, в вышедшей в 2017 г. монографии известного

минского специалиста в вопросах внешней политики В.Е. Снапковского «Путь через столетие: белорусско-польские отношения 1918–2017 гг.», в особенности в главе книги, озаглавленной «Беларусь и Польша в тисках тоталитарных держав» [38, с. 56]. Но наряду с этим историк особо подчеркивает отрицаемое многими польскими специалистами последствие советско-польской договоренности 1921 г.: «Рижский мирный договор стал первым легитимным международно-правовым актом XX века, который закрепил за Беларусью (название государства в тексте не приведено) и белорусским народом ряд важнейших атрибутов государственности и национальных прав… договаривающиеся стороны признавали независимость Беларуси, как и Украины, что давало основания Москве и Минску считать, будто бы это означает признание именно ССРБ, ибо коммунисты контролировали территорию республики, а правительство БНР находилось в эмиграции» [38, с. 36]. Такая точка зрения прочно закрепилась в белорусской историографии 2010-х гг., в том числе в двухтомнике «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.», переизданном Институтом истории Национальной академии наук Беларуси в 2021 г. [34, кн. 1–2], и в третьем томе многотомной «Истории белорусской государственности», где применяется более жесткая формулировка: «По условиям Рижского мирного договора Польша признала независимость и государственный суверенитет ССРБ» [18, т. 3, с. 247].

С 2020 г., с началом четвертого этапа развития современной белорусской историографии, с политкорректными формулировками при рассмотрении ключевых проблем истории XX в., и в особенности белорусско-польских отношений, решительно покончено. Нынешний межгосударственный конфликт делает невозможным продолжение прежних проектов, в то же время открывает возможности для рассмотрения другой части избранных польско-белорусских проблем. Это прежде всего комплекс событий, связанных с межвоенным периодом и впервые отмечавшимся 17 сентября 2021 г. новым государственным праздником Беларуси – Днем народного единства. В выступлении А.Г. Лукашенко в тот день впервые на официальном уровне прозвучали слова о том, что «Белосток и Белосточчина – это белорусские земли. Что Вильно – это тоже белорусский город и земли вокруг» [16]. В учебном пособии «История белорусской государственности» (2022 г.) содержатся первые, пока еще достаточно

осторожные подходы к этому непростому прежде вопросу: «До сентября 1939 г. политическим и культурным центром Западной Беларуси было Вильно. Однако по договору между правительствами СССР и Литвы, подписанному 10 октября 1939 г., Вильно и Виленская область общей площадью 900 кв. км были переданы Литве. Причем передача эта проводилась без согласия населения этих районов и учета национального состава. В результате центром Западной Беларуси стал Белосток: тут находились представители Компартии, правительства Беларуси, командование воинских частей» [12, с. 173].

Исследовательская перспектива у подобной тематики весьма значительна, это и события вокруг Вильно 1920, 1939 и 1944 гг., и проблемы этнической истории Белостока и прилегающего региона не только в межвоенный период, но и в послевоенные годы в условиях ПНР. Таким образом, и в современных условиях развитие белорусской исторической науки способно получить новый импульс в исследовании истории XX столетия.

Таким образом, процессы развития первых десятилетий XXI века однозначно указывают на то, что в белорусской историографии наметились по большей части достаточно позитивные процессы по осмыслению истории государства и общества на белорусских землях, способные привести к дальнейшему углублению и интенсификации приоритетных направлений научного поиска, дать ответ на вызовы современности и разнообразить имеющийся инструментарий подходов и оценок.

Литература

1. Бароўская В.М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. Мінск, 2017.
2. Борисенок Ю.А. Основные тенденции развития современной белорусской историографии (на примере польской проблематики XX века) // Вопросы истории. 2022. № 2(2). С. 271–278.
3. Боровская О.Н. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса. М., 2018.
4. Беларуская Народная Рэспубліка – крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння: гістарычны нарыс. Мінск, 2018.
5. Беларуская Народная Рэспубліка ў гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Мінск, 2020.

6. Брыгадзін П.І. Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: вучэбны дапаможнік. Мінск, 2015.

7. Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі. Мінск, 2015.

8. Герасімчык В.У. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Гродна, 2018.

9. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы. Мінск, 2006.

10. Гістарыяграфія і крыніцы вывучэння гісторыі Беларусі: традыцыі і навацыі. Мінск, 2018.

11. Гісторыя Беларусі. Т. 1–6. 2-е выд. Мінск, 2007–2011.

12. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці. Навучальны дапаможнік (рукапіс). Мінск, 2022.

13. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XX ст.: у 2 кн. Кн. 1. Мінск, 2011; Кн. 2. Мінск, 2012.

14. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. Мінск, 2018.

15. Даніловіч В.В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.). Мінск, 2020.

16. День торжества справедливости. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на форуме патриотических сил «Символ единства», посвященном Дню народного единства. URL: https://www.sb.by/articles/den-torzhestva-spravedlivosti.html (дата обращения: 17.09.2021).

17. Дук Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк, 2010.

18. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. Минск, 2018; Т. 2: Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.). Минск, 2019; Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). Минск, 2019; Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). Минск, 2019; Т. 5: Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.). Минск, 2020.

19. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.). Мінск, 2015.

20. Касцюк М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск, 2000.

21. Каханоўскі А.Г. Гісторыя Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. Мінск, 2017.

22. Каханоўскі А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск, 2013.

23. Круталевич В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.). Минск, 2003.

24. Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск, 2003.

25. Марзалюк І.А. Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілёў, 2009.

26. Мезга Н.Н. Советско-польские отношения в советской и польской историографии 1918–1941 гг.: автореф. дис. … д-ра. ист. наук. Минск, 2016.

27. Метадалогія даследавання гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы: зборнік навуковых артыкулаў. Мінск, 2018.

28. На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. Мінск, 2011.

29. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці. Мінск, 2008.

30. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. Мінск. 1994; Ч. 2. Мінск. 1995.

31. Петриков П.Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов). Минск. 2007.

32. Польша – Беларусь, 1921–1953: сборник документов и материалов. 3-е изд. Минск, 2018.

33. Протько Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск, 2002.

34. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. Кн. 1–2. 2-е изд. Минск, 2021.

35. Романова И.Н. Клеймение Красного Дракона: 1937–1939 гг. в БССР. М., 2021.

36. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.). Мінск, 2020.

37. Смоленчук А. Калиновский. Белорусский герой Январского восстания // Новая Польша. 2021. С. 4–11.

38. Снапкоўскі У.Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. Мінск, 2017.

39. Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.

40. Ходзін С.М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939). Мінск, 2014.

41. Ходзін С.М. Мадэрнізацыя ў Беларусі (1921–1939). Мінск, 2019.

42. Хомич С.Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011.

43. Materski W. (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2018.

44. Polacy na Białorusi. Od końca XIX do początku XXI wieku. Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. T. I–IV. Warszawa, 2017–2020.

Y.A. Borisenok
Moscow State University
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Belarusian Historical Science in the XXI century: new challenges, methodological approaches and assessments

Key words: *Belarusian historical science; historiography; XXI century; Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; "History of the Belarusian statehood".*

The article is devoted to the characterization of the processes of development of Belarusian historiography in the XXI century. The author points out that in modern Belarusian historiography there have been positive processes for understanding the history of the state and society in the Belarusian lands, which can lead to further deepening and intensification of priority areas of scientific research, provide an answer to the challenges of modernity and diversify the available tools of approaches and assessments.

В.А. Апекунов

Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова

УДК 93/94

Разделы Речи Посполитой и проблематика «белорусинства» в контексте работ П.А. Кулаковского по «польскому вопросу»

Ключевые слова: *Россия; Речь Посполитая; Царство Польское; белорусские земли; воссоединение; «польский вопрос»; автономия; славянский мир; «белорусинство»; «Окраины России».*

Данная статья посвящена научной деятельности русского учёного-слависта П.А. Кулаковского (1848–1913). На протяжении всей своей деятельности он занимался исследованием истории, языка и литературы южнославянских народов. Немало работ учёного было посвящено также и проблематике «польского вопроса», разделам Речи Посполитой и другим аспектам отношений между польским и русским народами. В своих статьях и очерках по данной проблеме учёный не только представляет развёрнутую оценку разделов Речи Посполитой и определяет значение «польского вопроса» для России и всего славянского мира, но также затрагивает явление «белорусинства», рассматривая прошлое и настоящее белорусских земель.

Период с 1772 по 1795 гг. является значимым в истории государств Восточной Европы того времени. С политической карты мира исчезло крупное европейское государство – Речь Посполитая, а её территории были поделены между тремя державами: Пруссией, Австрией и Россией, к которой по итогам раздела отошли, в числе прочих, и белорусские земли.

В польской историографии разделы Речи Посполитой воспринимаются как трагедия, в российской и белорусской присоединение белорусских земель к Российской империи описывается термином «воссоединение».

Вся территория современной Беларуси окончательно была включена в состав Российской империи после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Задача российских властей заключалась в том, чтобы обосновать

легитимность данного включения, показать, что белорусские территории являлись «исконно русскими землями», что произошло именно воссоединение. С этой целью, в частности, российская императрица Екатерина II взяла на вооружение девиз «Отторженная возвратих». Была выпущена памятная медаль в честь данного события с помещённым на ней девизом.

В течение всего XIX века, а также начала XX века, «польский вопрос» часто будет стоять на повестке дня. При этом среди видных учёных, общественных и политических деятелей существовала точка зрения, согласно которой они считали данную проблему решённой раз и навсегда. В числе тех, кто отстаивал подобное мнение, был русский учёный-славист Платон Андреевич Кулаковский, известный своими исследованиями в области истории, языка и литературы южнославянских народов, в частности сербов и хорватов.

При рассмотрении проблематики «белорусского вопроса» в работах Кулаковского нужно принять во внимание тот факт, что данная проблема рассматривается учёным в общем контексте так называемого «польского вопроса». При этом какие-либо специальные исследования, посвящённые конкретно истории белорусского народа, у Кулаковского отсутствуют. Таким образом, сведения, почерпнутые из его работ по «польскому вопросу», представляются особенно ценными.

К числу основных работ Кулаковского, в которых упоминались белорусские земли, можно отнести брошюру «Поляки и вопрос об автономии Польши» [1], изданную в 1906 г., очерк «Польский вопрос в прошлом и настоящем» [2], вышедший в 1907 г. в Санкт-Петербурге. Также внимания заслуживает работа, изданная учёным в 1910 г. под названием «Славянские съезды и польский вопрос» [3], где автор даёт характеристику Славянского съезда, проведённого в мае 1909 г. в Санкт-Петербурге, на котором обсуждались проблемы белорусского национального движения, явление «белорусинства», а также деятельность газеты «Наша Ніва», оценка которой приводится на страницах брошюры.

Не стоит забывать и о его работе издателем еженедельника «Окраины России», на страницах которого Кулаковский печатал статьи, посвящённые тем или иным аспектам жизни белорусских земель в составе России. К их числу можно отнести такие публикации, как «Новый вид сепаратизма –

белорусофильство» [4], «Русские сепаратизмы» [5] и др. Газета «Окраины России» издавалась с 5 марта 1906 по декабрь 1912 г. В редакционной статье характер издания определялся как политическая, общественная и литературная газета. Её целевую аудиторию составляли преимущественно жители крупных городов, центров губерний, но при этом для редакции было важно, чтобы газета распространялась среди русского населения и в тех регионах, где национальный вопрос стоял достаточно остро, в первую очередь речь идет о Царстве Польском, а также Северо-Западном крае.

П.А. Кулаковский формулирует основные положения, которые в итоге стали идеологической основой издания: «Россия – это территориально единое государство. Русский народ и по историческому праву, и по численности дает стране облик и характер. Россия – это русское государство, но оно не ущемляет права тех народов, которые не посягают на её единство. Окраины необходимы для процветания и жизни государства и всех народов, входящих в состав империи. Окраины должны стремиться к сближению с центром России, а не к отделению» [6, с. 6].

В работах, посвящённых «польскому вопросу» в целом, П.А. Кулаковский попытался обосновать свою позицию, обращаясь в том числе к событиям прошлого. Так, он указывал на то, что борьба между польской и русской государственностью велась уже очень давно. Она особенно обострилась после разделов Речи Посполитой. Что касается непосредственно разделов, то П.А. Кулаковский считал, что Россия лишь вернула себе «исконно русские земли». Под этим термином подразумевались в том числе и белорусские земли. Стоит также отметить, что включение белорусских земель в состав России рассматривалось и П.А. Кулаковским, и учёными – сторонниками концепции западнорусизма как благо для населения данного региона. Белорусские земли изображались в качестве края, который веками пребывал под «иноверным и иноплеменным владычеством» и только в результате включения в состав Российской империи вернулся к своим историческим корням. В этой связи важным являлось стремление доказать, что «западный край всегда был исконно русским, однако совращённым узурпаторами-поляками» [7, с. 92].

«Россия при разделах и падении Польского государства, – писал П.А. Кулаковский, – взяла себе только русские земли и часть Литвы. Она лишь вернула русскому народу то, что принадлежало ему по природе, старым

заветам истории и по нраву…» [2, с. 17]. Более того, Кулаковский выказывает сожаление по поводу того, что не все якобы русские земли удалось вернуть в состав Российской империи, часть досталась Австрии и Пруссии.

В работе «Польский вопрос в прошлом и настоящем» П.А. Кулаковский, рассуждая по поводу современного ему положения польского народа, высказывает свою точку зрения и относительно характера Великого княжества Литовского, называя его «литовско-русским» государством, а княжества, вошедшие разными путями в его состав, определяет как «западнорусские» [2, с. 8]. В этом исследовании учёный изначально отталкивается от предложенного им тезиса о том, что «польский вопрос» уже решён и имеет лишь исторический интерес. Делая здесь оговорку и приводя в пример Сербию и Болгарию, которые к моменту издания книги уже имели возрождённую государственность, Кулаковский указывал, что новый путь к возрождению для поляков лежит, по примеру сербов и болгаров, через обращение за помощью к русскому государству.

Значительное внимание Кулаковский уделяет тезису о том, что весь XIX век явился периодом борьбы русского народа с польским против устремлений последних вернуть свою государственность. Решение же «польского вопроса» учёный видел в общем контексте рассмотрения проблемы славянских народов. Мирное сосуществование польского и русского народов представлялось ему затруднительным, поскольку, писал он, Польша, став западным государством, «всё более и более принимала на себя роль слуги Запада и вскоре поставила себе целью перенести формы и дух западной культуры на весь русский Восток, подчинить ей весь русский народ. Постепенно теряя свой славянский облик, Польша становилась орудием католицизма и взяла на себя миссию присоединить за бегущим за колесницей римского владыки и русский народ» [2, с. 11–12].

Свершившийся факт разделов польского государства между тремя державами П.А. Кулаковский считал в определённой степени благом и для самих поляков. Учёный однозначно негативно оценивал существовавшее государственное устройство Речи Посполитой, при котором во главе страны стоял не столько король, сколько польская шляхта, обладавшая большим количеством привилегий. Он подчёркивал, что именно благодаря России поляки смогли восстановить свою государственность в формате Царства

Польского. «Это воскрешение польской государственности, – отмечает учёный, – было тем знаменательнее, что оно произошло в форме, обещавшей силу и долговечность Польше. Это уже была не Речь Посполитая, не республика, с выборным королём, как была Польша XVII и XVIII веков, раздираемая внутренними раздорами, – это было Царство Польское со своим сеймом, своими войсками, своей администрацией, школой, монетой, вполне защищённое Россией, взявшей на себя все тернии дела» [2, с. 21]. Тем самым, сравнивая данное государственное образование с Речью Посполитой, П.А. Кулаковский полагал, что польская культура, экономика польских земель, сам польский народ по-настоящему расцвели именно в лоне Российской империи. «Задачи, нужды, пользы России, можно сказать, заветы Русской истории – всё было забыто ради поляков…» – писал П.А. Кулаковский в одной из своих работ [2, с. 21].

Разделы Речи Посполитой должны были стать решающим этапом в истории отношений польского и русского народов. Однако, начиная с этого момента, когда, казалось бы, «польский вопрос» должен был, по мнению П.А. Кулаковского, решиться, проблема приобретает иную окраску. П.А. Кулаковский объяснял данное обстоятельство сложностью самого «польского вопроса», поскольку он определял его как составную часть борьбы между двумя мирами: западным католическим и восточным православным. Что же касается государственности, то здесь вопрос для поляков уже стоял как минимум об автономии, вплоть до восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г., на что и были направлены восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., критика которых со стороны учёного оказалась разгромной.

П.А. Кулаковский решительно высказывается против попыток поляков так или иначе получить автономию, поскольку, по его мнению, это грозило бы им неминуемой гибелью [1, с. 19]. Подобные шаги он считал грехом одновременно и перед русским, и перед польским народами, он не видел на этих землях ничего другого кроме русской государственности. «В этой области России, – писал Кулаковский, – какие бы ни были приняты меры для обеспечения народного развития поляков, мыслима лишь Русская государственность. Там допустим и мыслим лишь Русский государственный язык! Там мыслим и возможен лишь Русский государственный университет!» [1, с. 20]. Более того, он полагал, что, отказываясь

предоставлять автономию полякам, Россия тем самым исполняет свой долг не только перед польским народом, но и перед всем славянским миром. А если им и допускалась возможность предоставления полякам автономии, то исключительно лишь в случае воссоединения всех польских земель, в том числе и тех, что находились в составе Германии и Австро-Венгрии [8, с. 52]. При этом Кулаковский подчёркивал тот момент, что, несмотря на не совсем последовательную, по его мнению, политику царских властей по отношению к полякам, тем не менее перед правительством не стояло задачи каким бы то ни было образом «обезличить польскую народность» [1, с. 10–11].

В то же время пресса правого толка оценивала деятельность и значение поляков в России во всех сферах общественной жизни, в том числе и для исторической перспективы белорусского народа, однозначно негативно. Она отрицала даже право поляков на национально-культурное развитие [9, с. 38]. Газеты же умеренно правого толка, к числу которых относилось и издание «Окраины России», ведя борьбу с «засильем», по мнению редакции, польских помещиков и ксендзов в политической, экономической, религиозной жизни края, тем не менее признавали право поляков на национально-культурное развитие в границах Царства Польского, не допуская при этом возможности его политической обособленности от Российской империи.

То же самое касалось и так называемого «белорусинства», которое П.А. Кулаковский подвергал критике. В этой связи он систематически вёл полемику с издаваемой в Варшаве газетой «Slowo», которая обвиняла «Окраины России» в требованиях от правительства проведения репрессий против «белорусинства» [10, с. 295]. Редакция «Окраин России» отрицала обвинения, однако четко высказывала свою позицию: если «белорусинство» «не простая забава», а национальное движение наподобие «украинства», то «несомненно каждый… голос русской печати должен желать, чтобы сильная рука власти задержала развитие сепаратизма» [10, с. 295]. П.А. Кулаковский доказывал, что «белорусинство» есть не что иное, как инструмент для достижения поляками своих целей, что сами поляки и создали это самое «белорусинство». При этом он же далее пишет о том, что заявление польских политиков о белорусском наречии как о разновидности польского языка «не выдерживает никакой критики» [3, с. 51].

В то же время П.А. Кулаковский считал белорусский народ составной частью триединого русского народа, выступал против преподавания на белорусском языке в школах Северо-Западного края, а также создания на нем литературных произведений. Издатель «Окраин России» писал: «Первым признаком любого сепаратизма является требование признания особых прав в школе и в литературе для местного языка. В последнее время заговорили об особом белорусском языке. Выражение "белорусский язык" начало употребляться даже в некоторых официальных актах Министерства народного просвещения. Но мы смеем утверждать, что белорусский язык существует только теоретически. Достаточно заглянуть в капитальный труд нашего авторитетного ученого Е. Карского, чтобы стало ясно, что существует только белорусский диалект (наречие), а не белорусский язык» [4, с. 306].

В работах учёного присутствует утверждение об антитезе польской государственности по отношению к русской, что соотносилось с его суждениями о борьбе католической и православной цивилизаций. Отсюда и вывод, который делает П.А. Кулаковский: восстановление польской государственности в какой бы то ни было форме невозможно, пока существует русская государственность. Более того, «польский вопрос» виделся Кулаковскому не только как вопрос о восстановлении польской государственности в форме автономии или же независимого государства, но и вопрос господства самих поляков над «непольскими народами». «Действия поляков в Галиции, – писал П.А. Кулаковский, – отношение их к России и всему русскому в Царстве Польском, всякого рода приёмы восстановить свою власть в Северо- и Юго-западном крае и в Литве, даже польское представительство от этих непольских областей в Государственной Думе, объясняемое многими несовершенствами нашего избирательного закона, совершенно не считающегося с природой вещей и положением народа, наконец, польская литература и публицистика – всё это доказывает, что поляки хотят понимать "польский вопрос" именно в этом смысле» [2, с. 28].

Для самого же П.А. Кулаковского «польский вопрос» мог иметь право на рассмотрение лишь в случае, если речь будет идти о праве поляков на национально-культурное развитие, но не более того. Данную позицию он выразил следующим образом: «Каждая уступка, каждый шаг в смысле «автономии», которой теперь добиваются поляки, является прямой изменой

Русскому Государству… Но если под "польским вопросом" понимать вопрос о сохранении польского народа, его языка, его территории, его исторической дорогой ему культуры, то этот вопрос имеет свое жизненное значение и возбуждает симпатии» [2, с. 29].

Таким образом, для П.А. Кулаковского разделы Речи Посполитой стали началом нового этапа в отношениях между русским и польским народами. В его работах, посвящённых проблематике «польского вопроса», чётко прослеживается сравнительно умеренная позиция по отношению к польскому народу. Являясь противником политического отделения поляков от России, учёный тем не менее признаёт за польским народом право на национально-культурное развитие. Будущее же белорусских земель П.А. Кулаковский связывал исключительно с Российской империей, не допуская возможности отделения или обособленности данного региона. Более того, он считал возможным объединение всего славянского мира под эгидой Российской империи, как единственного на тот момент суверенного оплота славянства.

Литература

1. Кулаковский П.А. Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. 24 с.
2. Кулаковский П.А. Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. 58 с.
3. Кулаковский П.А. Славянские съезды и польский вопрос. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1910. 55 с.
4. Кулаковский П.А. Новый вид сепаратизма – белорусофильство // Окраины России. 1907. № 20. С. 305–308.
5. Кулаковский П.А. Русские сепаратизмы // Окраины России. 1912. № 7. С. 97–99.
6. Кулаковский П.А. Значение русского племени в России // Окраины России. 1906. 5 марта. № 1. С. 6.
7. Карев Д.В. Западноруссизм и его представители // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1. 2009. № 2. С. 90–102.
8. Лавринович Д.С. Русское окраинное общество и польский вопрос в начале XX в. // Религия и общество – 14: сборник научных статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. С. 49–53.
9. Волженков В.В. Полемика «Нашай Нівы» с правой прессой // Вестник Полоцкого государственного университета: сб. науч. статей. 2009. № 1. С. 34–40.
10. Из польской печати // Окраины России. 1912. № 19. С. 295.

11. Лавринович Д. С. Польский вопрос в оценке редакции «Окраин России» (1906–1912 гг.) // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова: материалы научно-методической конференции / под ред. Е.К. Сычовой. Могилев, 2016. С. 40–43.

V.A. Apekunov
Mogilev State University named after A.A. Kuleshov

Sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the problems of «Belorusinstvo» in the context of P.A. Kulakovsky's works on the «Polish question»

Key words: *Russia; Polish-Lithuanian Commonwealth; Kingdom of Poland; Belarusian lands; reunification; «Polish question»; autonomy; Slavic world; «Belorusinstvo»; «Outskirts of Russia».*

This article is devoted to the scientific activity of the Russian slavist P.A. Kulakovsky (1848-1913). Throughout his career, he was engaged in the study of the history, language and literature of the South Slavic peoples. Many of the scientist's works were also devoted to the problems of the «Polish question», sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth and other aspects of relations between the Polish and Russian peoples. In his articles and essays on this problem, the scientist not only gives a detailed assessment of the sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth, and determines the significance of the «Polish question» for Russia and the entire Slavic world, but also touches on the phenomenon of «Belorusinstvo», considering the past and present of the Belarusian lands.

Д.С. Лавринович, М.В. Заблоцкая

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

УДК 93/94

Общественная деятельность В.В. Богдановича: от октябризма к борьбе за самоопределение белорусского народа

Ключевые слова: *западнорусизм; «Союз 17 октября»; краеведение; православная церковь; белорусоведение.*

В статье раскрывается деятельность Вячеслава Васильевича Богдановича – белорусского общественного и церковного деятеля, педагога и публициста, лидера национально-церковного движения Беларуси первой половины XX в. Авторы показывают идейную эволюцию В.В. Богдановича от сторонника «Союза 17 октября» до защитника национальных интересов белорусов в межвоенной Польше, популяризатора изучения белорусского языка и литературы в школах, активного борца против окатоличивания и ополячивания православного населения.

Вячеслав Васильевич Богданович – богослов, педагог, общественный и политический деятель Беларуси первой половины XX века – оставил заметный след в истории белорусского национального движения, возрождении белорусской национальной культуры и языка. В силу сложившихся обстоятельств: религиозные воззрения, арест органами НКВД осенью 1939 г. – имя Вячеслава Васильевича и труды литератора на долгие годы были преданы забвению. Лишь в конце 90-х гг. XX в., когда появились публикации Ю.А. Лабынцева, Л.Л. Щавинской, В.Н. Черепицы, П.М. Лавринца, широкой общественности стал известн ряд фактов из биографии «одного из признанных лидеров белорусского национального движения» [9; 10; 11; 24; 25].

В.В. Богданович родился в 1878 г. в семье православного священника в г. Дисна Витебской губернии, учился в Витебской духовной семинарии и Киевской духовной академии, получил степень кандидата богословия. С 1903

г. был преподавателем библейской и церковной истории в родной семинарии, активно участвовал в общественной жизни Витебска [6].

В конце октября 1905 г. в Витебске возник «Союз мира», главной целью которого было поддержание порядка в период подъема стачечной борьбы. В уставе организации отмечалось, что союз, не образуя никакой определенной политической партии, будет заниматься «изысканием мер для мирного проведения в жизнь гражданской свободы, возвещенной высочайшим манифестом 17 октября 1905 г. и осуществлением прав, вытекающих из того же манифеста» [13, л. 4]. В организацию записался 181 витеблянин. Руководило работой «Союза мира» бюро из 12 человек во главе с В.В. Богдановичем [13, л. 5, 15].

На базе «Союза мира» в ноябре – декабре 1905 г. начал формироваться Витебский отдел партии октябристов. 12 декабря В.В. Богданович обратился в канцелярию Санкт-Петербургского отделения ЦК «Союза 17 октября» с письмом, в котором сообщалось: «В Витебске с недавнего времени стали появляться, правда, в ограниченном количестве, "воззвания" и другие листки "Союза 17 октября". Программа этого Союза настолько приемлема различными классами населения нашего города и уездов губернии, что весьма желательно возможно широкое ее распространение среди наших мирных обывателей…» [16, л. 26]. Письмо заканчивалось просьбой выслать октябристскую литературу на адрес редакции «Витебских губернских ведомостей». ЦК «Союза 17 октября» постановил отправить в Витебск 500 экземпляров партийной программы.

Идея создания местной организации октябристов нашла наибольшее сочувствие у преподавателей Витебской духовной семинарии. Они разослали повестки своим предполагаемым сторонникам, а 16 декабря 1905 г. организовали их собрание. На него пришло 140 человек. В.В. Богданович закрытой баллотировкой был избран председателем собрания [16, л. 42]. Он предложил обсудить вопрос: войти в «Союз 17 октября» или создать свою политическую партию. При этом сам председатель считал, что нужно присоединиться к октябристам. Другие указывали на партию правового порядка или «говорили о необходимости образовать в Витебске русскую партию православного населения». Вскоре, однако, выяснилось, что к формированию собственной партии собрание не готово. Большинство склонилось на сторону «Союза 17 октября». Богданович поставил на

баллотировку два предложения: 1) согласно ли собрание организовать в Витебске отдел партии октябристов и 2) об избрании его комитета. Собравшиеся проголосовали за создание отдела «Союза 17 октября» [15, л. 43]. На первом заседании 18 декабря комитет отдела избрал В.В. Богдановича председателем [16, л. 44].

После оформления октябристской организации «Союз мира» в январе 1906 г. прекратил свою деятельность [13, л. 9].

Социальный состав Витебского отдела «Союза 17 октября» заметно отличался от состава великороссийских отделов партии. Помещиков в рядах октябристов было мало. Это объясняется тем, что на севере Беларуси доминировали землевладельцы-католики, считавшие себя, как правило, поляками. Им не нравилось отстаивание «Союзом 17 октября» унитарного устройства Российской империи. В частности, В.В. Богданович, характеризуя взаимоотношения с местным дворянством, сообщал ЦК партии в марте 1906 г.: «…поляки не особенно охотно идут в «Союз» [*17 октября. – Д.Л.*]… по своим воззрениям они стоят левее Союза по крайней мере в вопросах затрагивающих их национальные чувства (единство и неделимость России)» [16, л. 46 об.]. Поэтому не помещики, а представители других социальных групп составили основу октябристской организации в Витебской губернии.

Как уже отмечалось выше, ядро Витебского отдела октябристов образовали преподаватели духовной семинарии. Кроме них, в «Союз 17 октября» активно вступали учителя других учебных заведений города, чиновники и мещане православного вероисповедания. В январе 1906 г. В.В. Богданович предпринял попытку привлечь в ряды октябристов членов возникшего в 1905 г. союза крестьян-арендаторов. Хотя его председатель отклонил предложение, арендаторы из числа старообрядцев отнеслись к программе «Союза 17 октября» вполне сочувственно [16, л. 45]. После этого Богданович основной упор сделал на привлечение в отдел именно старообрядцев. Велась работа также среди витебских ремесленников [16, л. 45].

С целью привлечения народа в «Союз 17 октября» была развернута масштабная агитация. Уже 19 декабря 1905 г. В.В. Богданович обратился к ЦК с просьбой выслать предвыборные листовки и воззвания в количестве до 5 тыс. экземпляров, а брошюры – до 1 тыс. экземпляров. В ответ ЦК отправил в Витебск 14 посылок с агитационными материалами [16, л. 27 об.,

29]. Однако быстро начать пропаганду помешало недостаточное количество денег у местных октябристов. Так, они смогли заплатить на почте только за 13 посылок, для выкупа же 14-й пришлось просить в долг у ЦК 100 руб. [16, л. 29]. На помощь октябристам пришли власти. Губернатор разрешил им размножать листовки в губернской типографии, выступать со страниц «Витебских губернских ведомостей», редакция которых стала использоваться и как контора для вербовки новых членов «Союза 17 октября».

Однако, несмотря на все усилия В.В. Богдановича, результаты избирательной кампании в I Государственную думу для октябристов оказались неудачными. В ходе избрания выборщиков в Витебске их главный кандидат получил всего 1122 голосов, а его противники 3200 [16, л. 46]. Относительный "успех" «Союза 17 октября» витебский губернатор объяснял лишь тем, что его кандидаты по своим личным качествам были известны избирателям с положительной стороны [12, л. 2]. Это и позволило октябристам получить часть голосов. Но их оказалось мало, чтобы представители «Союза 17 октября» смогли пройти в Думу.

Во время выборов во II Государственную думу власти Витебской губернии старались объединить все проправительственные партии и организации в рамках Русского окраинного союза (РОС). Хотя В.В. Богданович поддержал идею блока с крайними монархистами, местные власти решили провести ротацию в руководстве октябристов, поддержав на пост председателя отдела кандидатуру Н.Ю. Шильднер-Шульднера, имевшего поддержку П.А. Столыпина. На общем собрании Витебского отдела «Союза 17 октября» 29 октября 1906 г. было принято решение о вхождении в РОС. Тогда же был переизбран комитет отдела. Его председателем вместо В.В. Богдановича стал Н.Ю. Шильднер-Шульднер [14, с. 658, 660].

После переговоров губернатора с октябристами, старообрядцами и представителями других монархических организаций был создан Витебский губернский русский предвыборный комитет, председателем которого стал Н.Ю. Шильднер-Шульднер. Деятельным членом комитета был и В.В. Богданович [14, л. 32].

Благодаря поддержке витебской губернской администрации во II Государственную думу прошли 3 представителя РОС, хотя ни одного октябриста среди них не оказалось.

Весной 1907 г. В.В. Богданович получил назначение на должность инспектора Минской духовной семинарии, а осенью в той же должности переехал в Вильно [24, с. 112], где активизировал свою литературно-публицистическую деятельность. Увлеченный историей виленских православных храмов и монастырей, он занимался сбором материалов о местных достопримечательностях и святынях. Итогом стало его назначение хранителем древлехранилища при Виленском церковно-археологическом комитете. В 1915 г. вместе с эвакуированной семинарией В.В. Богданович переехал в Рязань.

Будучи церковным и общественно-политическим деятелем, В.В. Богданович принял участие в Священном соборе Русской православной церкви 1917–1918 гг. После собора вернулся на родину, где в 1919 г. на правах ректора возобновил занятия в семинарии. Позже исполнял обязанности ректора Литовской духовной семинарии, редактора «Литовских епархиальных ведомостей», секретаря Литовского епархиального совета, служил псаломщиком в храме Святой Евфросинии в Вильно.

В 1922 г. Вячеслав Васильевич Богданович был избран членом Сената II Речи Посполитой, где многое сделал для защиты православной церкви, что способствовало его известности «среди православных не только Польши, но и во всем мире» [21]. В этом же году как противник автокефалии Польской православной церкви В.В. Богданович был снят со всех должностей архиепископом Варшавским Георгием. Осенью 1922 г. его арестовали польские власти и вывезли в Краков.

В 1928 г. В.В. Богданович был избран сенатором на второй срок. Выступая в сенате, обращал внимание на действительное положение Православной церкви, насилие, конфискацию имущества, национальное притеснение. С 1930 г. преподавал в женском епархиальном училище и Виленской русской гимназии имени Пушкина [3]. Являлся председателем религиозно-философского кружка Виленского русского общества, одним из основателей «Беларускага праваслаўнага аб’яднання». В 1920–1930-х гг. был членом Белорусского национального комитета в Вильно.

Кроме общественной и государственной работы большое внимание В.В. Богданович уделял литературному творчеству [7]. На страницах «Литовских епархиальных ведомостей» (1921–1922), журнала «Праваслаўная Беларусь» (1927–1928) В.В. Богданович поднимал широкий круг проблем

духовного наследия православного населения Польши, белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой, боролся за права белорусского народа в общественно-политической и религиозной сферах. Ратуя за православие, он защищал и белорусов-католиков. Его возмущали действия светских и костельных властей, которые, с одной стороны, поощряли переход белорусов из православия в католицизм, а с другой – попирали права этих людей за желание оставаться белорусами [24, с. 111]. В 1930-е г. В.В. Богданович сотрудничал с популярным в Польше журналом «Воскресное чтение», на страницах которого помещались не только его речи и выступления в стенах сената, но и отзывы на церковно-общественную и публицистическую деятельность как внутри страны, так и за ее пределами.

Будучи активным общественно-политическим и религиозным деятелем, В.В. Богданович не мог оставаться в стороне от этноконфессиональных и культурных процессов, происходивших на территории восстановленной в 1918 г. Польши, именовавшейся II Речью Посполитой. Анализ этнографических границ II Речи Посполитой показывает, что в ее составе оказались около половины современной Беларуси, значительная часть Литвы и Украины. Это были преимущественно восточнославянские этнические территории, заселенные в основном православным населением, составлявшим, по данным государственной переписи 1931 г., около 12% всех жителей Польши. При этом доля православных в восточных воеводствах II Речи Посполитой измерялась многими десятками процентов и доходила, например, в Полесском воеводстве до 80%. Заметной она была и в центральной части тогдашней Польши [17, с. 253].

Согласно официальной церковной статистике, в 1939 г. Православная церковь в Польше имела пять епархий с более чем 4 миллионами верующих, 2500 церквей и часовен, около 3000 духовных лиц, 17 монастырей и скитов, духовные семинарии в Вильне и Кременце, Православный Богословский отдел при Варшавском университете имени Иосифа Пилсудского, Митрополитальный семинарий иконографии, Псаломщицкую школу, Синодальную типографию, различные периодические издания, архив.

Отметим, что процесс национального самоопределения в ту пору еще не только не завершился, но кое-где даже и не начинался, особенно в Полесье и самом центре польско-восточнославянского пограничья. Православные люди говорили о себе, что они «тутейшие» – тутошние, здешние, а язык их

«тутейший», «простый» или «руский». В официальных документах той поры было узаконено определение «тутейший», таковых, по различным данным, насчитывалось около 1 миллиона человек. Согласно переписи 1931 г., более 1 миллиона православных считали родным языком украинский, почти 1 миллион – белорусский, полмиллиона – польский, сто тысяч – русский, почти 22 тысячи – чешский [17, с. 253].

Чтобы разобраться в сложившейся этноконфессиональной и культурной ситуации, обратимся к проблематике публицистических работ В.В. Богдановича, в которых отстаивалась идея единства восточных славян, делался акцент на защите прав белорусского народа, православия.

Одной из главных в литературной и парламентской деятельности В.В. Богдановича была тема взаимоотношения церкви и государства. Как противник автокефалии Православной церкви в Польше, В.В. Богданович выступал за ее подчинение Московской патриархии. Такое видение данного вопроса, по мнению Богдановича, было небезосновательным. Отстаивая идею белорусизации Православной церкви, вместе со своими сторонниками он ратовал за созыв Поместного собора, который виделся ему событием огромной важности не только в жизни Российской, но и всех православных церквей [9, с. 40].

Приведем выдержку из речи В.В. Богдановича, произнесенную на заседании Сената Польской Республики при обсуждении бюджета министерства исповеданий и просвещения. Богданович отмечал: «<…> Когда восстановлена была Польша и постепенно, сначала фактически, а потом и юридически определялись ее границы, то в этих границах по разным статистическим данным оказалось от 4 до 5 миллионов православных. Факт этот выдвинул на первый план вопрос чрезвычайной важности – о юридической форме существования православной церкви в Польше. Высокие принципы, провозглашенные польской конституцией и первоначальное вольнолюбивое и приподнятое настроение польского народа, казалось бы, давали гарантию тому, что этот вопрос будет разрешен на основании принципа: "свободная церковь в свободном государстве" [18, с. 4]. По мнению оратора, «народ-церковь должен был заключить союз с народом-государством», однако, как отмечает В.В. Богданович, «правительство захотело идти иной дорогой. <…> Вместо того, чтобы заключить союз с целым православным народом <…>, правительство решило, пользуясь

правом создать иерархию и разговаривать с ней. Когда патриарх Тихон назначил на Варшавскую кафедру в качестве временного экзарха архиепископа Георгия, правительство признало этот факт, а это значило, что и власть патриарха Тихона. Но, когда последний в присланном им для руководства положении назначение архиепископа Георгия на место постоянного митрополита «всея Польши» поставил в зависимость от собора, то правительство позволило ему исказить это положение, признав его митрополитом всей Польши без Собора, а патриархом были прерваны сношения» [18, с. 4]. По мнению В.В. Богдановича, этим правительство ясно показало, что оно не хочет разговаривать с православной церковью, таким образом еще больше отдалив себя от народа.

Лидер белорусского национально-церковного движения В.В. Богданович в журнале «Беларускі Сцяг» отмечал, что «Православная церковь на территории Западной Беларуси находится в состоянии кризиса: лишена опеки бывшего российского правительства, преследуется польскими властями, атакуется со всех сторон католичеством и не может себя защитить. В то же время, по его мнению, «Православная церковь имеет шанс возродиться и укрепиться, если пойдет навстречу белорусскому народу, объединится с ним, проникнется его тяготами и невзгодами» [22, с. 124].

Выход из сложившейся ситуации В.В. Богданович видел в решении следующих задач: 1) замена великорусского языка на белорусский в церковном употреблении, кроме богослужений; 2) замещение епископских кафедр белорусами по национальности; 3) широкое использование приходским духовенством белорусского языка в церковной деятельности и повседневной жизни. Наиболее приемлемым вариантом он считал восстановление ранее существовавшей автономии Белорусской православной церкви, которая включала бы в себя все этнически белорусские земли [22, с. 124].

Несмотря на гонения со стороны варшавского экзархата, В.В. Богданович смог объединить вокруг себя противников введения автокефалии Православной церкви в Польше, сторонников сохранения связи с Московской патриархией.

Неоднократно В.В. Богданович акцентировал внимание на необходимости сохранения единого православного культурного наследия [20]. В местной русской печати он выступал с публицистическими статьями

о жизни русского студенчества, читал лекции о русской литературе екатерининских времен, русской поэзии предреволюционной поры, выступал с докладами и дискуссиями на темы религии и общества на литературных и творческих вечерах [11, с. 144, 145]. Обращался Вячеслав Васильевич и к историко-философской тематике.

В своей литературной деятельности В.В. Богданович всегда выступал как независимый от конфессиональной ориентации лидер. Так, например, он яростно защищал от религиозного преследования белорусов-католиков, отмечая, что правительством «безусловно попираются всякие проявления национальной жизни в церковной. Очевидно, что в отношении римско-католического костела правительство не хочет считаться с нуждами народа» [18, с. 6]. В доказательство бесчинства и правонарушений В.В. Богданович приводит следующие примеры: возбуждение уголовного дела против ксендза В. Годлевского, настоятеля костела в Жодишках Свентянского уезда, говорящего по желанию народа проповеди по-белорусски; отстранение от занятий в школе ксендза В. Шутовича, настоятеля в Бороденичах, за чтение преподавание Закона Божия на белорусском языке; увольнение за употребление белорусского языка с должности школьных префектов ксендза Семашкевича, настоятеля в Лаворишках, и ксендза Петровского, настоятеля в Долгинове; конфискация белорусской католической прессы, освещавшей факты преследования в белорусско-католической жизни и заступавшейся за преследуемых, и другие примеры.

Как и теме соборности в жизни церкви, В. Богданович много внимания уделял вопросу взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, прежде всего судьбам церковнославянского языка. «Славянский язык <…> употребляется в церкви не только в России, – отмечал он, – но и у многих иных славянских православных народов. Употреблялся он некогда и поляками… Для нас, белорусов, церковно-славянский язык является исторической основой нашей культуры <…> и не чуть не помешает национальному возрождению белорусского народа и росту его родной культуры» [10, с. 67, 68]. По поводу сосуществования русского и белорусского языков В.В. Богданович писал: «Этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два этих языка понятны населению… Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православной распри, ибо

вера православная, догматы ее, соборное начало в управлении и церковно-славянский богослужебный язык явятся связующим звеном всех православных в нашем крае для созидания церкви» [24, с. 112].

Центральное место среди многочисленных публикаций по данному вопросу занимает трактат «Церковно-славянский язык как религиозно-церковная ценность» [2]. В нем в ответ на обвинения с польской стороны в связи с отстаиванием В.В. Богдановичем церковнославянского языка в богослужении мыслитель писал: «Славянский язык... употребляется в церкви не только в России, но и у многих иных славянских православных народов. Употреблялся он некогда и поляками, которые вначале приняли Христову веру от учеников святых братьев Кирилла и Мефодия. Для нас белорусов церковно-славянский язык является исторической основой нашей культуры... пристало ли нам начинать вести борьбу с этой мощной основой нашей культуры и нашего литературного языка? Борьба с церковно-славянским языком как раз и является одним из большевистских лозунгов. Большевики не только выгнали его из школ и из советской жизни, но и поддерживают борьбу с ним в церковной жизни через те церковные группы (обновленцы, живоцерковники), которые склонились к большевистской идеологии. К сожалению, оттуда эта борьба с церковно-славянским языком перекинулась и в Польшу, на Западную Украину и, как можно видеть из газет, поддерживается Правительством и уже внесла в гущу украинского православного народа нежелательный для них раскол и внутреннюю борьбу. Вот тут и пошли в ход демагогические политические лозунги, которыми и стараются подогревать эту борьбу. Этого мы и не хотим для белорусского народа. "Slowo" утверждает..., что всю белорусизацию церкви мы ограничиваем только проповедями в церкви на белорусском языке. Это не правда, ибо мы стоим за родной язык и в духовной школе, и во всей административной жизни церкви. Не исключаем и так называемого "дополнительного богослужения" на белорусском языке, которое в свое время разрешил (вернее, разъяснил, так как это и ранее не запрещалось) патриарх Тихон еще в 1921 г. А когда славянский язык останется в основном богослужении белорусского народа, то это ничуть не помешает его национальному возрождению и росту его родной культуры, а даже поможет этому. Не помешало же национализму польского народа употребление

латинского языка в костеле... Однако же латинский язык для поляков, как славян, чужой, а славянский для нас – свой» [2, с. 25].

Не оставлял без внимания В.В. Богданович и тему взаимоотношения языков в среде православного населения Польши. Рассматривая вопрос сосуществования русского и белорусского языков, В.В. Богданович выражал уверенность в том, что «существование двух языков не поселит в народе православном распри», и отмечал: «этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два этих языка понятны населению» [5, с. 3].

Своими мыслями В.В. Богданович открыто делился с воспитанниками Виленской духовной семинарии. Будучи ректором данного учреждения, он популяризировал изучение белорусского языка и литературы, которые стали обязательными предметами в образовании будущих священнослужителей православной церкви.

Высокообразованный богослов, обладающий глубокой живой верой, интеллигентностью, кристальной честностью, педагогическим талантом передавать свои знания и убеждения слушателям, воспитанникам, В.В. Богданович кроме преподавания богословских дисциплин в богословских классах работал в епархиальном совете, консистории, преподавал в женском епархиальном училище и Виленской русской гимназии. Как вспоминает один из учеников, священник Евстафий, В.В. Богданович посвящал много времени беседам со своими воспитанниками, в которых звучал патриотический мотив верности Святому Православию, противостояния агрессивной политике католической церкви, направленной на окатоличивание и ополячивание православных граждан.

Таким образом, В.В. Богданович был не только прогрессивным мыслителем, но и деятельным воплотителем своих идей в жизнь. К его мнению прислушивались при решении вопросов об открытии русских и белорусских школ, театров, кооперативов, спортивных объединений.

В 1927 г. В.В. Богданович явился организатором особой православной партии «Православное белорусское демократическое объединение», печатным органом которой стал журнал «Православная Беларусь» [24, с. 111]. На страницах издания В. Богданович поднимал широкий круг насущных проблем белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой. Журнал был создан для освещения церковных дел с позиции

белорусского национально-церковного движения. Редакцией отмечалось, что конфессиональное разделение белорусского народа на два религиозных течения стало причиной возникновения двух культурно-исторических типов белорусов. В связи с этим партия стремилась объединить белорусов в единую национальную семью и в этой связи декларировала следующие цели: использование белорусского языка в проповедях и преподавании Закона Божьего, функционирование Церкви на принципах соборности с участием светских лиц в церковном руководстве [1].

Принимая активное участие в политической жизни Беларуси, будучи в разное время председателем Витебского отдела «Союза 17 октября», одним из инициаторов создания Русского губернского предвыборного комитета, организатором партии «Православное белорусское демократическое объединение», участником Поместного Собора 1917–1918 гг., сенатором II Речи Посполитой [8] В.В. Богданович за свои взгляды и убеждения, неоднократно попадал в разряд лиц, весьма опасных для государства, которое применяло к нему репрессии. Обвиненный властями в антигосударственной деятельности, В.В. Богданович в августе 1939 г. был арестован польскими властями и сослан в Березово-Картузский концентрационный лагерь недалеко от Бреста. С наступлением Красной армии охрана лагеря бежала, и заключенные разошлись по домам. После раздела Польши В.В. Богданович вернулся в Вильно. 17 октября 1939 г. он был арестован органами НКВД за белорусский патриотизм [4]. Дальнейшая его судьба неизвестна. По частным свидетельствам, был расстрелян в том же году в Лукишской тюрьме в Вильно, по другим сведениям – в июне 1941 г. при эвакуации тюрьмы № 26 из г. Вилейки.

В заключение отметим, что, будучи одним из признанных вождей белорусского национального движения, В.В. Богданович оставался сторонником самого тесного единения белорусов, великороссов и малороссов на основе общности их исторической жизни, традиций, соборности. Каждое его выступление вызывало определенный общественный подъем со стороны православного населения страны.

Литература:

1. Ад рэдакцыі // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 1. С. 1.
2. Богданович В.В. Церковнославянский язык как религиозно-культурная ценность: ко дню 950-летия крещения Руси, 988–1938. Гродно: Издание Русского общества молодежи в Польше, Отдел в Гродно (РОМ), 1938. 31 с.
3. Богданович, Вячеслав Васильевич URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91% (дата обращения: 29.10.2020).
4. Багдановіч В. (1878 – ?). Пра кампазітара, царкоўнага і палітычнага дзеяча II Рэчы Паспалітай // Ніва. 1998. 25 кастрычніка. № 43. С. 7.
5. Виленский православный календарь на 1927 год (Вильна, 1927). URL: https://www.pravenc.ru/text/149455.html (дата обращения: 29.10.2020).
6. Заблоцкая М.В. Витебская духовная семинария: витебский период (1856–1906) // Религия и общество – 13: сборник научных статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. С. 186–188.
7. Заблоцкая М.В. Литературное творчество В.В. Богдановича в культурной и политической жизни Беларуси первой половины XX века // Актуальные проблемы современного гуманитарного образования: материалы VII Республиканской научной конференции молодых ученых и аспирантов, Минск, 25 ноября 2010 г. / РИВШ; редкол.: И.В. Титович [и др.]. Минск: РИВШ, 2010. С. 47–48.
8. Заблоцкая М.В. Членство В.В. Богдановича, А.П. Сапунова и В.К. Стукалича в Витебском отделении «Союза 17 октября» // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин): материалы I Международной научной конференции, Витебск, 2–3 декабря, 2010 г. / МИТСО; редкол.: В.А. Космач [и др.]. Витебск: Витебский филиал УО ФПБ МИТСО, 2010. С. 40–42.
9. Лабынцев Ю.А. Литературное наследие В.В. Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой // Славяноведение. 1997. № 3. С. 39–49.
10. Лабынцев Ю.А. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск. 2001. 304 с.
11. Лавринец П. Русская литература Литвы XIX – первая половина XX века. Вильнюс, 1999. 191 с.
12. Наряд по секретной переписке по Витебской губернии // ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 1.
13. Об утверждении проекта устава Витебского союза мира (1905 г.) // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1905 г. Д. 208.
14. Обозрение событий и окраинная жизнь // Окраины России. 1906. 26 ноября. С. 656–661.
15. Отдел «Союза 17 октября» // Минское слово. 1907. 16 января. С. 1.
16. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Витебской губернии (1905–1906 гг.) // ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59.

17. Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Изд-во «Иидрик», 2000. 272 с.

18. Речь сенатора В.В. Богдановича, произнесенная 23 июня 1925 года на заседании Сената Польской Республики при обсуждении бюджета министерства и исповеданий и просвещения (Вильно, 1925 г.) // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 14 об.

19. Самосюк Н. Роль В. Богдановича в развитии белорусского национально-церковного движения в Западной Беларуси (1921–1939). URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/ (дата обращения: 30.10.2020).

20. Сын Беларуса. 1224. № 22. Отдельный оттиск: Прамова сэнатара В. Багдановіча ў Сэнаце 23.VII.24. С. 4–6.

21. Сябра. Беларуская выбарная справа // Праваслаўная Беларусь. 1928. №6. С. 6.

22. Сьвятагор В. Праваслаўная Царква на Беларусі // Спадчына. 1997. № 2. С. 119 – 125.

23. Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Каземировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г. // ГАВО. Ф. 967. Коллекция документов о культурной и общественно-политической жизни Витебщины. Оп. 2. Д. 1.

24. Черепица В.Н. … Не потерять связующую нить. Гродно: ГрГУ, 2003. 419 с.

25. Щавинская Л. Православные в межвоенной Польше и их сенатор В.В. Богданович. URL: https://minds.by/articles/istoriya-tserkvi/pravoslavnye-v-mezhvoennoj-polshe-i-ih-lider-senator-v-v-bogdanovich#.YxoaonZBw2w (дата обращения: 08.09.2022).

D.S. Lavrinovich, M.V. Zablotskaya

Mogilev State A. Kuleshov University

Public activity of V.V. Bogdanovich: from octobrism to the struggle for self-determination of the Belarusian people

Key words: zapadnorusizm; "Union of October 17"; regional studies; Orthodox Church; Belarusian studies.

The article reveals the activity of Vyacheslav Vasilievich Bogdanovich, Belarusian public and church figure, pedagogue and publicist, leader of Belarusian national-church movement of the first half of the 20th century. The authors show the ideological evolution of V.V. Bogdanovich, from supporter of the "Union of October 17" to defender of national interests of the Belarusians in the interwar Poland, promoter of learning the Belarusian language and literature in schools, active fighter against catholization and polonization of the Orthodox population.

О.В. Большакова

Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН
Москва

УДК 93/94

Историческая память о Великой Отечественной войне и национальная идентичность в послевоенной Белоруссии: современные зарубежные исследования

Ключевые слова: *Советская Белоруссия; Великая Отечественная война; зарубежная историография; Холокост; историческая память; «партизанская республика».*

Статья посвящена новым подходам к изучению белорусской национальной идентичности в контексте исследований исторической памяти. В центре внимания – Великая Отечественная война и ее последствия в Белоруссии. Освещаются в том числе такие темы, как память о жертвах войны, включая геноцид евреев и цыган, место Белоруссии как «партизанской республики» в официальном нарративе о Великой Отечественной войне, формирование советской гражданской идентичности.

Историческая память как один из факторов формирования идентичности в последнее время становится все более значимой темой в зарубежном белорусоведении. Ее актуальность обусловлена тем, что конструирование белорусской идентичности, активизировавшееся после распада Советского Союза, идет в республике полным ходом. Огромная работа в этом направлении ведется в белорусском обществе силами писателей, художников и музыкантов, общественных деятелей и ученых. Все они задумываются о том, что же означает сегодня быть белорусом?

Над этой проблемой серьезно работают историки, социологи, этнологи и антропологи. К настоящему времени они выделяют несколько типов современной белорусской идентичности, этнической и гражданской, включая

целый ряд *образов* этничности, которые обрели особое значение в современных условиях чрезвычайно расширившегося медийного пространства (в него наряду с традиционными СМИ входят интернет-издания, форумы, блоги, социальные сети). Несомненно, возможности выделения тех или иных типов бесконечны и ограничиваются лишь здравым смыслом исследователя, тем не менее все они группируются вокруг двух основополагающих: так называемых «евробелорусов», тесно привязанных к идее «Запад-Восток», и «белороссов», принимающих риторику «трех братских народов». Первые, составляющие наиболее активную и мобильную часть белорусского общества, считают свою страну «мостом» между «Востоком», к которому они относят Россию как империю восточного образца, и «Западом», прежде всего Польшей[1]. Для самоидентификации вторых – а это большая часть общества, сосредоточенная главным образом на выживании, для которой основными ценностями являются безопасность и стабильность, – триада «Лукашенко – Россия – СССР» имеет фактически опорное значение [2, с. 126–127].

Будучи тесно связанными с представлениями о месте своей страны в мире, данные образы актуальны как для написания национальной истории, так и для использования ее в качестве инструмента конструирования идентичности.

В последние двадцать лет историки уделяли большое внимание изучению исторических особенностей формирования белорусской нации, определению основных этапов национальной политики и политики памяти. В своих исследованиях они исходили из того, что восточные и западные белорусские земли находились в составе различных государств, которые проводили разную политику в сфере языка, культуры, религии и др. Результатом, как считается, явилась определенная фрагментация белорусского населения и всего «духовно-культурного пространства Беларуси» и как итог – отсутствие консенсуса в отношении коллективной исторической памяти. Историческая наука в этих условиях стала ареной борьбы представителей разных школ и направлений, а также разных политических сил, пытающихся повлиять на интерпретации [3, с. 141–142].

---

[1] Представления о промежуточном географическом и историко-культурном положении своей страны характерны также для национальных историографий Азербайджана, Казахстана и других бывших советских республик, получивших развитие в 1990-е гг. в рамках осмысления «особого пути». Только для них «Западом» являлась и по-прежнему является Россия (Чернявская Ю. с. 126)

Вклад зарубежных белорусоведов в эту работу, конечно, достаточно скромен, особенно если говорить о количественном соотношении опубликованных ими трудов и национальной белорусской историографии. Тем не менее он заслуживает пристального внимания, во-первых, как «взгляд со стороны», а во-вторых, как пример применения новых подходов, концепций и инструментов анализа.

Одним из самых перспективных направлений представляется сегодня изучение проблемы исторической памяти в рамках исследований Второй мировой войны и послевоенной ситуации в Советской Белоруссии. Современные работы «завязаны» на теме идентичности, однако не оставляют без внимания и такие вопросы, как особенности государственного строительства в СССР, выявляемые на белорусском материале, и, конечно, мифотворчество – создание нарратива о Великой Отечественной войне, который имел огромное значение для формирования советской идентичности в Белоруссии, подававшейся тогда как партизанская республика.

Тематические предпочтения зарубежных специалистов обусловлены рядом обстоятельств, в силу которых наиболее изученным на данный момент является вопрос о еврейской идентичности в Белоруссии. Этому способствовало как серьезное развитие научной дисциплины иудаики (Jewish studies), так и огромное внимание международного общественного мнения к теме Холокоста. Собственно, к уничтожению евреев в Европе чаще всего и сводятся военные преступления гитлеровской Германии, при этом «за кадром» остается все остальное. Так что для зарубежных исследователей Второй мировой войны эта тема лежит на поверхности, поскольку в фокусе их внимания находится такой аспект исторической памяти, как скорбь о жертвах войны.

Углубленное изучение данной проблематики в последние десять лет повлекло за собой смещение интереса исследователей с Западной Европы к Восточной[2]. Здесь Холокост проходил иначе, иным был и историко-культурный контекст (см.: 7). С одной стороны, регион характеризовался этническим и языковым разнообразием, с другой – большую его часть занимал Советский Союз, совершенно новое государство в том, что касается структуры, идеологии

[2] Поворот на восток произошел и в исследованиях Первой мировой войны, активизировавшихся в годы ее столетнего юбилея. Восточный фронт Великой войны, прежде почти не изучавшийся, внезапно обрел для европейцев историческую значимость.

и практики управления. Как отмечают зарубежные историки, Белоруссия представляет собой исключительно интересный объект для исследования: ее западная часть была присоединена к СССР только в 1939 г., что позволяет сравнить влияние политики и идеологии на самоидентификацию населения. Кроме того, война на этой территории велась с особой жестокостью. По словам Ф. Экзелер, республика представляет собой квинтэссенцию «крайностей XX века» в Европе [11, p. 4].

К концу августа 1941 г. Советская Белоруссия была полностью занята немцами и находилась под оккупацией в течение трех лет, став фактически эпицентром Холокоста, а затем партизанского движения. Исследователи довольно исчерпывающе реконструировали структуру управления, созданную оккупантами, анализируя механизмы эксплуатации и репрессий населения, включая его тотальное истребление [12; 13; 19]. В силу уже обрисованных выше тематических предпочтений весьма подробное освещение получило еврейское сопротивление в Белоруссии [6; 10; 15; 17; 22]. Закономерен и интерес к проблеме коллаборационизма, хотя даже фактическая его сторона изучена пока недостаточно. Исходный постулат о том, что Белоруссия характеризовалась крайне низким уровнем сотрудничества местного населения с немцами (высказанный в своем время Н. Вакаром), пока не получил надежного подтверждения [9; 18; 19; 21].

Однако новые подходы сулят хорошие перспективы изучению этой темы. В современных зарубежных исследованиях Второй мировой войны относительно недавно произошел поворот к истории гражданского населения, к реконструкции жизни и выживания в оккупации, что особенно сложно уловить в условиях мультиязычной и мультиэтничной Белоруссии, где в этот период действовали разные силы и шла война «всех против всех». Фактически население Советской Белоруссии за линией фронта находилось в эпицентре многостороннего конфликта, в том числе на местном уровне: одни жители деревни служили немцам, другие находились в партизанах или помогали им; на западе действовали силы польской Армии Крайовой, на юге формирования украинских националистов [11, p. 10]. При этом сами военные события исследуются с точки зрения их последующей интерпретации – как простыми людьми, которые вспоминали о них впоследствии, так и государством.

Под этим углом зрения рассматривается и коллаборационизм. Содержание термина остается пока дискуссионным, поскольку его

традиционное значение не способно адекватно уловить все сложности военной реальности, в которой сотрудничество с оккупантами принимало множество различных форм [11, p. 7]. Современная тенденция фокусироваться на сложности, многозначности военной и послевоенной ситуаций дает хорошие результаты в исследовании темы коллаборационизма и выводит ее на новый уровень. Так, в книге Ф. Экзелер показано, как в ходе процессов над «предателями и пособниками» выстраивался нарратив войны, официальный и неофициальный [11].

В то же время исследователи подчеркивают, что невозможно понять поведение людей без учета довоенного «советского наследия», в том числе национальной политики. В ряде работ говорится о том, что в СССР в 1920-е годы поддерживалась культурная автономия многочисленных народов страны и одновременно насаждался интернационализм, который заложил основы для сплоченности в годы войны [6; 10; 22]. Во второй половине 1930-х годов возникает и получает широкое распространение в публичном дискурсе концепт «советский народ», который, как отмечается, находился в центре гражданской идентичности, рожденной из риторики равенства и братства. Подчеркивавший многонациональный характер СССР концепт с его лозунгом «дружбы народов» обладал мощным объединяющим, а в условиях напряженного ожидания войны и патриотическим потенциалом [24, p. 149].

Исследователи еврейского сопротивления в оккупированной Белоруссии склонны считать советский интернационализм важнейшим фактором, обеспечившим солидарность местного населения и в конечном счете выживание многих и многих обреченных. Особенно ярко это продемонстрировано в работе, прямо сопоставляющей сопротивление еврейской молодежи на территории Советской Белоруссии и присоединенной к ней в 1939 г. западной части, в Витебске и Гродно соответственно [15]. Несомненно, некоторые отличия обусловливались и тем, что эти города оказались в разных оккупационных зонах, где стратегии эксплуатации и истребления евреев различались (на западе убивали в газовых камерах, на востоке расстреливали). Однако коренные различия отрицать невозможно. В Витебске еврейская молодежь, уже вполне ассимилированная, старалась выдавать себя за русских, белорусов, татар (многие уходили в партизаны). В Гродно так поступали в самом крайнем случае, в основном сопротивление было именно еврейским, в гетто. Автор отмечает большую гибкость еврейской

молодежи, выросшей при советской власти, ее активность и умение коммуницировать с нееврейским населением, что обеспечивало более широкие возможности для выживания [15].

Для советских евреев самым огромным потрясением от нацистского вторжения явилось внезапное обретение ими национальной идентичности, которая постепенно стиралась в СССР [22]. Истребление их по национальному признаку стало серьезной проверкой на прочность для советского интернационализма. Как это происходило на практике, показано в ряде работ зарубежных историков, уделяющих внимание и подполью, и партизанскому движению. В них демонстрируется, что история Минского гетто – это история не только тотального уничтожения, но и спасения множества людей, которых объединенными усилиями переправляли в лес (что было самой успешной стратегией выживания в ходе ликвидаций гетто).

В книге Анике Вальке [22], немецкой исследовательницы, живущей и работающей в США, отдельная глава посвящена партизанскому национальному соединению, развернутому в Налибокской пуще, основу которого составляли спасшиеся из гетто, прежде всего из Минска (половина – женщины и дети). По имени командира оно называлось «семейным подразделением Зорина» и представляло собой советское общество в миниатюре, со всеми его патриархальными чертами. Основным направлением деятельности отряда являлось обеспечение продовольствием соседних партизанских формирований и медицинская помощь, поскольку целому ряду высококлассных врачей удалось спастись из гетто.

Информацию для своей работы Вальке получала не только и не столько в архивах, сколько от живых свидетелей, которые в то время были детьми – то есть, с ее точки зрения, продуктами советской политики довоенных лет. Их воспоминания, которые историк записывала главным образом в начале 2000-х гг., окрашены ностальгией по молодости, по атмосфере коллективизма и взаимовыручки. Во многом ее информанты, так называемые дети войны, остались советскими людьми, приверженными соответствующим ценностям, включая «дружбу народов». Отсюда излишний акцент на равенстве и солидарности, хотя авторскую методику анализа источников следует признать весьма и весьма основательной. Ее отличает внимание к механизмам работы памяти и в том числе к умолчаниям, всегда много говорящим исследователю (подробнее см.: 1).

Пожалуй, умолчания – главный лейтмотив современных работ, посвященных послевоенной Белоруссии. С одной стороны, авторы стремятся реконструировать актуальное прошлое, которое «замалчивается», с другой – обращаются к памяти о нем. Методологические основы для исследований такого рода заложены в научной дисциплине Memory studies, сложившейся в последние 30 лет. Для нее характерно смещение фокуса внимания от самих исторических событий к изучению того, что люди помнят о них – и как их вспоминают (и что они предпочитают забыть).

На замалчивание истории минского подполья, сотни участников которого после освобождения были арестованы по обвинению в сотрудничестве с немцами, указывает в своей книге Б. Эпштейн. По ее словам, клевета исходила с самого верха, от П.К. Пономаренко и других партийных руководителей, выставлявших себя главными борцами с немецко-фашистскими захватчиками. Таким образом, истинная история минского подполья, в том числе и в гетто, долгое время не была известной, оставаясь в тени партизанского движения. В то же время непризнание шло и с другой стороны: «золотым стандартом» еврейского сопротивления считалось восстание в Варшавском гетто [10, p. 283]. Это было обусловлено преобладанием сионистских взглядов в памяти о Холокосте, и совершенно иная модель Минского и других гетто на территории СССР не вписывалась в заданные рамки.

Этот сюжет демонстрирует вполне конкретные обстоятельства формирования исторической памяти о Холокосте, которая до настоящего времени остается ареной острой борьбы. Для сионистов, как пишет Эпштейн, трагическая история восстания способствует выковыванию еврейской идентичности, в то время как побег из гетто означал предательство своего народа. Преобладанию такой точки зрения способствовало то обстоятельство, что голоса советских евреев были просто не слышны на Западе. Кроме того, история Минского гетто, где главную роль играла взаимовыручка людей разных национальностей, в меньшей степени отвечала целям сионистов по созданию своего государства. Она к тому же подчеркивала позитивные черты довоенного советского эксперимента – интернационализм, борьбу с антисемитизмом, что совершенно не вязалось с начавшейся холодной войной [16, с. 292]. В Советском Союзе, в свою очередь, в эти годы набирал силу антисемитизм. Его считают одной из основных причин того, что Холокост в

СССР замалчивался и в итоге был «универсализирован» – речь шла о преступлениях фашистов против всех народов Советского Союза [1].

Проблема замалчивания Холокоста в СССР имеет обширную историографию, довольно долго это была одна из популярных тем для критики СССР на Западе. Ее основные пункты нашли отражение в предисловии Р. Пайпса к первому в зарубежной историографии сборнику по Холокосту на Востоке, в котором он пишет об убийстве почти миллиона мирных граждан «варварской ордой, выпущенной самой образованной и промышленно развитой страной Европы» [14, p. IX]. Подчеркивая идеологическую составляющую, он указывает, что власти сделали все от них зависящее, чтобы скрыть свидетельства об уничтожении евреев и создать миф о войне фашистов с пролетариатом. Этому во многом способствовала, по его мнению, позиция советских руководителей, принадлежавших к еврейской национальности: они были далеки как от еврейских масс, так и от вопросов еврейства, от еврейской истории и культуры. И, безусловно, главной причиной замалчивания Холокоста являлся советский антисемитизм, распространившийся после окончания войны сверху донизу.

К настоящему времени историографическая картина усложнилась, вводится и такая «информация к размышлению», как замалчивание в ходе войны союзными правительствами, англичанами и американцами, становившихся известными им фактов об уничтожении евреев на востоке. Сместились акценты, меньше внимания стали уделять идеологии. Пришло понимание, что идеологический лозунг СССР – борьба мирового капитализма в лице фашизма с пролетариатом – представлял собой ответ на германский лозунг борьбы с «еврейским большевизмом». Большее внимание обращают на проблему дружбы народов, подчеркивая советскую позицию универсализации геноцида, которая не порицается. Большой вклад в такое изменение акцентов внесли исследователи Советской Беларуси, которые призывают учитывать количество погибших и на фронте, и в плену, и среди мирных граждан всех национальностей. Холокост на территории БССР они рассматривают как часть общей политики нацистского геноцида, постоянно указывая на невозможность выделить исключительно еврейскую часть жертв. В немалой степени такой позиции способствует убежденность авторов в преобладании на большой части территории Белоруссии идеологии советского интернационализма.

Как показала А. Виттингтон, Вторая мировая война ускорила формирование советской идентичности. С одной стороны, в ходе активизации контактов людей разных национальностей как на фронте, так и в эвакуации создавалось ощущение общности за пределами этнической и классовой принадлежности. В условиях войны и противостояния общему врагу рождалась эмоционально окрашенная гражданская идентичность «советского народа», которая была отнюдь не пустым идеологическим конструктом и основывалась на «договоре» лидеров и граждан государства. В газетах постоянно публиковалась информация о подвигах советских людей разных национальностей (при этом подчеркивалась их этническая принадлежность), рисовалась картина «дружбы народов» в ходе борьбы с немецко-фашистскими захватчиками [24, p. 149].

Великая Отечественная война стала узловым моментом в утверждении послевоенной советской идентичности, и немалую роль здесь играл сам опыт межнационального сотрудничества. Он поддерживался идеологическими формулами, которые «отражали условия войны и наделяли их совершенно определенным смыслом, замешанным на государственном патриотизме». Понятие «советский народ» стало обозначать «мощное единство людей, боровшихся с фашизмом и готовых принести себя в жертву стране» [24, p. 155].

В многонациональной и мультиязычной Белоруссии процесс создания советской идентичности проходил в особенно интенсивной форме, учитывая жестокости войны и оккупации, почти тотальное истребление на ее территории еврейского населения, масштабы разрушений инфраструктуры, потребовавшие огромных соединенных усилий для послевоенного восстановления, а также обмены населением с Польшей в 1945–1948 гг.

Большую роль в этом процессе играло государство, которое начало восстанавливать свою власть на освобожденных территориях. Одним из инструментов являлась «политика возмездия», т.е. выявление и последующее наказание «предателей и пособников» фашистов. В книге Ф. Экзелер подробно рассматриваются судебные процессы, начавшиеся еще до окончания войны. Автор подчеркивает, что речь шла о политической лояльности и война, как считали Пономаренко и другие руководители республики, помогла выявить затаившихся врагов.

В то же время Ф. Экзелер указывает на противоречивость советской политики в отношении оккупированных территорий. С одной стороны, власть с

подозрением относилась ко всем, кто жил «под немцами». С другой – в рождавшемся официальном нарративе о «всенародной войне» Белоруссия заняла особое место как центр партизанского движения. Соответственно, считалось, что все гражданское население, за исключением немногих предателей, помогало партизанам. В итоге власти, как замечает автор, так и не смогли прийти к единому мнению, какое наказание должна влечь за собой «работа у немцев»: если в случае с полицаями и старостами все было ясно, в отношении учителей, агрономов, персонала местной администрации имелись сомнения. Учитывая острую нехватку кадров, многие из них продолжили свою работу и при советской власти, хотя и находились под подозрением. В целом же, как констатирует Экзелер, советское государство вышло из войны, имея хорошую опору среди населения, которое ждало от него справедливости в виде возмездия предателям и всем, от кого страдали «простые люди» [11, p. 19].

Одним из инструментов укрепления власти являлись многочисленные обращения граждан в инстанции с обвинениями в пособничестве немцам. Фактически эти «жалобы», основанные на убеждении, что только государство может разрешать конфликты, вносили свой вклад в восстановление советской власти после оккупации и имели стабилизирующий эффект, усиливая при этом авторитарные механизмы в СССР [11, p. 20–21].

В соответствии с официальным нарративом о Советской Белоруссии как «партизанской республике» все население – и в западной, и в восточной ее части – как один (за исключением отдельных предателей) твердо стояло за советскую власть. Таким образом, в первые послевоенные годы создавалась новая линейная история Советской Белоруссии, которая объединяла обе ее прежде разделенные границей части под знаменем «партизанской республики» [11, p. 20].

По заключению автора, исследованный ею материал не позволяет увидеть сколько-нибудь значимые различия между западной и восточной частями Советской Белоруссии [11, p. 22]. По всей вероятности, причина заключается в сложности и многомерности изучавшихся явлений, в индивидуализированности и одновременно общности человеческого опыта выживания на войне. Книга принадлежит к исследованиям, посвященным изучению сложных процессов индивидуальной и коллективной памяти, в которых уделяется внимание динамическому взаимодействию официальных и

частных воспоминаний, с учетом пределов возможностей индивида перед лицом власти государства.

Значение официального нарратива – в частности, исключительно позитивного образа партизан (при всей неоднозначности отношения к ним местного населения в годы войны) – рассматривается в исследовании антрополога Воли Барташ, посвященном уничтожению цыган [5].

Как и Холокост, истребление цыганского населения не признавалось Советским Союзом, где считалось, что все народы СССР в равной степени пострадали в германской оккупации. Автор с 2007 года проводила полевые этнографические исследования на территории Беларуси, на границе с Литвой, их материалы в совокупности с документами из местных архивов составили источниковую базу исследования. Она отмечает, что акции против цыган редко документировались, да и цыган, ведущих оседлый образ жизни, в отличие от евреев, трудно идентифицировать по имени и фамилии, так как они были такими же, как у их белорусских, польских и литовских соседей. Поэтому в центре внимания – семейные истории цыган, собранные автором главным образом в 2013–2014 гг., т.е. у представителей уже третьего поколения (внуков).

В статье показано, что в межвоенный период цыгане являлись интегральной частью социума и экономики в данном регионе, при этом сильно отличаясь в этнокультурном отношении. Их реакции на преследования со стороны нацистов во многом определялись довоенным опытом и принятыми моделями взаимодействия с местным населением. В этот период в исследуемом регионе проживали в основном представители литовской цыганской группы, которые вели полукочевой образ жизни, зимуя в деревнях и селах. Автор объездила довольно обширный район, проследив маршруты кочевий и выявив несколько мест захоронений – предположительно, кочевых цыган с востока. Именно они стали первыми жертвами немцев, поскольку привлекали к себе внимание на дорогах; к тому же, не зная местного языка и не имея местных контактов, они почти не имели шансов на выживание.

Интересны ее наблюдения об отношении цыган к немцам, которые перекликаются с наблюдениями тех, кто изучал решения еврейских семей об эвакуации. Старшее поколение – независимо от того, жили они на советской территории или на присоединенных после 1939 г. землях, – было уверено, что немцы – «культурные люди». Они основывались на своем опыте времен Первой

мировой войны и больше боялись соседей, что отсылает нас к названию знаменитой книги Яна Гросса об уничтожении евреев в небольшом польском городке[3]. Бытовало мнение, что погромы происходят, когда власть слаба – а немцев считали твердыми администраторами. Вопрос «почему?» до сегодняшнего дня остается для цыган без ответа. Присоединяясь к современному дискурсу, они предполагают, что объяснить тотальное уничтожение можно активной помощью их отцов и дедов партизанам.

Такого вопроса не задавали себе евреи. Их уничтожение, хотя и объяснялось офицерам вермахта необходимостью очистить страну от «коммунистов и пособников партизан», было недвусмысленно, в соответствии с расовой идеологией, связано с национальной принадлежностью (см. Беорн). Реконструируя прошлое, которое исчезло вместе с людьми, населявшими Беларусь до нацистского вторжения, зарубежные историки обращаются и к сегодняшним проблемам исторической памяти.

Пространственное измерение памяти о геноциде евреев в Беларуси исследовала А. Вальке [23]. Автор характеризует ее как «расщепленную»: она не является интегральной частью памяти о Великой Отечественной войне и зверствах оккупантов, что подтверждается буквально – географически. Места захоронений евреев находятся где-то «на задворках», в стороне от памятных мест, посвященных войне, а также от мест, населенных евреями до июня 1941 г., где они составляли «жизненно важный элемент» местной социальной, экономической и культурной жизни [23, p. 174].

В статье исследуется сюжет о небольшом городке Бешанковичи (Витебская область), в котором евреи поселились еще в XVII в. и накануне войны составляли примерно 70% населения. Автор, опираясь на материалы устной истории, описывает условия жизни евреев в оккупации (так называемое «открытое гетто» с принудительными, иногда бессмысленными работами) и массовый расстрел 11 февраля 1942 г. в лесу, на довольно большом расстоянии от местечка. Особое внимание она обращает на формы участия в нем местного населения, которые варьировали от прямой помощи айнзатцкоманде местных коллаборационистов (двух учителей школы и др.) до сбора местными жителями одежды убитых и последующего заселения в освободившиеся дома (с оговаркой, что из-за сильного пожара в июле 1941 г. возникли серьезные проблемы с жильем). Полиция обеспечивала порядок: с одной стороны,

[3] Гросс Я. Соседи. История уничтожения еврейского местечка. М.: Текст, 2002.

помогала изъять из конвоируемой колонны случайно попавших туда неевреев, с другой – в течение нескольких дней охраняла место казни, не подпуская никого к шевелящейся могиле. Автор фиксирует, что с приходом немцев прежние отношения добрососедства и «советского интернационализма» сменились латентным антисемитизмом, вызвавшим к жизни вековые этнические стереотипы.

В 1944 г. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников зафиксировала два места массовых захоронений евреев, одно из которых было неизвестно местному населению. После смерти Сталина немногочисленные выжившие евреи, большинство из которых покинуло Бешанковичи, начали сбор денег на памятник, который установили на месте казни. На нем было выбито: «Вечная память 1068 советским гражданам, убитым гитлеровцами 11 февраля 1942 г. От родных и земляков». Он стал «местом памяти» для приезжающих навестить его евреев, чьи предки жили в Бешанковичах и окрестностях. В то же время местные жители редко посещали место «за Двиной», в отличие от расположенных в городской черте памятников погибшим солдатам и партизанам, которые были установлены в 1960-е гг. Подвергался памятник и неоднократному нашествию «искателей еврейских сокровищ».

Подобная ситуация, замечает автор, наблюдается в Беларуси повсеместно, и в «воображаемой географии» республики места массовых казней евреев, да и евреи как этническая общность, остаются на обочине исторической памяти. Во многом это связано с советским наследием, нацеленным в свое время на формирование общей идентичности, где ни одна национальность не выделяется особо. Кроме того, по словам автора, советский дискурс не включал в себя память о жертвах – только об освободителях. Память о жертвах неминуемо вызывает к жизни и память о предателях и соучастниках преступлений, а это слишком чувствительный вопрос, особенно для Беларуси, которая до сих пор не оправилась от колоссальных потерь во Второй мировой войне.

Анализируя проблемы исторической памяти, исследователи отдают должное символизму – важнейшей ее составляющей. О том, как в советский нарратив о преступлениях нацистов вошел образ сожженных советских деревень, пишут в совместной статье Натали Муан и Джон Ангелл [4]. По их

словам, три события оказались в данном случае в равной степени знаковыми: открытие в 1969 г. мемориального комплекса в Хатыни, публикация в 1975 г. книги Алеся Адамовича «Я из огненной деревни» и выход фильма Элема Климова «Иди и смотри», получившего в 1985 г. приз Московского кинофестиваля. Операции по уничтожению белорусских деревень были жестокой реальностью нацистской политики насилия задолго до начала летом 1942 г. антипартизанской войны. Наиболее подробно они охарактеризованы в труде К. Герлаха [13].

Эти акции немедленно освещались на страницах советских газет, по мере освобождения территорий документировались и на Нюрнбергском процессе стали одним из пунктов обвинений нацистов в преступлениях против человечности [2, p. 2]. При этом информации об уничтожении евреев как нации в прессе было немного и она совершенно не отражала реальный масштаб происходившего. Напротив, изначально акцент делался на том, что целью фашистов было уничтожение советских людей, независимо от их национальности и статуса – точно так же и в тех же выражениях говорилось об уничтожении пленных и раненых советских солдат. Все они были жертвами варварской жестокости [4, p. 3–4].

Информация о сожженных деревнях и убийствах мирного населения собиралась обеими сторонами (но с разными целями). Однако самым полным источником сведений о карательных операциях авторы считают материалы местных комиссий, а также открытых процессов, начавшихся в СССР сразу после окончания войны, которые сделали всё это достоянием гласности. Они прослеживают формирование советского официального дискурса, которое происходило во взаимодействии с союзниками, в частности в формулировании на Нюрнбергском процессе нового понятия «преступления против человечности», дополнившего прежнюю доктрину «военных преступлений». При том, что данные о массовых убийствах евреев, пусть и неполные в то время, озвучивались на процессе всеми союзниками, упоминался там и Бабий Яр, предложенное Советским Союзом определение «преступлений против человечности» не выделяло евреев. В выступлениях Руденко речь шла о всех народах СССР, против которых были направлены преступления фашистов, хотя в ряде случаев упоминалось об уничтожении евреев в Прибалтике, Белоруссии и Украине [4, p. 9–11].

Долгий процесс подбора кандидатур свидетелей для выступления на разных секциях в Нюрнберге говорит о том, что советская сторона не имела еще ясной концепции и выработала ее позднее. К февралю 1946 г. в Советском Союзе уже прошло немало открытых процессов по преступлениям нацистов, которые имели большой общественный резонанс. На некоторых из них прямо говорилось о евреях как основной цели политики истребления, в том числе по Бабьему Яру. Упоминались цыгане и другие меньшинства. На других, в частности в Минске, акцент делался на уничтожении славянского населения и партизан, хотя масштабы жертв среди именно евреев были хорошо известны.

Однако наибольшее внимание советская машина правосудия уделила уничтожению деревень и городов в ходе отступления группы армий «Север», получившей приказ оставлять после себя «выжженную пустыню», забирая с собой трудоспособное население и убивая остальных. Как считают авторы статьи, «многие километры дымящихся развалин – именно такую картину войны СССР хотел тогда предать гласности» [4, p. 19]. Этот запоминающийся образ пустыни на месте прежде заселенных процветающих территорий апеллировал не только к человеколюбию, но и к материальным последствиям войны: к разрушению экономики и в конечном счете – цивилизации.

В 1960-е годы, когда началось движение за воскрешение памяти о войне, прежде всего в виде установки мемориалов, Хатынь стала олицетворением множества уничтоженных деревень и их жителей. С тех пор этот образ занимает одно из центральных мест в белорусском национальном сознании. Как отмечают авторы, непростой была история с созданием другого мемориала – «Бабий Яр», поскольку предполагала официальное признание именно еврейских жертв, о чем умалчивает Хатынь. В этом контексте, пишут они, особенно поразителен международный проект «О повышении статуса спасшихся жителей сожженных белорусских деревень», запущенный в 2010 г. Вероятно, его можно объяснить реакцией на активизировавшуюся с конца 1980-х годов деятельность по сохранению памяти о погибшем еврейском населении. С учетом того, что белорусское начинание получило поддержку одного германского фонда в рамках репараций жертвам нацистов в Восточной Европе, здесь просматривается некое соревнование еврейских и нееврейских жертв – которое было в зачатке пресечено советским руководством в 1945–1946 гг. В любом случае, все жертвы нацизма желают получить некое признание со стороны Запада, который ими безусловно пренебрегает [4, p. 20].

Долгое замалчивание правды о Второй мировой войне и создание официального мифа о ней, который лишь отложил процесс «примирения» с прошлым, является серьезной проблемой в постсоветской Беларуси. Историки обращаются к этой теме постоянно, рассматривая ее в том числе и в постколониальной перспективе, довольно популярной и среди белорусских специалистов. С. Льюис называет официальный миф о войне инструментом советизации, подчеркивая, что в данном случае из двух парадигм памяти – триумф или травма – выбор был сделан в пользу первой. Советскую Белоруссию стали подавать как партизанскую республику, чей массовый героизм внес неоценимый вклад в общую победу. «Белорус» стало означать «партизан», чья преданность советской власти и Коммунистической партии не ставилась под сомнение [16, p. 375–376].

Миф, напоминает автор, вовсе не является искажением реальности (партизанское движение в БССР было действительно невероятным по своим масштабам). Миф упрощает ее, и неудивительно, что многие белорусские писатели (и прежде всего Василь Быков), журналисты и кинематографисты в своих произведениях обогащали историческое прошлое, добавляя в официальный нарратив целые пласты сложной, противоречивой и зачастую крайне тяжелой для осознания реальности. Это была парадигма травмы, далеко не всеми принимаемая.

В построении официального мифа использовались все обычные стратегии: создание музеев и мемориалов, «дискурсивная чистка» – удаление нежелательных фактов и даже людей, чьи действия могли как-то запятнать героический образ. Гибель людей в официальном нарративе подавалась как акт самопожертвования во имя общего правого дела, и жертвам войны в нем не было места.

Если в официальном советском нарративе память о войне является исключительно коллективной и центральное место в ней занимает категория лояльности – в данном случае преданность белорусов советскому государству («старшему брату»), в художественных и публицистических текстах она реализуется на уровне индивидуальном. Именно это противоречие отмечают зарубежные авторы, считая индивидуализацию необходимым инструментом изживания травмы, которая до сих пор жива в Беларуси [16; 23].

Литература

1. Большакова О.В. Англоязычные исследования Холокоста в современном зарубежном белорусоведении // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. Вып. 7. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. С. 68–85.

2. Чернявская Ю. Модификации белорусской идентичности: медийность и повседневность // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018. С. 126–140.

3. Шадурский В. Основные модели национальной идентичности в современной Беларуси // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018. С. 141–153.

4. Angell J., Moine N. Defining «war crimes against humanity» in the Soviet Union: Nazi arson of Soviet villages and the Soviet narrative on Jewish and non-Jewish Soviet war victims, 1941–1947 // Cahiers du monde russe. 2011. Vol. 52. № 2/3. URL: https://journals.openedition.org/monderusse/9346#bodyftn120 (дата обращения 06.10.2022)

5. Bartash V. Family memories of Roma as sources for Holocaust studies: Insights from the Belarusian-Lithuanian border region // S:I.M.O.N. Shoah: Intervention. Methods. Documentation. 2017. Vol. 4, № 2. P. 4–17.

6. Bemporad E. Becoming Soviet Jews: the Bolshevik experiment in Minsk. Bloomington: Indiana University Press, 2013. XI, 276 p.

7. Beorn W.W. The Holocaust in Eastern Europe: at the epicentre of the Final solution. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2018. XII, 360 p.

8. Beorn W.W. Marching into darkness: The Wehrmacht and the Holocaust in Belarus. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2014. 314 p.

9. Dean M. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. N.Y.: St. Martin’s Press, 2000. 241 p.

10. Epstein B.L. The Minsk ghetto 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism. Berkeley: Univ. of California press, 2008. XIV, 351 p.

11. Exeler Fr. Ghosts of war. Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus. Ithaca: Cornell univ. press, 2022. XV, 345 p.

12. Gerlach Chr. German economic interests, occupation policy, and the murder of the Jews in Belorussia, 1941/43 // National Socialist extermination policies: Contemporary German perspectives and controversies / ed. by U. Herbert. N.Y.: Berghahn Books, 2000. P. 210–239.

13. Gerlach Chr. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburger Edition, Hamburg, 1999. 1231 p.

14. The Holocaust in the Soviet Union: Studies and sources on the destruction of the Jews in the Nazi-occupied territories of the USSR. 1941–1945 / ed. by L. Dobroszytski, J. Gurock. N.Y.: M.E. Sharpe, 1993. 272 p.

15. Koerber J. Borderland generation: Soviet and Polish Jews under Hitler. Syracuse: Syracuse univ. press, 2020. XIV, 421 p.

16. Lewis S. The «Partisan Republic»: Colonial myths and memory wars in Belarus // War and memory in Russia, Ukraine and Belarus / ed. by Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, Tatiana Zhurzhenko. Palgrave Macmillan, 2017. P. 371–395.

17. Nolte H.-H. Destruction and resistance: The Jewish shtetl of Slonim, 1941–44 // The people's war: Responses to World War II in the Soviet Union / ed. by B. Bonwetsch, R.W. Thurston. Urbana: University of Illinois press, 2000. P. 29–53.

18. Rein L. The kings and the pawns: Collaboration in Byelorussia during World War II. Berghahn Books, 2011. 458 p.

19. Reuss A. Holocaust by bullets: The German organization of mass murder in Belarus, 1941–1944 // Occupation, annihilation, forced labour: Papers from the 20th Workshop on the History and Memory of National Socialist Concentration Camps / ed. by F. Bonnesoeur, Ph. Dinkelaker, et al. Metropol-Verlag, 2017. P. 29–55.

20. Rudling P.A. The invisible genocide: The Holocaust in Belarus // Bringing to light the dark past: The reception of the Holocaust in post-communist Europe / ed. by J.-P. Himka, J.B. Michlic. Lincoln: Nebraska univ. press, 2013. P. 57–81.

21. Rudling P.A. Terror and local collaboration in occupied Belarus: the case of the schutzmannschaft Battalion 118. I. Background // Historical Yearbook. 2011. Vol. VIII. P. 195–214.

22. Walke A. Pioneers and partisans: An oral history of Nazi genocide in Belorussia. N.Y.: Oxford univ. press, 2015. 352 p.

23. Walke A. Split memory: The geography of Holocaust memory and amnesia in Belarus // Slavic review. 2018. Vol. 77, № 1. P. 174–197.

24. Whittington A. Making a home for the Soviet people: World War II and the origins of the Sovetskii Narod // Empire and belonging in the Eurasian borderlands / ed. by K.A. Goff and L.H. Siegelbaum. Ithaca: Cornell univ. press, 2019. P. 147–161.

O.V. Bolshakova

Institute for Scientific Information on Social Sciences (Moscow)

Historical memory of the Great patriotic war and national identity in postwar Belarus: recent western studies

Key words: *Soviet Belarus; Great Patriotic war; Western historiography; Holocaust; historical memory; «partisan republic».*

The article deals with new approaches to the study of Belarusian national identity in the context of historical memory research. The focus is on the Great Patriotic War and its consequences in Belarus. Among other topics are covered the memory of the victims of the war, including the genocide of Jews and Roma, the place of Belarus as a «partisan republic» in the official narrative of the Great Patriotic War, and the formation of Soviet civic identity are highlighted.

Е.В. Кодин

Смоленский государственный университет

УДК 93/94

Белорусский коллаборационизм: от нацистов к спецслужбам США*

Ключевые слова: *белорусский коллаборационизм; Центральное разведывательное управление США; нацизм; Вторая мировая война; холодная война.*

Коллаборационизм – это добровольное сотрудничество граждан оккупированного государства с противником. В периоды военных потрясений на занятых врагом территориях всегда находились люди, которые по разным основаниям шли на службу к агрессору. Не стали исключением и белорусские земли в годы Великой Отечественной войны. С одной стороны, Белоруссия показала миру беспрецедентные масштабы партизанской борьбы. Но в то же время нашлись здесь и те, кто пошел в услужение к нацистам, борясь при этом не только против советской власти, но и против белорусских же партизан. После войны оказавшиеся на Западе наиболее активные пособники нацистов сразу же попали в поле зрения спецслужб США. Американские власти активно использовали белорусских националистов в своих пропагандистских и разведывательных проектах, вплоть до заброски на территорию БССР специально подготовленной агентуры в годы холодной войны.

В общественном сознании коллаборационизм ассоциируется в первую очередь с теми, кто сотрудничал с нацистами в годы Второй мировой войны. При этом пример пособничества фашистам изначально показала Европа. В политический лексикон вошло даже такое понятие, как «квислинги», по имени Видкуна Квислинга, главы норвежского правительства в годы

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/21 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

немецкой оккупации, поставленного во власть гитлеровским режимом, активно сотрудничавшего с последним, казненного по приговору норвежского суда в 1945 г.

Коллаборационизм был неизбежен и на оккупированных землях Советского Союза, в том числе в Белоруссии. Обиженных или недовольных властью с разной мотивацией (раскулачивание, репрессии, депортации и т.д.) здесь просто не могло не быть. Однако массовым явлением, на что надеялись фашисты, на многострадальной белорусской земле коллаборационизм не стал. Вместо этого нацисты получили совершенно неожиданное для них повсеместное партизанское движение, с которым они так и не смогли справиться, в том числе с помощью местных коллаборационистов.

О белорусском коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны написано немало [2; 3; 5; 6; 7; 8]. В СССР коллаборационистов расценивали как военных преступников, многие из них понесли заслуженное наказание за сотрудничество с нацистами. Другие нашли пристанище и даже укрытие от возмездия на Западе, вначале в Европе, а затем и в США. Для американских спецслужб, особенно в начальный период холодной войны, советские коллаборационисты становились значительным подспорьем и инструментарием в антикоммунистической борьбе с Советским Союзом. США защищали и спонсировали коллаборационистов, убирали из документов свидетельства их сотрудничества с нацистами, чтобы не допустить их экстрадиции в СССР.

Об этом детально рассказывает в своей книге «Белорусский секрет», изданной в 1982 г. в США, Джон Лофтус, работавший с 1979 г. прокурором в отделе специальных расследований Министерства юстиции США [6]. Это подразделение занималось вопросами выявления, наказания и депортации нацистских преступников в Америке. Джон Лофтус непосредственно курировал направление белорусского коллаборационизма, работал с документами Центрального разведывательного управления. В своих публикациях он показал, как американские спецслужбы «завезли» в послевоенные США более 300 белорусских коллаборационистов для дальнейшего использования в антисоветской работе. По его данным, только в район South River штата Нью-Джерси за период с 1948 по 1950 г. прибыло 200 «белорусских нацистов» со своими семьями [6, p. 108].

Именно в этом месте в современных Соединенных Штатах Америки стоит памятник с надписью «Слава змагарам за вольную Беларусь» (Слава борцам за свободную Беларусь). В центре – изображение герба Белорусской народной республики «Погони». Над постаментом большой металлический крест с двойным крестом в центре. Именно такое изображение было на нарукавных красно-белых шевронах белорусских полицаев и участников военных подразделений, вошедших в конце войны в состав 30 дивизии СС. По сути, это памятник дивизии СС в современной Америке.

Ставшие недавно доступными в Национальном архиве США рассекреченные документы ЦРУ проливают новый свет как на деятельность коллаборационистов в годы нацистской оккупации, так и на то, как в годы холодной войны американские спецслужбы, вопреки национальному законодательству о необходимости предания суду бывших нацистских приспешников, использовали их в своих интересах.

В документах ЦРУ подробно описывается преступная деятельность наиболее активных белорусских националистов в период немецкой оккупации.

Знаковой фигурой сотрудничества с нацистами является президент Белорусской центральной рады Радослав Островский. Родился Островский в Слуцком уезде в семье безземельного шляхтича. Закончил Дерптский университет, работал учителем математики и физики в польском Ченстохове, в Минске, Ярославле, Слуцке. В годы Гражданской войны служил штабным сотрудником у генерала Виноградова в армии Деникина [21, p. 2]. Являлся активным участником Слуцкого восстания 1920 г. [21, p. 3]. Затем была работа в Польско-американском комитете помощи детям в Пинске, многолетнее руководство белорусской гимназией в Вильно, учительство в Лодзи вплоть до начала Второй мировой войны.

В июле 1941 г. Островский перебирается в оккупированный Минск и назначается нацистами начальником управы Минского округа. В биографической справке, подготовленной Островским позже для ЦРУ, он так напишет об этом периоде: «Перед нашей группой в 5 человек белорусов была поставлена задача создать местные органы власти на белорусской территории... Принимая во внимание мое знание территории и людей, военная администрация немцев поставила меня на создание местных органов власти в Минской области. Эта задача была очень легкой для меня,

поскольку я был знаком почти с каждым районом. Уже через неделю, получив в поддержку военный транспорт, я смог организовать 21 район в Минской области. Это привело в восторг и впечатлило немцев...» [20, p. 7].

Затем будут Брянск, Смоленск и Могилев, где он также создавал органы местной администрации. В декабре 1943 г. распоряжением нацистского наместника в Белоруссии Курта фон Готтберга Островский был назначен президентом Белорусской центральной рады – марионеточного органа власти, созданного из числа белорусских коллаборационистов.

Под руководством Островского Рада формирует отряды Белорусской краевой самообороны (БКО): было сформировано 40 батальонов [20, p. 11]. Однако предназначались они не для противостояния наступавшим советским войскам, а для борьбы с белорусскими партизанами и сосредотачивались в районах с наибольшей партизанской активностью. При этом развернуть активную деятельность в данном направлении отряды БКО не смогли: в конце июня 1944 г. в связи со стремительным наступлением Красной армии 800 белорусских сторонников Рады и членов их семей специальным поездом были отправлены в Берлин. На Запад были передислоцированы и белорусские воинские подразделения Островского.

Белорусская центральная рада обосновалась в Германии и там «продолжила борьбу за освобождение Беларуси от советской оккупации». Созданные под руководством Островского белорусские батальоны уже на территории Германии были реорганизованы в 1-ю белорусскую дивизию под командованием представителя штаба СС. Дивизия была дислоцирована в Баварии. 25 марта 1945 г. Островский на встрече с офицерами издал секретный приказ, предписывавший установить контакты с командованием западных союзников. В итоге дивизия сдалась в плен американцам.

После войны Островский поселился в небольшом немецком городке Хёкстер в английской зоне оккупации и занялся установлением контактов с англичанами. По его инициативе Белорусская центральная рада была преобразована в Белорусский национальный центр в Регенсбурге с тем, чтобы не попасть под законодательство США, а ее членам не быть выданными большевикам за сотрудничество с нацистами. Белорусские военные подразделения, взятые в плен американскими войсками, также были размещены в лагере недалеко от Регенсбурга. Для всех начиналась новая

жизнь в статусе так называемых перемещенных лиц (ди-пи, displaced persons).

Особое место в рядах белорусских коллаборационистов занимает фигура Станислава Станкевича, одного из наиболее известных коллаборационистских преступников, сотрудничавших с нацистами в истреблении белорусских евреев. Родился и вырос Станкевич вблизи Вильно. Свою профессиональную деятельность начал учителем белорусского языка и литературы в школьной гимназии маленького городка Дисна недалеко от Новополоцка. В 1936 г. защитил докторскую диссертацию в Виленском университете о белорусском влиянии на польскую романтическую поэзию. На момент начала Второй мировой войны работал учителем в Новогрудке [24, p. 1].

Будучи назначенным нацистами на пост бургомистра города Борисова, Станкевич уже в июле 1941 г. начал активно создавать гетто на 8 тысяч евреев. Он несет непосредственную ответственность за уничтожение 6,5–7 тысяч евреев в октябре 1941 г. [7, p. 267]. Именно в Борисове появился так называемый «сардинный метод» захоронений евреев в общих больших ямах: убитых складывали слоями для уплотнения – вначале ногами в одну сторону, затем в другую, для большей вместимости могил. После этой резни немецкое командование «повысило» Станкевича до должности бургомистра Барановичской области. Здесь ранней весной 1942 г. он также стал создавать гетто (в Барановичах и области проживало более 60 тысяч евреев). Являясь региональным представителем Белорусской центральной рады в Барановичах, Станкевич по всем вопросам имел тесные контакты с Островским.

После эвакуации в Берлин летом 1944 г. Станкевич возглавил редакцию белорусского пронацистского издания «Раница» (Утро). В послевоенной американской зоне оккупации новые хозяева поставят его во главе лагеря для перемещенных лиц Остенхофен, расположенного недалеко от Регенсбурга в Баварии. В мае 1950 г. он станет руководителем языковой подготовки для Международной организации по делам беженцев (International Refugee Organization) в Мюнхене. Здесь же, в Баварии, Станкевич будет работать председателем научного совета созданного и финансируемого ЦРУ Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР [1], редактором белорусскоязычных пропагандистских материалов для радио

«Свобода». После временного отъезда Островского к дочери в Аргентину Станкевич быстро перестроится и присоединится к группе белорусских эмигрантов Николая Абрамчика. В 1962 г. Станкевичу удалось убедить американские миграционные службы выдать ему соответствующую визу, а в 1969 г. бывший нацистский преступник стал гражданином США. Псевдоним по документам ЦРУ – CAMBISTA-17.

Франчишек Кушель родился в Минске в 1895 г. Обучался в офицерской школе в Вильно. Служил лейтенантом в русской армии в годы Первой мировой войны. В годы Гражданской войны воевал против большевиков. В начавшейся польско-советской войне в 1919 г. вступил в литовско-белорусскую дивизию, воевавшую на стороне Польши против Красной армии [11]. Двадцать лет служил в польской армии. В звании капитана был пленен Красной армией в сентябре 1939 г. Отправлен в лагерь военнопленных в Старобельск (недалеко от Луганска), откуда через восемь месяцев был переведен в лагерь недалеко от Катынского леса под Смоленском. Кушель был одним из немногих уцелевших в катынских расстрелах офицеров польской армии. Как свидетеля этих событий, после марта 1940 г. его отправили в Москву на Лубянку. Он сидел в одной камере с польским генералом Владиславом Андерсом, который будет освобожден после нападения Германии на СССР в целях создания польской армии для борьбы с фашизмом [12, p. 1]. Кушеля освободили в июне 1941 г. под наблюдение НКВД. Вернулся из Москвы в оккупированный фашистами Минск. Здесь возглавил городскую полицию и был ректором Белорусской полицейской школы. Летом 1943 г. по представлению группенфюрера СС фон Готтберга Кушель возглавил все белорусские полицейские силы. Занимался вопросами борьбы с антифашистской пропагандой. После войны Кушель стал комендантом лагерей в Регенсбурге и Мишельсдорфе в американской зоне оккупации Германии (Бавария). В мае 1950 г. получил американскую визу и перебрался в Нью-Йорк, где активно сотрудничал с американскими спецслужбами. Псевдоним по документам ЦРУ – CAMBISTA-10.

В деле физического уничтожения белорусских евреев, наряду со Станкевичем, проявил себя и Эмануил Ясюк. Родился в 1906 г. в Гродненской области. Получил сельскохозяйственное образование в университете бельгийского города Льеж и Виленском университете. С 1933

по 1939 г. занимался сельским хозяйством вместе с отцом. Осенью 1939 г. уехал в Варшаву. Сотрудничать с нацистами начал еще в Варшаве до нападения Германии на СССР, работая в созданном немцами Белорусском комитете. В оккупированной Белоруссии фашисты назначили Ясюка бургомистром г. Клецка (недалеко от Барановичей). В этом небольшом городке, по сути, не было постоянных немецких органов администрации, все решал непосредственно сам Ясюк. Он лично составлял списки на расстрелы проживавших в городе и районе поляков и евреев, выполняя соответствующие установки СС. По его приказу были убиты 5000 евреев [10, p. 1]. Зверства Ясюка были «по достоинству оценены» нацистами, и вскоре его назначили бургомистром Столбцовского района, расположенного ближе к Минску. В июне 1949 г. Ясюк в числе самых первых из белорусских коллаборационистов перебрался из Германии на постоянное место жительства в США. Островский официально назначил его председателем Рады в США, где тот зарегистрирует Белорусскую центральную раду в ведомстве генерального прокурора, будет работать на ЦРУ и станет информатором для ФБР.

Юрий Соболевский родился в 1889 в г. Столбцы (Минская область). Служил в Русской армии с 1915 г. до окончания Первой мировой войны. Воевал против Красной армии в польско-советской войне. Жил в Польше. Был депутатом польского сейма. Приветствовал войска Красной армии в сентябре 1939 г. Однако был арестован и отправлен в тюрьму как белорусский националист. Летом 1941 г. начал сотрудничать с нацистами. Назначен бургомистром г. Столбцы, а вскоре переведен на должность бургомистра Барановичей (с июля 1941 г. по июнь 1943 г.). В июне 1943 г. Соболевского переводят в Минск на место Ивана Ермаченко, который руководил отрядами оккупационной полиции Белорусской народной самопомощи (БНС), созданной в Белоруссии генеральным комиссаром фон Кубе. Ермаченко, назначенный командиром антипартизанских соединений, будет арестован СД весной 1943 г. и приговорен к расстрелу по обвинению в коррупции и растратах. Вскоре отряды БНС будут подчинены Белорусской центральной раде под руководством Соболевского. С декабря 1943 г. – вице-президент БЦР. После войны Соболевский окажется в Германии в лагерях для перемещенных лиц, в 1950 г. эмигрирует в США, будет работать в

Thomas Electronics Company в Нью-Джерси, как и многие другие белорусские иммигранты, затем переберется в Нью-Йорк.

Борис Рагула родился в 1920 г. в г. Новогрудке. В сентябре 1938 г. он стал резервистом польской армии, прошел офицерские курсы, получил чин хорунжего. В составе Войска польского воевал против немцев в начавшейся Второй мировой войне, попал в плен, бежал, работал учителем немецкого языка в своем родном районе. В начале 1941 г. был арестован НКВД за антисоветские высказывания в школе и помещен в минскую тюрьму. Освобожден немцами. Сразу стал работать как переводчик и офицер связи между немецкой военной администрацией и местными властями, подобранными Островским [23, p. 3]. Занимался выискиванием среди местных жителей тех, кто симпатизировал коммунистам. Летом 1942 г. назначен командиром Белорусской народной самопомощи в Новогрудском округе. Для борьбы с партизанами силами белорусских коллаборационистов немецкое командование предложило сформировать кавалерийский эскадрон численностью 150 человек с центром в Новогрудке. Его возглавил Рагула. Белорусские военные имели свою форму: серая немецкая униформа с белорусским знаком отличия – двойной крест и красно-белый флаг на рукавах и воротничках. С конца 1943 г. Рагула являлся региональным представителем Белорусской центральной рады в Новогрудке. Прошел обучение в диверсионной школе абвера для заброски в тыл Красной армии. После войны на территории американской зоны оккупации совместно с ЦРУ готовил нелегальных агентов для заброски в БССР. С 1954 г. будет проживать в Канаде. Псевдоним по документам ЦРУ – CAMBISTA-2.

Как видим, «послужные списки» белорусских националистов, которыми в полной мере обладали сотрудники ЦРУ, дают все основания для квалификации их деятельности в годы войны как военных преступников. Тем не менее именно ЦРУ не только поможет избежать им правосудия, в том числе и американского, за свои преступления, совершенные в годы Второй мировой войны, но и станет активно использовать белорусских пособников нацистов в щедро финансируемой ведомством антисоветской борьбе в эпоху холодной войны.

На первый план в это время выйдет фигура Николая Абрамчика, объявившего себя в 1943 г. преемником умершего в Праге президента Белорусской народной республики (в эмиграции) Василия Захарко. ЦРУ

сделает ставку на Николая Абрамчика и его в основном европейскую эмигрантскую группу «Кривичей».

Сотрудники ЦРУ располагали достаточно полными данными о жизни Абрамчика. Родился в 1903 г. в Сычевичах Виленского уезда Белоруссии. Учился в школе в Минске и в Радошковичах (Молодечненский район современной Беларуси). Из документов ЦРУ следует, что Абрамчик в молодости был сторонником коммунистической идеи и активным участником белорусского комсомольского движения. За активную работу созданной им комсомольской организации в Радошковичах был поощрен поездкой в Москву на съезд комсомола, откуда вернулся «важным официальным лицом» в белорусском комсомоле. Однако вскоре резко поменял свои политические взгляды, порвал с комсомолом и уехал в Прагу. С 1925 по 1929 г. жил в Праге. По окончании чешского колледжа получил диплом экономиста, учился на философском факультете Карлова университета в Праге. В чешской столице познакомился с Василием Захарко. В 1929 г. поселился в Париже, включился в политическую деятельность в среде белорусской эмиграции [16, p. 2].

После капитуляции Германии Абрамчик вначале сделал ставку на англичан и поляков. В июле 1947 г. он едет в Лондон, где встречается с польским правительством в изгнании. В ответ на признание его председателем БНР дает согласие считать Западную Белоруссию польской территорией [19, p. 3]. С генералом Андерсом была достигнута договоренность, что в случае войны белорусы будут воевать под общим командованием британцев, а офицерами в белорусских соединениях станут поляки. Польское правительство взяло на себя обязательства финансировать деятельность БНР. В конце 1947 г. Абрамчик прибыл в Германию, где работа Рады начнет строиться вокруг группы «Кривичей».

В специальной справке ЦРУ «О белорусском комитете "Кривичи"» говорилось, что целью созданной в июле 1945 г. в Регенсбурге (Германия) группы «Кривичей» была «подготовка будущего правительства Белоруссии». Сформированная на принципах «однопартийности, диктатуры и шовинизма» [19, p. 1], группа характеризовалась в американских документах как «крайне националистическая» и антирусская, выступавшая за полную независимость Белоруссии, против русского языка и русской культуры [14, p. 3].

Сам же Абрамчик оценивался в документах ЦРУ как «непримиримо враждебный к СССР», сторонник независимой в политическом и культурном отношении от Польши и СССР Белоруссии, настроенный на дружеские отношения со всеми странами, включая США [15], который «мог быть полезен» разведывательному ведомству [17, p. 2]. В документах ЦРУ Абрамчик будет проходить под псевдонимом AECAMBISTA-4.

В целом же белорусская послевоенная эмиграция была незначительной в количественном отношении как в Европе, так и в Америке. При этом два лагеря – сторонники президента Белорусской центральной рады Радослава Островского, с одной стороны, и председателя Рады Белорусской народной республики (в изгнании) Николая Абрамчика – с другой, находились во враждебно-непримиримых отношениях.

В материалах ФБР, которые его директор Джон Эдгар Гувер адресовал директору ЦРУ, дается такая оценка белорусским организациям в США: «Белорусы в Соединенных Штатах малочисленны и имеют две группы: одну возглавляет Микола Абрамчик, а другую – Радислав Островский. Обе группы настроены антикоммунистически и хотят, чтобы Белоруссия была свободна от советского и иностранного господства. Тем не менее эти группы не имеют согласия в вопросе лидерства и не согласны друг с другом в связи с расхождениями по личностям, поскольку каждый желает быть главным в будущей Белой Руси» [22, p. 3].

Летом 1950 г. Островский во избежание ареста и выдачи в СССР уехал в Аргентину, где с 1948 г. с мужем и детьми жила его дочь, работавшая врачом в Сан-Луисе. Накануне отъезда он посетил Лондон, где жил его сын Виктор, и предложил британцам создать «белорусское освободительное движение» как подпольную вооруженную армию под эгидой британских спецслужб, но под его руководством. Англичане ввязываться в откровенную авантюру не стали. Тем более что несколькими годами ранее у них уже была достигнута договоренность с Абрамчиком.

Вернувшись в мае 1952 г. в Европу, Островский делает ставку уже на сотрудничество с американскими спецслужбами. Но вначале надо было обелить себя от имевшего место тесного сотрудничества с нацистами. И в специально подготовленной для ЦРУ справке Островский пишет: «Неважно, что мы были коллаборационистами в годы войны, и совершенно неважно, с кем мы сотрудничали – с немцами или с дьяволом. Важно то, что мы никогда

не сотрудничали со Сталиным, и что мы непрерывно боролись с ним» [20, p. 17–18]. То есть для Островского было важно показать, что он и его соратники боролись со Сталиным, даже содействуя Гитлеру и непосредственно участвуя в массовых расстрелах евреев, в борьбе с партизанами, в организации военных подразделений и структуры гражданской администрации в оккупированной Белоруссии.

В это же время Островский предоставил ЦРУ свою биографию, описал историю создания Рады и подготовил информацию об антисоветской белорусской диаспоре в мире, а также подробные предложения по возможному созданию совместной американо-белорусской разведывательной группы. Островский считал, что война Запада с СССР неизбежна, поскольку «две противоположные системы… демократия и коммунизм не могут сосуществовать» [17, p. 17]. Рассуждая о способах борьбы с советским коммунизмом на территории Белоруссии, он ставил на первое место пропаганду, которая должна была вестись не через «Голос Америки» или радио «Свобода», а исходить от тех, «кому люди верят, и кто ни разу их не предавал», от «кровных братьев» угнетенных людей, т.е. от белорусов-эмигрантов [17, p. 17].

При этом пропаганда должна была обязательно дополняться созданием антибольшевистского подполья на территории СССР. Островский уверял ЦРУ, что на земле Белоруссии это было возможно, поскольку там остались те, кто был в составе созданных им в 1944 г. белорусских батальонов. Одновременно можно было опереться и на поляков, которые желали вернуть себе земли Западной Белоруссии. Островский предлагал объединить усилия американских спецслужб и белорусского подполья в Белоруссии. При этом он понимал, что в СССР долго находиться на конспиративном положении будет невозможно, но и легализоваться засланным агентам полностью также не получится. Поэтому ставку нужно было делать на тех людей, которые уже находились на занимаемых постах в республике. И такие люди есть «еще с тех времен», утверждал Островский. Но при этом делал довольно двусмысленный вывод-предложение: «Они не будут работать за доллары, но активная работа невозможна без долларов» [17, p. 19].

В документах ЦРУ Островский значился под псевдонимом AETOMAC-2, а возглавляемая им Белорусская Центральная Рада была зашифрована под AETOMAC-1.

В целом тесного сотрудничества с ЦРУ у Островского не получилось. Осторожное отношение к нему со стороны американских спецслужб было вызвано его непосредственным сотрудничеством с нацистами в годы войны. Не получив поддержки со стороны американцев и потеряв за время пребывания в Аргентине прежних соратников по белорусскому периоду деятельности центральной рады, перешедших в лагерь Абрамчика, в 1954 г. Островский уезжает в Лондон, где вместе с сыном Виктором будет заниматься подготовкой и изданием работ по истории Белоруссии. Дочь Островского к тому времени уже проживала в США, в 1960 г. она получила американское гражданство и пригласила к себе отца. В апреле 1962 г. американцы выдадут Островскому иммигрантскую визу. Через 10 лет ему одобрят и получение американского гражданства.

Рассекреченные в 2015 г. псевдонимы сотрудничавших с ЦРУ белорусских националистов свидетельствуют об участии каждого из них в подготовке американскими спецслужбами разного рода шпионских, подрывных операций, вплоть до прямой заброски агентов на территорию БССР в 1950-е гг., и в информационно-пропагандистской работе против СССР с территории Европы под эгидой Американского комитета освобождения от большевизма посредством радио «Свобода», Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР и иных структур [4].

Изначальный совместный проект ЦРУ и Рады БНР предполагал «установление контактов и поддержку любого существующего протестного движения внутри БССР или развитие такого движения», а также использование «всех средств, созданных в БССР в целях поддержки разведывательных закупочных операций в СССР» [9]. ЦРУ брало на себя обязательства «оказывать помощь БНР в публикации листовок и других пропагандистских материалов, предназначенных для белорусского населения» и осуществлять финансовую поддержку БНР, позволяющую «издавать эмигрантскую газету с целью стимулирования развития белорусского национализма в эмигрантском сообществе» [9, p. 7]. Речь шла о газете «Отечество», которая начала выходить еще в 1946 г., но из-за нехватки средств печаталась и распространялась нерегулярно. В 1951 г. ЦРУ взяло на себя обязательства систематического финансирования издания. Что и исполнялось. В проектах ЦРУ были задействованы Франтишек Кушель, Борис Рагула, Станислав Станкевич, Витаут Тумаш и другие бывшие

нацистские коллаборационисты. Так называемую кадровую школу БНР возглавлял Николай Абрамчик, операционную работу возглавлял Борис Рагула, военным представителем БНР в Нью-Йорке являлся Франс Кушель.

Литература

1. Кодин Е.В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 270 с.
2. Романько О.В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941−1945). Симферополь, 2008. 304 с.
3. Соловьёв А. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность и крах. Минск, 1995. 176 с.
4. Cryptonyms and Terms in Declassified CIA Files: Nazi War Crimes and Japanese Imperial Government Records Disclosure Acts, 1, Central Intelligence Agency Website, accessed June 2015. URL: http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia- records/second-release-lexicon.pdf.
5. Kalush V. In the Service of the People for a Free Byelorussia: Biographical Notes on Professor Radoslav Ostrowski. London, 1964. 92 p.
6. Loftus J. The Belarus Secret. New York, 1982. 196 p.
7. Rein L. The Kings and the Pawns: Collaboration in Byelorussia during World War II. New York, 2011. 456 p.
8. The Truth About A.B.N. (Anti-Bolshevik Blok of Nations). Munich, 1960. 62 p.
9. National Archives and Records Administration (далее – NARA). RG 263, CIA. «AEQUOR». Vol. 3.
10. NARA. RG 319, IRR. Jasiuk, Emanuel, E 134, B 339. «Jasiuk, Emanuel. Re: War Criminals», September 19, 1950.
11. NARA. RG 263, CIA. Kushel, Francis, E ZZ-18, B 76.
12. NARA. RG 263, CIA. Kushel, Francis, E ZZ-18, B 76. «Memorandum for the Record: Subject: Frantisek Kushel», October 14, 1952.
13. NARA. RG 263, CIA. Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. «The Life and Activities of M. Abramtchik», не позже 8 января 1950 г.
14. NARA. RG 263, CIA. Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. Memorandum «Byelorussian Resistance Movement», 8 February 1951.
15. NARA. RG 263, CIA. Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. «Mikola Abramtchik», May 1950.
16. NARA. RG 263, CIA. Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. Office Memorandum. «Mikola Abramchik. Biographic Information». 17 April 1950.
17. NARA. RG 263, CIA. Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. Office Memorandum. «Mikola Abramchik. Biographic Information». 7 March 1950.

18. NARA. RG 263, CIA. Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98; NARA, RG 263, CIA, Abramtchik, Mikola, E ZZ-18, B 1.

19. NARA. RG 263, CIA. Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «About the Byelorussian Committee “Krivichi”», 5 March 1957.

20. NARA. RG 263, CIA. Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present». August 22, 1952.

21. NARA. RG 263, CIA. Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «Brief Biography».

22. NARA. RG 263, CIA. Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «Federal Bureau of Investigation, Byelorussian Democratic Republic, Central Council in the USA», 23 March 1953.

23. NARA. RG 263, CIA. Ragula, Boris, E ZZ-18, B 104. «Belorussian Émigré Organizations: Major Boris Ragula», February 7, 1951.

24. NARA. RG 263, CIA. Stankievich, Stanislaw, E ZZ-16, B 50. «Brief Biography: Translation».

25. NARA. RG 263, CIA. Stankievich, Stanislaw, E ZZ-18, B 125. «S. Stankievich, Member of the Institute Council», July 15, 1954.

E.V. Kodin

Smolensk State University

Belarusian collaboration: from the Nazis to the US special services

Key words: *Belarusian collaborationism; US Central Intelligence Agency; Nazism; World War II; Cold War.*

Collaboration is the voluntary cooperation of citizens of an occupied state with the enemy. During periods of military upheaval in the territories occupied by the enemy, there were always those who, for various reasons, went to the service of the aggressor. The Belarusian lands during the Great Patriotic War were no exception. On the one hand, Belarus has shown the world the unprecedented scale of the guerrilla struggle. But, at the same time, there were also those who went into service to the Nazis, while fighting not only against the Soviet government, but also against the Belarusian partisans. After the war, the most active Nazi collaborators who found themselves in the West immediately came to the attention of the US special services. The American authorities actively used Belarusian nationalists in their propaganda and intelligence projects, up to the throwing of specially trained agents into the territory of the BSSR during the Cold War.

А.Д. Дудько

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

УДК 93/94

Исследования белорусского языка и литературы в британском белорусоведении второй половины XX − начала XXI вв.

Ключевые слова: *зарубежное белорусоведение; британские ученые-слависты; историко-лингвистические и литературоведческие исследования; переводческая деятельность; популяризация белорусской проблематики.*

Статья посвящена проблеме разработки филологического направления исследований в белорусоведении Великобритании во второй половине XX − начале XXI вв., которое является одним из аспектов изучения восточнославянских обществ в британской славистике. Учитывая отсутствие комплексной оценки данного направления в отечественном и британском белорусоведении, а также незначительное отражение проблемы в историографии, автор делает попытку оценить вклад ведущих британских славистов − лингвистов и литературоведов − в него. Раскрываются основные направления и доминантная проблематика филологических исследований этих ученых на основе обзора их ключевых работ. Отмечается, что, несмотря на имеющиеся в их трудах неточности и полемические положения, они получили достаточно положительную оценку как у отечественных, так и у зарубежных исследователей за научность, системность и новизну представленных взглядов, существенную роль в привлечении интереса западноевропейской научной и широкой общественности к белорусской культуре. Профессиональные исследования британских белорусоведов во многом способствовали легитимации филологического направления белорусоведения в контексте европейской и мировой славистической традиции.

Язык является ключом, с помощью которого открывается историко-культурный код нации, а литература, как массовая, так и элитарная, выступает ее информационно-культурным пространством, в котором

отражены вехи исторического пути любого этноса в формировании своего коллективного этнокультурного «я», его социальной, исторической памяти.

Поэтому историко-филологическое направление в белорусоведческих исследованиях на Британских островах является одной из важных составляющих сложившейся традиции исследования обществ и культур восточнославянских народов во второй половине XX – начале XXI вв., которое уже наработало определенные методологические подходы и получило теоретико-концептуальное осмысление в системе гуманитарных наук Великобритании. В данной статье исследовательское внимание акцентировано на оценке роли ведущих британских филологов-славистов в становлении научного знания о Беларуси и ее культуре в Великобритании и определении весомости историко-лингвистических и литературоведческих исследований в британском белорусоведении второй половины XX – начала XXI вв.

Проблема разработки филологического направления в белорусоведении Великобритании в недостаточной степени отражена в белорусской историографии. При рассмотрении данного вопроса главный упор делался на освещение конкретных его аспектов – биография и творчество отдельных персоналий, рецензии на статьи и монографии авторитетных британских славистов. Ведущих британских филологов отмечают в своих работах Н. Гордиенко, М. Пригодич, В. Соколовский, М. Тарелка, Л. Казыро [1–5]. В последнее десятилетие появились работы молодых белорусских исследователей, посвящённые траслатологическим аспектам перевода белорусской поэзии британскими славистами (диссертация С. Скомороховой, статьи В. Беляевой, В. Наумович, Ю. Соколовой) [6–9]. Однако на сегодняшний момент отсутствует комплексная работа, представляющая оценку вклада британских славистов и в британскую, и в белорусскую исследовательскую традицию, а также глубокий анализ основных тенденций, направлений и форм филологического белорусоведения в Великобритании в обозначенные хронологические рамки. При этом стоит отметить, что для изучения творческого наследия британских белорусоведов имеется достаточно хорошая источниковая база, представленная работами самих славистов и биографическими сведениями о них в периодических отечественных и зарубежных изданиях, а также изданиях справочного характера.

В рамках нашей статьи уделяется внимание выявлению персоналий ведущих славистов (филологов) Великобритании второй половины XX в., внесших существенный вклад в развитие знаний о белорусской культуре (языке и литературе) в этой стране; определению основных направлений и проблематики данных исследований на основе обзора их ключевых работ; выявлению роли анализируемых исследователей в разработке филологического направления в белорусоведении Великобритании.

Историко-лингвистические и литературоведческие исследования занимали существенное место в интеллектуальном наследии зарубежных белорусоведов в Великобритании. Популяризация знаний о Беларуси и ее культуре была одной из приоритетных целей зарубежных белорусских организаций. Преимущественно по идеологическим причинам доступ к разработкам гуманитариев БССР был ограничен, в силу чего белорусским интеллектуалам за рубежом приходилось заниматься собственными исследованиями и тем самым создавать свою традицию изучения белорусской проблематики, соответствующую их национальным, идеологическим потребностям, что отразилось в многочисленных статьях и монографиях, опубликованных за пределами Беларуси. Стоит отметить, что вплоть до недавнего времени их работы были малоизвестны в Беларуси вследствие закрытости для широкой общественности. Эти исследования интересны богатым фактическим материалом, глубоким анализом и в то же время субъективным, достаточно неоднозначным видением определенных сюжетов в истории белорусского языка и литературы,

Тематика филологических исследований ученых-славистов и белорусоведов Великобритании в 50–80-е гг. XX в. определялась спецификой доступной источниковой базы и методологическими установками, характерными для британской славистики того периода (описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, статистический методы). Для работ зарубежных славистов, опубликованных в 90-е гг. XX – первой декаде XXI вв., характерны более глубокий анализ белорусской истории и культуры, широкое использование недоступных ранее источников, в том числе архивных. Во второй декаде XXI в. в связи с уходом из жизни большинства ученых-славистов, занимавшихся плодотворной научно-исследовательской деятельностью в XX веке, сократилось количество публикаций филологического профиля. Из наиболее активных

популяризаторов белорусского языка и литературы остаются А. Макмиллин, последняя монография которого, посвященная молодым белорусским писателям, вышла в 2018 г., и Джим Дингли, который занимается сегодня преимущественно переводческой деятельностью (перевод произведений современных белорусских писателей и поэтов на английский язык).

В работах британских филологов послевоенного периода затрагивались традиционные проблемы белорусской славистики (например, белорусский язык в сравнительно-историческом и ареальном аспектах, историческое описание белорусского языка и диалектология, историческая грамматика, сопоставительные исследования разных уровней белорусского языка, история белорусской литературы, белорусская литература в контексте европейского культурно-исторического процесса), а также современные направления белорусского языкознания и литературоведения (языковая ситуация и языковая политика в XX в., состояние современного литературного языка, факторы формирования белорусского стандартного языка, изменения отечественных литературных канонов, современная белорусская литература, литература диаспоры, проблемы языковой идентификации, китабистика как раздел белорусской славистики, значение литературных журналов в социально-политических изменениях в Беларуси XX в.).

В Великобритании наиболее значимые работы в области истории языка появились в послевоенный период XX в. Существенный вклад в исследование белорусского языка внесли английские слависты Реджинальд де Брей, Питер Мэйо, Ширин Акинер, Вера Рич, Арнольд Макмиллин, начало исследовательской деятельности которых относится к концу 60 – началу 70-х гг. XX в. [3, с. 66]. Как нам представляется, это была не столько научная заинтересованность проблематикой одного из восточнославянских языков, сколько стремление получить хотя бы базовые знания о его грамматике, графике и орфографии, лексике, фонетике при проведении сравнительно-типологических исследований на межславянском материале. Несмотря на то, что в Лондонском университете с 1915 г. существовала Школа славянских исследований, где имелись уже сложившиеся традиции в области русистики, о Беларуси и ее культуре в научных кругах долгое время ничего не знали. Особый интерес к белорусскому языку со стороны зарубежных лингвистов проявился в 90-е гг. XX в., что было связано с

провозглашением независимости Республики Беларуси и приобретением белорусским языком статуса государственного. В белорусской печати и в зарубежных изданиях стали появляться работы, в которых анализировались вопросы развития норм белорусского языка, выдвигались предложения об улучшении его внутренней структуры и стилистики.

Одним из пионеров в исследовании белорусского языка в Великобритании стал заслуженный профессор, славист Реджинальд Джордж Артур де Брей (1912–1993), работа которого «Руководство по славянским языкам» на протяжении долгого времени являлась основой программы обучения славянским языкам в академических учреждениях зарубежья. Ученый родился в Санкт-Петербурге, затем семья переехала в Англию. В Англии, а затем и во Франции он получил основное филологическое образование. После Второй мировой войны (до 1955 г.) Р. де Брей был приглашен в Школу славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета читать лекции по сравнительной славянской филологии. С 1955 г. он переехал в Австралию, где читал курс лекций по русскому языку на факультете русского языка и литературы Университета Мельбурна и создал там отделение славянских языков [10, p. 2]. Исследователь признавал, что не являлся экспертом в области белорусского языка. Когда он был еще студентом, изучавшим славянскую филологию и анализировавшим работы ряда зарубежных авторов в этой научной сфере, ему пришла идея об отсутствии целостной картины грамматического строя и словаря отдельных языков, в частности восточноевропейских. Интересуясь компаративистской фонетикой отдельных славянских языков, Р. де Брей почувствовал необходимость создания работы, которая бы восполнила этот пробел. Так появилась идея написания книги, в которой автор попытался дать характеристику каждого славянского языка, исследуя историческое развитие славянских языков от корневой основы (всеславянского языка) до периода их дифференциации. Благодаря такому подходу их индивидуальные особенности выступали особенно ощутимо [11].

По замыслу автора, его исследование давало возможность лучше понять индивидуальные славянские языки, литературу и культуру этих народов, являлось попыткой упростить их изучение. База данной работы научная, филологическая, однако благодаря доступному языку и отсутствию излишней специализированной терминологии она рассчитана на широкую

читательскую аудиторию. Глобальной целью книги являлась установка на ознакомление западного, англоязычного мира со славянской культурой.

В отдельной части книги, посвященной белорусскому языку, Р. де Брей делает краткий экскурс в историю его развития и историографию его изучения со ссылкой на такие ключевые фигуры, как Е. Карский, Ф. Богушевич, В. Дунин-Марцинкевич, Я. Купала, Я. Колас, Т. Гартный, А. Луцкевич. Детально описаны алфавит, фонетический строй белорусского языка, представленный как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте, морфология, рассматриваются общие и отличительные черты трех восточнославянских языков – белорусского, русского, украинского, представлены диалекты белорусского языка и указана их роль в формировании литературного языка. Избранные тексты на белорусском языке без авторских комментариев, размещенные в последней части, не только представляют собой наглядный пример всех описанных в работе особенностей, но и служат для отработки навыков чтения на белорусском языке, знакомят читателя с именами и произведениями значимых фигур белорусской литературы (Я. Коласа, Я. Купалы, П. Панченки, М. Лынькова и др.) [11, p. 174–247]. Книга Р. де Брея «Руководство по славянским языкам: Восточноевропейские языки» является не только ценным справочным пособием по филологии, раскрывающим индивидуальность и уникальность белорусского языка в группе славянских языков, но и первой попыткой познакомить англоязычный мир с белорусской историей и культурой.

Внимания заслуживает также статья Р. де Брея, опубликованная в «Журнале белорусских исследований» на основе его публичного выступления на заседании Англо-белорусского общества в 1968 г., – «Грамматические изменения в современном литературном белорусском языке» [12, p. 215–221], в которой ученый выразил идею, прозвучавшую уже ранее в «Руководстве к славянским языкам», о независимости и индивидуальности белорусского языка благодаря типичным для него фонетическим и морфологическим чертам, а также предложил свою критическую оценку реформ белорусского языка 1933 г. и 1962 г. [11; 12].

В 70–80-х гг. XX в. изучением белорусского языка и его грамматики занимался английский славист, доктор филологии, преподаватель славяноведения, член Британской университетской ассоциации славистов, Ассоциации преподавателей русского языка и член Англо-белорусского

общества Питер Мэйо (1944–2004). Он активно исследовал лексикографию, морфологию, синтаксис белорусского и русского языков, издал цикл работ по белорусоведческой тематике. Наиболее значимой была «Грамматика белорусского языка» («A Grammar of Byelorussian») [13], идея создания которой возникла из курса лекций по сравнительной славянской филологии, который ученый читал студентам факультета российских и славянских исследований университета Шеффилда в начале 70-х гг. XX в. По этой причине в книге наблюдалось значительное количество сравнений с грамматикой других славянских языков, в особенности русского и украинского, а также присутствовал ряд ссылок на старославянский язык и историю славянских языков. Работа, по словам П. Мэйо, в большей мере была призвана выступать как справочное грамматическое пособие для желающих познакомиться с белорусским языком на уровне пассивного восприятия [13, с. 1]. В ней в доступной форме излагается информация по вопросам фонетики, орфографии и морфологии белорусского языка, выделяются его особенные черты. Книга П. Мэйо «Грамматика белорусского язык» стала не только вкладом в знание о белорусском языке в зарубежной славистике, но и попыткой британского исследователя-филолога познакомить широкую англоязычную общественность с самим белорусским языком.

Значимой работой П. Мэйо является научная статья «Белорусский язык» в коллективной монографии «Славянские языки», написанной признанными зарубежными специалистами в области языка и посвященной как современным славянским языкам, так и уже не существующим протославянскому, староцерковному славянскому языкам, а также славянским языкам в эмиграции [14]. В статье приводится информация о том, что представляют собой Беларусь и белорусы, дается экскурс в историю зарождения и развития белорусского языка (от старобелорусского до литературного), рассматриваются отличительные особенности белорусского языка, описываются ключевые явления и внешние факторы, вызвавшие изменения в языке, языковые реформы XX в. (белорусская грамматика Б. Тарашкевича, декрет 1933 г. «Об изменении и упрощении белорусской орфографии», вызвавший немалую долю критики со стороны белорусской общественности), проблемы статуса белорусского языка в советский период и ситуации зарождения билингвизма в Беларуси. Дается краткий обзор

текущего состояния языка, приводятся статистические данные о количестве русскоговорящих и белорусскоговорящих в стране [14, с. 887–946]. Автор отмечает роль белорусов зарубежья (эмигрантов в Западной Европе, Северной Америке и Австралии) в попытке оживления интереса и сохранения белорусского языка. В статье представлена научнообоснованная информация о фонологии, морфологии, синтаксисе, лексике белорусского языка [14, р. 887–946]. Ценностью указанного исследования является научность и системность взглядов, а также информативность (текстологическая сторона и иллюстративная).

Ряд статей П. Мэйо, посвященных истории эволюции белорусского языка и развитию его норм, был опубликован в «Журнале белорусских исследований».

П. Мэйо выступил в качестве автора и редактора, консультанта для белорусских специалистов – составителей «Англо-белорусского словаря». Словарь такого типа стал важным событием в лингвистике и лексикографии, поскольку явился источником не только семантической, морфологической, фразеологической информации о слове, но и культурологической и страноведческой. Вклад П. Мэйо в его составление – предоставление большей части английского реестра и иллюстративных примеров. Более того, «Англо-белорусский словарь» стал важным шагом в развитии зарубежной белорусской лексикографии, целью которого являлось увеличение количества переводов с белорусского языка и на белорусский [15].

По оценкам зарубежных и отечественных белорусоведов, работы Питера Дж. Мэйо являются весьма значимыми. Подтверждением является тот факт, что его имя и работа «Грамматика белорусского языка» указываются среди лингвистов, исследующих белорусский язык в послевоенный период, в программе государственного экзамена «Белорусский язык» БГУ. Отдельная статья посвящена П.Дж. Мэйо в Белорусской энциклопедии [16, с. 57].

Значительный вклад в развитие филологического белорусоведения в Великобритании внесла Ширин Акинер – исследовательница, преподаватель Университетского колледжа в Лондоне, член Англо-белорусского общества. В 1980 г. Ш. Акинер защитила докторскую диссертацию по теме «Религиозный словарь белорусских татар». Она являлась автором нескольких белорусоведческих публикаций, среди которых большая часть была о белорусских аль-китабах (книгах, написанных на белорусском языке

арабским письмом татарами, поселившимися в Белоруссии и Литве в XIV–XV вв.). В 1975–1983 гг. Ш. Акинер неоднократно участвовала в чтении курса лекций по белорусоведению, организованном Англо-белорусским обществом. Тематика докладов была преимущественно связана с современными белорусскими писателями в Польше, морфологией белорусского языка, китабистикой [1, с. 436, 437, 495–498].

Одной из исследовательских доминант Ширин Акинер был язык белорусских татар. Из числа работ, посвященных данной теме, внимания заслуживает статья, сделанная по материалам доклада на VIII международном съезде славистов в Загребе в 1978 г., − «Восточные заимствования в языке белорусских татар» [17]. Исследовательница отмечает важность рассмотрения истории белорусских татар для понимания неизбежности утраты ими своего природного языка, а также необходимость поиска источника для восполнения утраченной ими лексики.

Несомненной заслугой Ширин Акинер в области белорусоведения является создание опубликованной в 2009 г. фундаментальной монографической работы по белорусской китабистике – «Религиозный язык Белорусского татарского китаба» [18]. Предметом исследования выступает язык конкретного рукописного китаба, который хранится в Британской библиотеке. Цели работы – анализ этимологических характеристик лексических фондов рукописи, характеристика грамматической, фонетической и синтаксической адаптации и интеграции неславянских элементов, выявление специфики семантической дифференциации в использовании славянских и неславянских элементов, а также определение природы и степени социолингвистического взаимодействия между славянской и неславянской традициями татар [18, p. 9]. Автор дает обзор предыдущих исследований по проблеме татар в Беларуси, Литве и Польше, создает очерк по истории белорусских татар, включая информацию об их нынешнем положении, религии и ее эволюции в связи с определенными историческими событиями и эпохами, языке и религиозной литературе, условиях ее создания. Важным разделом книги является «Религиозный словарь», уникальный тезаурус, впервые представляющий космографию белорусских татар [18, p. 387–445]. Исследование базируется на представительном подборе словаря, используемого в китабе (более 1000 слов), проводится анализ большого количества материала, разнообразного в

этимологическом и стилистическом планах. Как показало научное исследование, основным языком рукописи является белорусский, однако в лексике существует и сильное польское влияние [18, p. 337]. Белорусские татары не создали отдельного языка или диалекта типа креольского или пиджин, а разговаривали на стандартном белорусском и польском языках. Автор полагает, что религиозный язык белорусских татар может относиться к «социолекту», который развивался как дополнение. Она отмечает, что белорусский язык в период возникновения изученного манускрипта уже давно не был новоусвоенным языком татар [18, p. 356–360].

В работах Ширин Акинер, по мнению ряда современных белорусских исследователей, имеется немало дискуссионных положений (неточности в классификации языков Восточной Европы и в транслитерации, смешение польских и белорусских словоформ и др.). Однако и зарубежные, и отечественные исследователи признают значимость, фундаментальность и новизну работы британской славистки в области исследования рукописного наследия татар ВКЛ [19, p. 136]. Монография Ш. Акинер является ценным источником по изучению регионального северо-восточного варианта польского языка и состояния белорусского языка региона [18, p. 151–154].

Помимо языковедческих исследований, в фокусе внимания ученой было творчество белорусских писателей Польши, союза писателей «Белая Вежа». В своих литературоведческих работах Ш. Акинер отмечает литературное и социологическое значение новой литературы белорусов в Польше, ее вклад в сохранение белорусского языка. Книга Ш. Акинер «Современные белорусские писатели в Польше» – удачная попытка обосновать историю появления, развития и значимость такого явления, как белорусская литература в Польше, содержательный обзор творчества наиболее ярких и талантливых представителей течения, которое во многом способствовало сохранению белорусской культуры за рубежом [20].

Интерес исследовательницы к белорусским писателям в Польше не ограничился данной работой. Она перевела и отредактировала книгу талантливого писателя Белосточчины Сократа Яновича «Миниатюры» [21]. Ш. Акинер приводит сведения о биографии, творческом пути и достижениях польского белоруса, пишет о широком признании С. Яновича в белорусских и польских литературных кругах [21, p. 10–15], а также отмечает значительную роль, которую сыграло Белорусское культурное общество,

основанное в 1956 г. в Польше, в «развитии белорусского культурного и лингвистического сознания» в Великобритании [21, p. 14].

Наиболее значимые литературоведческие работы в Великобритании появились в послевоенный период XX в. Активное изучение белорусской литературы началось в 60-е гг. XX в. Одним из пионеров в этой области стал английский поэт, переводчик, автор девяти книг переводов белорусской лирики, создатель англоязычной антологии современной белорусской поэзии Уолтер Мэй. Работая преподавателем колледжа в Саусвике, он заинтересовался поэзией Пушкина, а вслед за ней и всей русской классической поэзией. Более тысячи стихотворений и поэм, переведенных У. Мэем, вошло в его первую «Антологию русской классической поэзии». В 1967 г. вышла вторая антология – «Избранное из советской поэзии на английском языке», в которой также появились первые переводы стихотворений белорусских поэтов П. Бровки, А. Кулешова, П. Панченко, Е. Лось, выполненные У. Мэем Самые первые переводы в 1968 г. опубликовал журнал Общества культурных связей «Англия – СССР» – два стихотворения М. Танка. Затем переводчик активно взялся за произведения основателей современной литературы – Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича. Среди работ У. Мэя – перевод белорусских сказок, детских стихотворений белорусских поэтов (М. Танка), поэзии В. Короткевича в книге «Земля под белыми крыльями», произведения «Тарас на Парнасе» [22].

Одна из самых представительных антологий на иностранном языке «Моя прекрасная Белоруссия. Антология современной белорусской поэзии» («Fair Land of Byelorussia: An Anthology of Modern Byelorussian Poetry»), в создании которой автору помог белорусский поэт Анатолий Вертинский [23], содержит перевод стихотворений 59 белорусских авторов, краткие сведения из их биографии и творческого пути. Целью книги, как отмечает автор в послесловии, была попытка донести до читателя красоту, правду, простоту и искренность, мужество и страдания, веру в будущее, отразившиеся в белорусской поэзии и белорусских людях – основных персонажах белорусской литературы [23, с. 354].

В 1986 г. вышел перевод сборника 118 стихотворений М. Танка, «великого поэта, с которым очень важно познакомить английского читателя», – «Факел огня» («The torch of fire») [24]. Однако основным объектом переводческой деятельности У. Мэя стали классики белорусской

литературы Я. Купала и Я. Колас. Гуманизм купаловских стихов был близок У. Мэю как поэту и переводчику, а в его стихотворениях он находил сходство с творчеством шотландского поэта Р. Бернса. В книге «Стихотворения» («Only by Song») опубликовано 62 перевода стихотворений Я. Купалы, что делает эту работу изданием с наибольшим количеством до этого времени английских переводов классика белорусской литературы. В 1982 г. вышла переведенная У. Мэем книга, включавшая 85 стихотворений Я. Коласа, – «Голос земли» («The voice of the land») [25]. Возможно, под влиянием поэзии белорусских классиков книгу своих стихотворений автор назвал «Позняе жніво» (1982). Многие стихотворения в этом сборнике автор посвятил Беларуси [26].

Однако при всей уникальности творчества английского поэта и переводчика исследователи отмечают и ряд недостатков: часть образов интерпретируется неправильно или передается посредственным поэтическим языком, искажая замысел автора оригинала; при передаче интертекста отсутствуют переводческие комментарии, что мешает англоязычному читателю понять некоторые аллюзии; отдельные ошибки возможны из-за недостаточного знания исследователем белорусской культуры. При этом нельзя не отметить высокое качество переводов, стремление автора к максимальной адаптации оригинала, ориентацию на англоязычную аудиторию и современный литературный процесс [6]. Переводы У. Мэя, пронизанные восхищением белорусской литературой, имеют весомое значение в ознакомлении британских и англоязычных читателей Запада с богатым литературным наследием Беларуси.

Переводами и исследованием белорусской литературы начиная с 50-х гг. XX в. активно занималась Вера Рич (1936–2009). В 1953 г., будучи учащейся католического лицея, В. Рич пришла на экскурсию в белорусскую каплицу в Лондоне, где познакомилась с белорусскими священнослужителями Чеславом Сиповичем, ректором Белорусской католической миссии восточного обряда в Великобритании, а позже с Александром Надсоном и Львом Горошко, проявлявшими большой интерес к белорусской культуре и языку. В Оксфордском университете Вера Рич изучала английскую литературу. Под влиянием своего коллеги-украинца она заинтересовалась украинским языком и перевела стихотворение Т. Шевченко на английский язык. Практически одновременно она стала переводить и белорусскую

поэзию. В 1957 г. в газете «Бацькаўшчына» В. Рич опубликовала свой первый перевод – «На чужыне» Я. Купалы. Так началась ее работа в области переводов белорусской поэзии. Вера Рич принимала активное участие в мероприятиях Объединения белорусов в Великобритании, в издании «Журнала белорусских исследований», деятельности Англо-белорусского общества, Белорусской библиотеки-музея имени Ф. Скорины.

Ранние переводы произведений белорусских классиков Я. Купалы, Я. Коласа и М. Богдановича, осуществленные В. Рич, можно найти в двух сборниках – «Очертания» («Outlines», 1961) и «Знаки и образы» («Portents and Images», 1963). В 1962 г. в основанном В. Рич литературном журнале «Многообразие» («Manifold», 1962–1969, 1998) были опубликованы ее переводы ряда стихотворений Я. Купалы. Во время редакторской деятельности В. Рич журнал заслужил репутацию одного из шести главных «маленьких» поэтических изданий в Великобритании [22].

В 1971 г. под эгидой ЮНЕСКО В. Рич подготовила первую в мире антологию белорусской поэзии на иностранном языке «Как вода, как огонь: Антология белорусской поэзии с 1828 года до наших дней» («Like Water, Like Fire: An Anthology of Byelorussian Poetry from 1828 to the Present Day») [26]. Однако в Советском Союзе по причине «неполиткорректности» книгу сняли с продажи. В книге было собрано наибольшее в то время количество переведенных произведений Я. Купалы и других белорусских поэтов (П. Багрима, Ф. Богушевича, Э. Тетки, М. Богдановича, З. Бядули, К. Крапивы, У. Дубовки); рассматривались биография и творчество классика белорусской литературы – Я. Коласа, переведены такие его известные произведения, как «Голас зямлі», «Адлёт журавоў», «Асадзі назад», «Вясна», «Наш родны край», «Мужык», «Родныя вобразы», «Не бядуй» и др., отрывки из поэм «Сымон-музыка», «Новая зямля» (она сравнивала ее с древнеримскими трагедиями, драмами и трагедиями У. Шекспира). В книге прослеживается развитие белорусской поэзии с начала XIX в. до периода после «оттепели», выделяются основные этапы ее эволюции [26]. Книга не только способствует распространению знаний о Беларуси, но и знакомит читателей со свежими идеями, новыми стихотворениями на белорусском языке, наряду с английскими их эквивалентами. Как отмечала В. Рич, белорусская поэзия, родившаяся и процветающая в сложных условиях,

достигла уровня литературы, достойной занять почетное место среди поэзии Европы.

В 1982 г. в переводе В. Рич вышла в свет двуязычная антология поэзии трех выдающихся поэтов, внесших значительнй вклад в становление и развитие современной белорусской литературы, – А. Гаруна, М. Богдановича и З. Бядули – «Снуецца зданяў рой» («The Images Swarm Free: A bi-lingual selection of poetry by Maksim Bahdanovich, Ales Harun and Zmitrok Biadula») [28]. Заслуга Веры Рич в данной работе – мастерская передача формы и содержания текстов оригинала, авторского стиля, стремление как можно точнее передать идеи, мысли, переживания трех заслуженных белорусских писателей и поэтов [28, с. 16]. Переводы В. Рич получили высокую оценку специалистов-филологов в Беларуси после выхода в 2002 г. (в Минске, в издательстве «Мастацкая літаратура», в честь юбилея Я. Купалы и Я. Коласа) книги «Янка Купала. Сонеты. На белорусском, английском, испанском, немецком, польском, русском, украинском и французском», в которой ей принадлежат английские варианты перевода.

Последний сборник белорусской поэзии в переводе В. Рич − «Стихи свободы: Размышления о Беларуси» («Poems on Liberty: Reflections for Belarus», 2014) [29]. Книга состоит из 122 стихотворений, присланных на радио «Свобода» в рамках программы «Верш на Свабоду» в 2001 г., на языке оригинала – белорусском – и в английском переводе. В обзоре-предисловии, нацеленном прежде всего на иностранного читателя, Вера Рич останавливается на некоторых вопросах поэтического перевода с белорусского языка на английский, объясняет некоторые понятия белорусского национального мировоззрения, отмечает значимость г. Вильны, Ф. Скорины, рассматривает особенности семантики и этимологии таких слов, как «свабода», «воля», «Радзіма», «Бацькаўшчына» [29, с. 5–12]. Среди воспевающих Беларусь и ее стремление к свободе авторов, чьи стихотворения вошли в книгу, можно увидеть как классиков белорусской литературы, так и более молодых талантливых поэтов. В. Рич справедливо считала перевод не механическим воспроизведением, а искусством, поэтому тщательно анализировала индивидуальный стиль каждого автора, пыталась сохранить форму оригинала и рифму, что является свидетельством ее переводческого и литературоведческого мастерства.

В. Рич была одним из пионеров исследования литературы белорусской эмиграции, которая до сих пор остается не до конца изученной страницей литературного процесса XX в., играет значимую роль в развитии национальной идеи за рубежами нашей страны. В статье «Белорусская поэзия в эмиграции, 1945–1990» исследовательница дает краткий обзор белорусской послевоенной эмиграции, творчества наиболее видных ее представителей [30]. Она отмечает, что на протяжении нескольких десятилетий литература послевоенной эмиграции развивалась не как составляющая часть литературного процесса в Беларуси, а отдельно, что было вызвано долгим нахождением под идеологическим прессингом в советском обществе. Исследовательница делает попытку прогноза развития поэзии белорусского зарубежья через столетие, предполагая, что ряд поэтов может стать частью канона белорусской литературы [30, с. 62–70].

Переводы белорусской поэзии на английский язык, лекции по славянским языкам в Бирмингемском университете, подробные комментарии к книгам стихотворений, в которых представлены творческие портреты талантливых и значимых фигур белорусской литературы, создание антологии белорусской поэзии в переводе на английский язык, исследования в области истории белорусской литературы – этот далеко не полный список заслуг говорит о том, что Веру Рич можно по праву назвать популяризатором белорусской культуры на Западе.

Профессор Арнольд Макмиллин – один из наиболее авторитетных британских славистов, доктор славянской филологии, активный исследователь белорусской литературы на Западе, специалист в области белорусского языкознания, истории, литературы, перевода. Свою научную деятельность он посвятил преимущественно исследованию путей развития белорусской литературы. В 1964 г. окончил Лондонский университет по специальности «Русский язык и литература». Интерес к белорусоведению зародился у него под влиянием известного слависта Лондонского университета Роберта Оти, под руководством которого была написана докторская диссертация А. Макмиллина «Развіцце беларускай літаратурнай мовы ў XIX стагоддзі», в 1973 г. ставшая монографией «Лексика белорусского литературного языка в девятнадцатом веке» («The vocabulary of Byelorussian literary language in the nineteenth century», London, 1973) [31]. Работа базируется на исследовании всех доступных печатных и рукописных

изданий XIX в., представляет научный анализ более 3000 слов, относящихся к абстрактной лексике литературного языка XIX в. [31, с. 29]. Максимально возможное количество текстов XIX в., на которых базируется исследование, позволяет создать более цельную картину развития белорусской литературы в этот период. Автор попытался пролить свет на малоисследованную проблему – зарождение и развитие «нового» литературного языка, что благодаря количеству использованных и проанализированных им источников, а также впервые примененному в белорусском языкознании статистическому методу удалась ему в значительной мере.

Во время написания диссертации А. Макмиллин впервые посетил Минск, в частности Институт языкознания Академии наук. Впоследствии неоднократно приезжал в Минск, познакомился и подружился с белорусскими писателями В. Быковым, Г. Бородулиным. А. Макмиллин часто посещал Беларусь с целью участия в международных конференциях, работе международных конгрессов белорусистов, сбора информации о современной белорусской литературе. С 2006 г. по сегодняшний день он является президентом Ассоциации современных гуманитарных исследований в Великобритании [32].

С 1987 г. Арнольд Макмиллин – профессор русского языка Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. В 70–80-е гг. XX в. – член комитета Ассоциации славистов Британских университетов, представитель Международного комитета славистов от Великобритании, вице-президент Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур, с 1981 г. – вице-президент Англо-белорусского общества. Он уделял много внимания знакомству англоязычного мира с духовной культурой белорусов, что нашло отражение в многочисленных выступлениях с лекциями по белорусской тематике в университетах мира, статьях, обзорах в разнообразных журналах и изданиях. А. Макмиллин был редактором «Журнала белорусских исследований» (1966–1971), журнала «Обзор современных языков» («Modern Languages Review», 1979–1987), «Непериодические ученые записки белорусских исследований» («Occasional Papers in Byelorussian Studies», 1995), членом более десяти редакций славистических журналов и изданий, является сотрудником Белорусской библиотеки-музея имени Ф. Скорины в Лондоне [32].

В 70-е гг. XX в. самым крупным исследованием истории белорусской литературы в западноевропейской славистике стала работа Арнольда Макмиллина «Гісторыя беларускай літаратуры ад яе вытокаў да сённяшніх дзен» (1977) [33]. В монографии рассматривается история белорусской литературы с XII в. до 70-х гг. XX в. Ученый выделяет доминантные жанры, выдающихся представителей каждого периода, литературные течения и группы. Литературные сведения дополняются историко-культурными фактами, что позволяет лучше понять особенности того или иного этапа в развитии белорусской литературы и факторы, повлиявшие на нее. В монографии присутствует большое количество произведений и фрагментов из них в переводе на английский язык, что делает эти тексты более доступными для широкого восприятия зарубежными читателями [33, с. 6].

Важной и интересной с литературоведческой точки зрения является глава «Послевоенное развитие», в которой представлен обзор литературы начиная с периода окончания Второй мировой войны до 70-х гг. XX в., автор отмечает как писателей, получивших широкую известность (наример, Я. Брыля, И. Шамякина, И. Мележа, В. Быкова), так и малоизвестных авторов периода «оттепели» (Т. Шадкевича, Н. Лупсякова и др.). Затрагивается тема белорусской литературы эмиграции. А. Макмиллин с особой симпатией пишет о молодых талантливых авторах тех лет (А. Жуке, Б. Саченко, М. Стрельцове и др.) и их вкладе в современную белорусскую литературу. В работе делается оптимистический вывод, что на протяжении восьми веков сложного развития белорусская литература постепенно завоевала свое почетное место в европейской литературе [33, с. 332].

Изначально публикация монографии была неоднозначно встречена в Беларуси, поскольку в ней критически анализировались «неприкосновенные» в советской республике поэты и писатели и высоко оценивались авторы, не входящие в ряды официального литературного пантеона. Однако сегодня нельзя не признать, что монография А. Макмиллина явилась первым комплексным исследованием, дающим широкий обзор белорусской литературы на английском языке в западном зарубежном белорусоведении в рамках основательного исторического контекста.

Монография А. Макмиллина «Беларуская літаратура ў 50–60-я гады XX стагоддзя» (издана в Кельне в 1995 г., переведена с английского на белорусский и издана в Минске в 2001 г. [34]) − своего рода энциклопедия

истории отечественной поэзии, прозы и драматургии указанного периода, которая охватывает большое количество имен и произведений. Особое внимание уделяется творчеству И. Мележа, В. Быкова, И. Пташникова, В. Короткевича. А. Макмиллин дает краткий обзор предшествующего развития белорусской литаратуры в связи с теми общественно-политическими процессами, которые происходили в Беларуси (с XI в. до 40-х гг. XX в.). Автор отмечает негативное влияние пережитков сталинской эпохи на характер литературного процесса в Беларуси в 50-е гг. XX в., что особо прослеживается в творчестве некоторых белорусских писателей и поэтов. Например, критически оценивается творчество П. Бровки, П. Глебки, М. Лужанина, М. Лынькова, которые, по его словам, не смогли в своем творчестве отреагировать на новую «послесталинскую» атмосферу в обществе [34, с. 18]. Авторская критика некоторых поэтов и писателей носит порой чересчур резкий характер, что нередко расходится с теми представлениями о белорусских литераторах, которые сложились в официальном литературоведении БССР тех лет. Тем не менее достоинство монографии состоит в том, что она не ограничивается лишь рамками 50–60-х гг. XX в., а включает их в более широкий временной историко-культурный и литературный контекст; представляет системный обзор литературных явлений исследуемого периода. В книге присутствуют многочисленные цитаты, точные биографические и фактографические сведения.

Профессор А. Мальдис в своей рецензии на книгу А. Макмиллина отметил, что на фоне традиционных отечественных литературоведческих исследований творчества белорусских писателей монография вызывает особый интерес, так как в ней представлен независимый взгляд западного лингвиста и литературоведа, которого в советские времена нередко обвиняли в субъективизме, на белорусский литературный процесс 50–60-х гг. XX в. и на белорусскую литературу, историю и культуру [35, с. 37–40].

«Беларуская літаратура дыяспары» – специальное монографическое исследование А. Макмиллина, посвященное белорусской литературе диаспоры как малоисследованной области восточноевропейской культуры [36; 37]. Книга делится на три части: литература белорусской эмиграции в целом, белорусская литература в современной Восточной Европе (кроме Польши) и белорусская литература Польши как отдельный феномен (среди стран, где создается литература зарубежья, Польша является доминирующей)

[36, с. 7]. В работе имеется ряд недостатков: биографические неточности, поверхностность на уровне макролитературного анализа, причинами которых являются языковой барьер, сложности работы с труднодоступными источниками и неглубокое знакомство с творчеством некоторых писателей. Несомненными достоинствами монографии являются следующие: она охватывает большое количество имён и произведений, частично известных белорусскому читателю, а частично всё ещё недоступных или труднодоступных для ознакомления; в книге сделана попытка объединить авторов, которые представляют не только литературу эмиграции, или белорусскоязычную литературу Польши и стран бывшего СССР. Таким образом, создан цельный образ всей заграничной литературной Беларуси, предпринята попытка исследовать связи между белорусскими писателями мира как на уровне личных контактов, так и на уровне типологических сопоставлений.

Одним из значимых монографических исследований Арнольда Макмиллина стала книга «Пісьменства ў халодным клімаце: Беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзён», изданная в 2011 г. [38]. Работа является продолжением проекта-исследования белорусской литературы, который британский славист начал еще в 70-е гг. XX в. с целью познакомить англоязычных читателей с малоизвестной и, как отмечает А. Макмиллин, несправедливо обделенной вниманием литературой [38, с. 17]. Книга вызвала резонанс в отечественном литературоведении, о чем свидетельствуют рецензии и отзывы на нее. В монографии, которую автор писал на протяжении шести лет, около 1000 страниц, более 700 имен, 40 страниц библиографических источников. Британский исследователь попытался взглянуть на белорусскую литературу непредвзято, без идеологической ангажированности, в равной степени рассматривая литераторов признанных, принадлежащих Союзу писателей Беларуси, и малоизвестных широкой читательской аудитории. Однако А. Макмиллин наделяет индивидуально-авторской оценкой писательские таланты, что находит отражение в названиях разделов. Оригинальным является способ систематизации писателей – здесь нет единой системы, это и принадлежность к обществам либо поколениям, и жанрово-тематические критерии, и настроения, отраженные в прозведениях [38, с. 127, 235, 509, 546, 547, 551, 565, 693, 775, 794, 837]. Примечательным является отдельное рассмотрение региональной

литературы (полоцкой, гродненской, гомельской и т.д.), что не имело места ранее в официальном белорусском литературоведении [38, с. 586, 619, 655].

Книга «Пісьменства ў халодным клімаце» – это комплексная историко-культурологическая и литературоведческая работа, которая интересна не только специалистам-гуманитариям, но и широкому кругу читателей как в Беларуси, так и за рубежом. А. Макмиллин видит перспективы развития белорусской литературы, что подтверждается ссылкой на большое количество многообещающих молодых литераторов, которые создают «качественную прозу и поэзию» [38, с. 21]. Работа А. Макмиллина на сегодняшний день является самым фундаментальным источником по истории современной белорусской литературы. Академическая основательность работы в содержательном плане позволяет ее назвать «энциклопедией сегодняшней литературной жизни Беларуси». Она уже получила высокую оценку у современных литературоведов старны [39].

В одной из последних монографических работ Арнольда Макмиллина «Рунь. Маладыя беларускія паэты пачатку XXI стагоддзя» («Spring Shoots: Young Belarusian poets in the early twenty-first century») [40] представлено творчество сорока поэтов молодого поколения на основе их сборников, изданных в XXI в. В книгу попали также имена поэтов, родившихся в 80-х гг. XX в. и продолжающих свое раннее творчество (В. Морт, В. Тренас, В. Кустова). Одним из мотивов написания книги об этой группе поэтов стало недостаточное внимание к их таланту и творчеству в белорусской критической литературе. Арнольд Макмиллин называет свою монографию «книгой без конца», выражая надежду, что она может представить читателям интересные молодые литературные таланты, которые способны продолжить развитие качественной белорусской литературы [40, p. 2].

Самой новой монографией А. Макмиллина является «Адмова ад традыцыі. Кароткая беларуская проза на пачатку XXI стагоддзя» («Breaking with Tradition: Belarusian Short Prose in the Early Twenty-First Century», 2018 г.), В книге представлена короткая проза пятидесяти молодых белорусских писателей в шести тематических главах, три из которых посвящены темам, вызывающим всеобщий интерес: любовь, одиночество, мир и его обитатели, религия, суеверия, философия. Остальные три имеют особое значение для Беларуси: лидерство, Минск и провинция, белорусский язык и история страны. Рассказы как начинающих, так и опытных писателей

иллюстрированы цитатами с английским переводом. Всех авторов объединяет нежелание следовать традициям советского времени как в тематике, так и в манере письма: они с юмором описывают картины таких трагических событий, как Чернобыльская катастрофа, достаточно фривольно представляют белорусских национальных писателей, поднимают ранее табуированные темы, такие как Беларусь под немецкой оккупацией, однополые отношения, жестокое обращение мужчин с женщинами, алкоголизм и др. [42].

Помимо монографических работ, Арнольд Макмиллин является автором многочисленных статей, посвященных разным аспектам языка и литературы, персоналиям, внесшим значительный вклад в белорусскую культуру: описал состояние белорусского языка и языкознания в XIX в. и роль Е. Карского в его развитии; дал оценку попыток ряда писателей и поэтов-эмигрантов представить в своих работах образ Ф. Скорины, отмечая неоднозначное отношение как белорусской историографии, так и властей к фигуре белорусского первопечатника. А. Макмиллин – автор обзорных статей и разделов о белорусском языке для энциклопедических справочников и обобщающих работ, рецензий на работы белорусских и зарубежных исследователей (рецензии на работы Н. Мечковской, В. Горбатского, В. Орлова) [32]. Статья А. Макмиллина «Пакаранне без злачынства: Беларуская турэмная паэзія» [41] посвящена поэзии белорусских поэтов, оказавшихся в неволе в польских, советских и современных тюрьмах по политическим мотивам. В ряде последних статей ученый рассматривает творчество современных белорусских поэтов и писателей – Нины Шкляровой (поэтесса, прозаик, переводчица), Антона Брыля (белорусский переводчик, поэт, перевел на белорусский язык самый ранний памятник древнеанглийской поэзии), В. Аксак, М. Скобла, В. Морт и др. [43; 44; 45].

Сегодня работы Арнольда Макмиллина представляют для белорусской культуры ценность как исторические и литературоведческие источники, выступая образцом независимого видения зарубежным ученым сложных явлений белорусской культуры. Он пролил свет на имена забытых либо намеренно игнорируемых в Советской Белоруссии авторов, открыл талантливых молодых писателей и поэтов, исследовал ранее не изученные сюжеты в белорусском литературоведении, например феномен белорусской тюремной литературы. Благодаря его исследовательским и научно-

популярным работам белорусская литература стала известна не только в Великобритании, но и в других странах мира.

Среди британских ученых-белорусоведов, исследователей белорусской истории, культуры, языка, литературы необходимо отметить языковеда, историка, переводчика Джима Дингли. Окончив Кембриджский университет, он более двадцати лет преподавал русский язык в местном университете в Рединге, где также инициировал открытие курса белорусского языка.

Джим Дингли не знал ничего о Беларуси, пока в 1964 г., работая ассистентом в Национальной библиотеке при Британском музее, не познакомился с молодым священником А. Надсоном, который рассказал ему о стране, ее историческом прошлом, культуре, значимых общественно-культурных деятелях, таких как Ф. Скорина. Поначалу у ученого преобладал преимущественно научный интерес к Беларуси, однако, посетив ее лично и познакомившись более тесно с людьми и культурой, он проникся к ней истинной симпатией [46].

Джим Дингли входил в состав Совета Белорусской библиотеки-музея имени Ф. Скорины, сыграл заметную роль в 70-х гг. XX в. как редактор основного издания британских белорусистов – «Журнала белорусских исследований». С 1989 г. до середины 90-х гг. XX в. работал в качестве председателя Англо-белорусского общества, в начале XXI в. вернувшись на эту должность. С 1991 г. являлся вице-президентом Международной ассоциации белорусистов, неоднократно участвовал в конференциях, проводимых в Беларуси. Он является автором исследований по белорусской истории и языку, рецензий на работы белорусских ученых. Тематика докладов и небольших статей, с которыми Дж. Дингли выступал на курсах белорусоведения и которые публиковал в периодических изданиях в 70–90-х гг. XX в., была весьма разнообразной: язык («Граматыка славенска» (1643, 1645), «Реформа по созданию белорусского языка», «Украинский и белорусский – опытная площадка»), литература («Паэт Алесь Гарун (1887–1920)», «Фармаваньне беларускай літаратурнай мовы»), история Беларуси («Адкуль яны паходзяць? – Этнагенез беларусаў», «Раньняя гісторыя першай беларускай дзяржавы», «Беларусь: захаваньне культурнай спадчыны» и др.) [1, с. 476, 477, 493–501]. В 90-е гг. XX в. он планировал подготовить англо-белорусский юридический словарь. Практически завершил работу по изданию учебника белорусского языка, которую проводил по контракту с

Лондонским издательством, но, к сожалению, эти проекты так и не были реализованы [47, с. 4].

В последнее десятилетие Джим Дингли активно занимается переводческой деятельностью. Перевод с белорусского на английский он начал осуществлять с 2013 г. В фокусе его внимания – современные белорусские писатели, такие как Наталка Бабина (роман «Рыбин город» (2007 г.) − приключенческий и социальный роман о Бресте, перевод Д. Дингли на английский язык «Down among the Fishes» вышел в 2013 г. [46]), В. Орлов («Страна Беларусь. Иллюстрированная история» (2013 г.) − книга по истории Беларуси с древних времен до начала XX века − «This country called Belarus. An illustrated history» (2013 г.)), «Беларусь. Эпоха Великого Княжества Литовского» (2012 г.) − «Belarus. The epoch of the Grand Duchy of Lithuania: an illustrated history» (2018 г.). Джим Дингли выступил автором переводов и вступительного слова к англоязычным читателям [48]. Он отмечает особый талант белорусского писателя Ольгерда Бахаревича, роман которого «Дети Алиндарки» (2014 г., история двух белорусскоговорящих детей, оказавшихся в концлагере) перевел совместно с Петри Райд в 2020 г. («Alindarka’s Children») [48], а также поэтессы и писательницы из небольшого белорусского города Сморгони Т. Скоринкиной (перевод сборника эссе о буднях белорусского райцентра «Много Чеслова Милоша и чуть-чуть Элвиса Пресли» (2016 г.) вышел в Лондоне в 2018 г. («A Large Czeslaw Milosz with a dash of Elvis Presley») [49]). Как отмечал Джим Дингли в одном из своих интервью, качество, которое он ассоциирует с белорусской литературой, − «белорускость» («Belarusianness»), то, как авторы из Беларуси, пишущие на белорусском языке, передают исторический опыт своей страны [48].

За большой вклад в развитие белорусоведения в 1999 г. Джим Дингли был награжден медалью Франциска Скорины.

Таким образом, анализ творчества наиболее авторитетных британских славистов позволяет говорить об их значительной роли в зарождении и развитии филологического направления в рамках белорусоведения Великобритании. Они первые занялись анализом и системной оценкой литературы белорусского зарубежья, которая по идеологическим причинам оставалась малознакомой страницей истории; уделили внимание писателям и поэтам, которые не нашли должной системной оценки в официальном

литературоведении БССР; познакомили западное сообщество с белорусской литературой и спецификой белорусского языка как значимой частью белорусской культуры, что способствовало легитимации филологического направления белорусоведения в контексте европейской и мировой славистической традиции. Работы специалистов западного научного сообщества не только имеют ценность с точки зрения расширения знания о белорусской культуре, но и служат индикатором интереса зарубежной общественности к Беларуси. Можно по-разному рассматривать сильные и слабые стороны зарубежных филологических исследований, однако нельзя отрицать тот факт, что в любом случае они способствуют популяризации белорусской проблематики в мире и создают хорошую основу для дальнейших научных исследований и дискуссий.

Литература

1. Гардзіенка Н. Беларусы ў Вялікабрытаніі. Мінск: Медысонт, 2010. 620 с.
2. Прыгодзіч М.Р. Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2010. 183 с.
3. Сакалоўскі У.Л. Беларуская літаратура ў даследаваннях заходнееўрапейскіх славістаў // Славяне: адзінства і мнагастайнасць: міжнародная канферэнцыя, Мінск, 24–27 мая 1990: тэзісы дакладаў і паведамленняў. Секцыя 5. Узаемасувязі і ўзаемадзеянне славянскіх культур:фальклор, літаратура, мастацтва / рэдкалегія: М.В. Бірыла (галоўны рэдактар) [і інш.]. Мінск: БелНДІНТІ, 1990. С. 66–67.
4. Тарэлка М.У. Akiner Shirin. Religious language of a Belarusian tatar kitab. A cultural monument of Islam in Europe. Wiesbaden: Harrassowitz verlag, 2009. Vol. XXVII. 457 p. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 65. Мінск: Беларуская навука, 2010. С. 151–154.
5. Казыра Л.А. Мэй Уолтэр // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 тамах. Т. 3. рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1984. С. 712.
6. Скамарохава С.А. Праблемы перакладу беларускай паэзіі на англійскую мову: В. Рыч, У. Мэй: аўтарэферат дысертацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук. Мінск, 2005. 20 с.
7. Беляева В.В. Поэма «Тарас на Парнасе» в переводе на английский язык // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XI Междунар. научно-практич. конф. препод., аспирантов, магистрантов, студентов. Минск, 22 ноября 2017 г. В 7 ч. Минск: БГУ, 2018. Ч. 6. С. 32–42.
8. Наумович В.В. Коммуникативно-прагматические аспекты переводов белорусской поэзии на английский язык // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 94-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2015 г. Минск: РИВШ, 2016. С. 72–73.

9. Соколова Ю.В. Лексико-грамматические трансформации при белорусско-английском поэтическом переводе. Перевод имен существительных // Веснік БДУ. Сер. 4. 2012. № 3. С. 33–36.

10. Grishin S. Obituary Reginald George Arthur De Bray (1912–1993) // Australian National University Reporter. Sydney: Australian National University. 1993. 23 June. P. 2.

11. De Bray R.G.A. Guide to the East Slavonic Languages // Guide to the Slavonic languages. 3rd revised edition. Columbus: Slavica Publishers, 1980. 254 p.

12. De Bray Reginald George Arthur. Grammatical changes in modern literary Byelorussian language // The Journal of Byelorussian Studies. 1967. Vol. I. no. 3, Year III. P. 215–221.

13. Mayo P.J. A grammar of Byelorussian. Sheffield: The Anglo-Byelorussian Society in assoc. with Univ. of Sheffield. The Dep. Of Russ. and Slavonic Studies, 1976. 66 p.

14. Mayo Peter. Belorussian // The Slavonic Languages. London: Routledge, 1993. P. 887–946.

15. Англійска-беларуска-рускі слоўнік // пад агул. рэд. Т.М. Сушы, А.К. Шчукі, П.Дж. Мэё. 2-е выд., папр. і дапрац. Мінск: БелЭн, 2004. 400 с.

16. Суша Т.М. Мэё Пітэр Джон // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. Мінск, 2000. Т. 11. 560 с.

17. Акінэр Ш. Усходнія запазычанні ў мове беларускіх татараў. Пераклад з англійскай Міхаіла Тарэлкі // Замежная мовазнаўчая беларусістыка на міжнародных з'ездах славістаў зборнік дакладаў: да XV Міжнароднага з'езда славістаў (Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.). / НАН Беларусі; Цэнтр даслед. бел. культуры, мовы і літ.; Філіял «Ін-т мовы і літ. ім. Я. Коласа і Я. Купалы». Мінск: Беларуская навука, 2013. С. 39–55.

18. Akiner Shirin. Religious language of a Belarusian Tatar Kitab: a cultural monument of Islam in Europe: with a Latin-script transliteration of the British Library Tatar Belarusian Kitab. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2009. XXVII + 457 p.

19. Smułkowa Elżbieta. Shirin Akiner, Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab: A Cultural Monument of Islam in Europe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009, XXVII+457 p. // Acta Slavica Iaponica. Tomus 32. P. 134–136.

20. Akiner Šyryn. Sučasnyja biełaruskija piśmieńniki ū Polščy. Pierakłaū z anhielskaje movy Jarasłaū Janovič. Biełastok: Haradzki dom kultury, 1982. 22 p.

21. Janovič S. Miniatures / ed. and transl. S. Akiner. London: The Anglo-Byelorussian Society, 1984. 91 p.

22. Дудько А.Д. Белорусоведческие исследования славистов Великобритании второй половины XX – начала XXI в. (У. Мэй, В. Рич, Ш. Акинер, А. Макмиллин) // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2: Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 2. С. 56–66.

23. May Walter. Fair Land of Byelorussia: An Anthology of Modern Byelorussian Poetry / translated by Walter May. Moscow: Progress Publishers, 1976. 368 p.

24. Tank M. (1912–1995). The torch of fire / transl. by Walter May. Minsk: Mastatskaya litaratura, 1986. 143 p.

25. Семяжон Я. Наш друг з Брайтана // Літаратура і мастацтва. 1967. 29 жніўня. С. 3.

26. Мэй У. Позняе жніво: вершы / пер. з англ. Прадм. А. Лойкі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. 110 с.

27. Like water, like fire: an anthology of Byelorussian poetry from 1828 to the present day / translated by Vera Rich. London: George Allen & Unwin, 1971. 347 p.

28. The images swarm free: a bi-lingual selection of poetry / by Maksim Bahdanovic, Ales Harun and Zmitrok Biadula; translated [from the Byelorussian] by Vera Rich; edited with an introduction by Arnold Mcmillin. London: The Anglo-Byelorussian Society, 1982. 135 p.

29. Rich Vera. Poems on liberty: Reflections for Belarus. Washington: Radio Free Europe. Radio Liberty, 2004. 312 p.

30. Rich Vera. Belarusian poetry in emigration, 1945–1990 // The Role of the Belarusian Diaspora in Preserving and Developing Belarusian Culture: Матэрыялы Міжнар. канф. (Лёндан, 29–30 верас. 2001 г.) / уклад. І. Іваноў, І. Лабацэвіч. Минск: БелФранс, 2004. 109 с.

31. The Vocabulary of the Byelorussian Literary Language in the Nineteenth Century / Arnold Barrat McMillin. London: The Anglo-Byelorussian Society, 1973. 336 p.

32. Дудько А.Д., Кодин Е.В. Арнольд Макмиллин – британский исследователь белорусской литературы Нового и Новейшего времени // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4(40). С. 73–88.

33. Макмілін А. Гісторыя беларускай літаратуры ад яе вытокаў да сенняшніх дзен. Гісэн, 1977. 447 р.

34. Макмілін А. Беларуская літаратура ў 50–60-я гады XX стагоддзя / пер. з англ. А. Літвіноўскай. Мінск: МГА «Бел. кнігазбор», 2001. 329, [2] с.

35. Мальдзіс А. Arnold McMillin. Belarusian literature in the 1950th and 1960s. Köln; Wien: Böhlau, 1999, 1999. 315 p. // Кантакты і дыялогі. 2000. № 1–2. С. 37–40.

36. McMillin A. Belarusian literature of the diaspora. Birmingham: Centre for Russian and East European Studies. The University of Birmingham, 2002. XVI. 503 p.

37. Макмілін А. Беларуская літаратура дыяспары: пер. з англ. Мінск: Тэхнапрынт, 2004. 439 с.

38. Макмілін А. Пісьменства ў халодным клімаце: беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзён. Беласток: Orthdruk, 2011. 910 с.

39. Гарбацкі У. Макмілін заўсёды вязе ў Беларусь добрае надвор’е // Новы час online. URL: http://novychas.by/asoba/makmilin-zausjody-vjaze-dobrae-nadvor-e (дата обращения: 05.09.2016).

40. McMillin Arnold. Spring Shoots: Young Belarusian poets in the early twenty-first century. Cambridge: Modern Humanities Research Association, 2015. 200 p.

41. Макмілін Арнольд. Пакаранне без злачынства: Беларуская турэмная паэзія // Журнал беларускіх даследаванняў. 2013. Частка 7. № 1. С. 75–87.

42. Breaking with Tradition: Belarusian Short Prose in the Early Twenty-First Century (Publications of the Mhra) Hardcover – January 8, 2018 by Arnold McMillin (Author). URL: https://www.amazon.com/Breaking-Tradition-Belarusian-Twenty-First-Publications/dp/1781887705 (дата обращения: 11.09.2022).

43. Макмілін А. Ніна Шклярава і яе школа «Малады літаратар» у Гомелі // Маладосць. 2017. № 12. С. 69–71.

44. Макмілін А. Прадсьаўнік рдкай дынастыі – Антон Францішак Брыль // Полымя. 2016. № 11. С. 127–133.

45. Arnold McMillin's research while affiliated with University College London and other places. URL: https://www.researchgate.net/scientificcontributions/ArnoldMcMillin2109000556/ (дата обращения: 11.09.2022).

46. Valdemar E. The Art of Translation with Jim Dingley // Prze Kroj. URL: https: www/ prekroj.pl (дата обращения: 18.09.2022).

47. Крэнь І. Беларусы сваім рэферэндумам падарвалі ўвагу да сябе ў Англіі // Наша слова. 1995. № 50 (13 снежня). С. 4.

48. Уладзімер Арлоў. URL: https://arlou.by (дата обращения: 10.09.2022).

49. Сборник эссе белорусской поэтессы Татьяны Скарынкиной вышел в Лондоне в переводе на английский. URL: https:// www. nlb.by/content/news/library-news (дата обращения: 18.09.2022).

A.D. Dudzko

Yanka Kupala State University of Grodno

Research into the Belarusian language and literature in British Belarusian studies in the second half of the XXth – early XXIst centuries.

Key words: *foreign Belarusian studies; British Slavists; historical-philological and literary studies; translation activities; popularization of Belarusian problems.*

The article is devoted to the problem of developing a philological research direction in Belarusian studies in Great Britain in the second half of the XXth – early XXIst centuries, it being one of the aspects of the study of East Slavic societies in British Slavistics. Considering the lack of a comprehensive assessment of this phenomenon in native and British Belarusian studies, as well as the insignificant reflection of the problem in the historiography, our article attempts to assess the role and contribution of leading British Slavists - linguists and literary scholars - into it. The reasons for their interest in Belarusian issues are revealed, basing upon the review of the key works, the main directions and dominant themes of their philological research in these years are highlighted. It is noted that, despite the inaccuracies and polemical provisions in their works, they received a fairly positive appraisal from both native and foreign researchers for the scientific and systematic nature of the views presented, the novelty of ideas, and their significant role in attracting the interest of the Western European scientific and general public to Belarusian culture. Professional studies of British philologists contributed to the legitimation of the philological direction of Belarusian studies in the context of the European and world Slavic tradition.

И.И. Родионов

Смоленский государственный университет

УДК 93/94

История белорусской эмиграции в трудах В. Кипеля и Н.С. Гордиенко: характеристика подходов и оценок

Ключевые слова: *В. Кипель; Н.С. Гордиенко; белорусская эмиграция; Великобритания; США.*

В статье представлен процесс формирования историографии белорусской эмиграции (на примере работ В. Кипеля и Н.С. Гордиенко) и методологической базы исследований с ее не всегда одинаковыми подходами и оценками. Работы Витовта Кипеля создали библиографическую основу для дальнейшего изучения истории белорусской эмиграции. Витовт Кипель эмигрировал из Белоруссии в США в середине 1940-х гг., возглавлял Белорусский институт науки и искусства в Нью-Йорке и подготовил ряд публикаций по истории белорусской эмиграции в США. В современной белорусской исторической науке продолжателем школы В. Кипеля является Н.С. Гордиенко – белорусский историк, кандидат исторических наук. С 2014 года возглавляет Центр комплектования и изучения документального наследия белорусского зарубежья при Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛиИ). С 2015 года заместитель директора БГАМЛиИ.

Исследование истории белорусской эмиграции в Европе, США, Великобритании остается малоизученным направлением в современной российской историографии. В настоящее время белорусские историки усиленно изучают разные аспекты белорусской эмиграции и жизни белорусских диаспор за рубежом в XX в. [1–3; 5; 6].

Первые работы по истории белорусской эмиграции готовились представителями белорусской эмигрантской диаспоры, в первую очередь в США. Своего рода идеологом и организатором исследований по данной проблематике, а также автором отдельных исторических публикаций стал Витовт Кипель[4].

Первой работой В. Кипеля по истории белорусской эмигрантской диаспоры является книга 1982 г. «Byelorussian Americans and their communities in Cleveland» (Американские белорусы и их общины в Кливленде) [13]. Затем им были опубликованы статьи по той же тематике в «Запісах беларускага інстытуту навукі і мастацтва» [10; 11]. Фундаментальным трудом В. Кипеля стала книга «Беларусы ў ЗША» (Белорусы в США), изданная в 1993 г. на белорусском языке и в английском переводе в 1999 г. [12; 15].

Подходы В. Кипеля к исследовательской проблематике и его оценка примерно одинаковы в методологическом плане в разных его публикациях. Рассмотрим некоторые из них.

В статье 1983 г. «The Early Byelorussian Presence in America» (Раннее белорусское присутствие в Америке), опубликованной в издании Белорусского института «Запіс беларускага інстытуту навукі і мастацтва» [14, p. 113–131], уже закладывались общие оценки исторического прошлого белорусского народа, связанные с Россией. Кипель указывает на то, что историческое прошлое Белоруссии осложнялось двумя факторами: терминологией и политической ситуацией в XVIII–XIX вв., «когда она стала русской колонией в результате нескольких разделов Речи Посполитой» [14, p. 114]. После «захвата» Российской империей всей территории Белоруссии в 1795 г. Россия, в оценке автора, начала проводить политику русификации [14, p. 114]. В это же время началась и продолжалась на протяжении всего XIX в. белорусская эмиграция в Соединенные Штаты [14, p. 125]. Для более детального знакомства с этим процессом Кипель направляет читателя к одному из первых и довольно обширных исследований так называемой

[4] Витовт Кипель (род. 30 мая 1927, Минск) – белорусский общественный деятель, историк. В 1944 г. выехал с родителями в Германию, а в 1955 г. переехал в США. В 1962–1963 гг. учился в Ратгерском университете (Нью-Джерси) по специальностям библиотековедения. В конце 1960-х гг. преподавал в белорусской школе в Бруклине. Активно участвовал в белорусской жизни в США, был членом ряда организаций. С 1982 года являлся председателем Белорусского института науки и искусства (БИНиИ). В 1993 году была опубликована первая монография «Беларусы в США» (несколько раз переиздавалась).

русской колонии в США – работе Е.Н. Матросова, опубликованной в далеком 1897 г. [14, p. 128].

Значительный историографический обзор по белорусской проблематике Кипель представил в статье 2013 г. «Дасьледаваньне эміграцыі / іміграцыі як частка гісторыі нацыі й дзяржавы Беларусь» (Исследование эмиграции / иммиграции как часть истории нации и государства Беларусь) [11, с. 16–19]. Автор утверждает, что количество печатных материалов о белорусской эмиграции за прошедшую четверть века возросло почти в геометрической прогрессии [11, с. 16]. Здесь же Кипель предлагает создать в Беларуси республиканский Белорусский центр исследований эмиграции, который бы занимался изучением процессов белорусской эмиграции от XV–XVI вв. до настоящего времени [11, с. 18].

В книге 2020 г. «Беларусы ў ЗША» (Белорусы в США) В. Кипель аккумулировал свои наработки по истории белорусской эмиграции в США. Работа содержит историографический обзор публикаций по теме [12, с. 90–122], представлены все волны и причины эмиграции белорусов в США [12, с. 123–142], показан процесс возникновения и развития белорусских организаций [12, с. 177–204], дана характеристика их деятельности [12, с. 396–347] и др.

Наиболее детально представлено авторское описание истории послевоенной волны белорусской эмиграции в США. Кипель начинает с того, что с освобождением стран Западной Европы от нацистской оккупации чикагские белорусы начали налаживать контакты с западноевропейскими белорусскими эмигрантами [12, с. 236]. В итоге в конце 1940-х гг. в США из послевоенных лагерей для перемещенных лиц в Западной Германии переехало несколько десятков тысяч белорусов (ди-пи, от DP, displaced persons). Это привело к активизации белорусской диаспоры [4, с. 87]. Новоприбывшие белорусские эмигранты начали создавать свои организации [12, с. 255]: общественные, молодежные, женские, религиозные и т.п. Кипель показывает историю их формирования. Из белорусских эмигрантских научных организаций в работе наиболее полно представлена история создания и деятельности Белорусского института науки и искусства [12, с. 295–296].

В целом, заключает В. Кипель, Америка дала белорусским эмигрантам лучшие условия жизни, чем это могло быть в БССР [12, с. 569]. И целью

послевоенной белорусской эмиграции стало стремление «открыть и сделать известным белорусское наследие в Америке» [12, с. 569].

В современной Белоруссии продолжателем исследовательского направления, начатого В. Кипелем считается Н.С. Гордиенко (Наталля Сяргееўна Гардзіенка)[5]. В своей статье 2006 г. «Беларускія дыяспары: спроба сыстэмнага аналізу» (Белорусские диаспоры: попытка системного анализа) [7] она говорит уже не только о белорусской диаспоре, но и о белорусском зарубежье, предлагая такое определение этого понятия: «Под термином "белорусское зарубежье" нужно иметь в виду всех белорусов, которые в результате собственного выезда в другие страны или через изменения государственных границ оказались вне Республики Беларусь в ее современных границах» [7, с. 187]. Диаспору же Гордиенко определяет как «устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, которые живут за пределами своей исторической родины, имеют социальные институты для развития и функционирования этого сообщества» [7, с. 188].

Главной причиной формирования белорусского зарубежья были, по мнению Гордиенко, эмиграции: в начале XX в. в результате экономического кризиса в Российской империи, затем в результате Первой мировой войны, следом шла экономическая эмиграция 1920-х гг., самая массовая волна после Второй мировой войны и эмиграция 1990-х гг. [7, с. 189–190].

Гордиенко считает белорусские диаспоры в первую очередь продуктом второй половины XX в., хотя некоторые из них стали формироваться еще в 1920–1930-х гг. В это время возникли первые белорусские организации в США, с которыми позже контактировали белорусы послевоенной волны [7, с. 190–191].

Белорусские диаспоры Европы и США принимали активное участие в антикоммунистическом движении и считали Беларусь «страной, порабощенной советами» [7, с. 191]. В результате миграционных процессов

[5] Гордиенко Наталья Сергеевна (Гардзіенка Наталля Сяргееўна, род. 6 июля 1977, Минск) – белорусский историк, кандидат исторических наук. В 1994 г. поступила на исторический факультет БГУ, специализировалась на кафедре истории Беларуси древнего времени и средних веков, занималась белорусской историей XVIII в. По окончании университета несколько месяцев работала учителем истории в минской школе. В 1999 г. поступила в аспирантуру БГУ, в 2003 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Положение женщины-шляхтянки в Великом княжестве Литовском в XVIII в.». С 2014 года возглавляет Центр комплектования и изучения документального наследия белорусского зарубежья при Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛиИ). С 2015 года заместитель директора БГАМЛиИ.

1990-х гг. произошла смена поколений в некоторых послевоенных диаспорах, а отсюда и обновление их структуры, способов и методов организации своей деятельности [7, с. 191]. При общей позитивной оценке белорусского зарубежья Н.С. Гордиенко считает, что изучение истории создания и функционирования диаспор позволяет восстановить большой пласт белорусской культуры [7, с. 213].

В 2010 г. Н.С. Гордиенко издала книгу «Беларусы ў Вялікабрытаніі» (Белорусы в Великобритании) [8]. В ней представлена история британской белорусской диаспоры (от первых визитов в Англию до современности), показаны временные волны белорусской эмиграции, создание и деятельность белорусских эмигрантских организаций в Великобритании.

Особое внимание в книге уделено Англо-белорусскому обществу. По мнению автора, продвижению белорусистики в Великобритании в значительной степени способствовало как раз Англо-белорусское общество, которое оформилось в 1954 г. в том числе и благодаря вошедшим в него представителям высших общественно-политических кругов: лидерам политических партий, членам парламента. Для них участие в Англо-белорусском обществе было своеобразным продолжением политической деятельности. Они искренне интересовались белорусами как представителями «порабощенного СССР народа», защиту интересов которого можно было использовать в своей политической антисоветской деятельности [8, с. 466].

Именно благодаря высокопоставленным британцам белорусы получили возможность быть принятыми и воспринятыми на самом высоком уровне. Первый период деятельности Англо-белорусского общества определялся регулярными мероприятиями по случаю годовщин, которые проводились для высших политических и общественных кругов Британии от имени представительных членов организации. Первым такого рода мероприятием, подготовленным совместно с Объединением белорусов в Великобритании (ОБВБ), созданным еще в 1947 г., стало празднование годовщины БНР в 1954 г. [8, с. 469].

В 1971 г. в Великобритании появилось новое белорусское объединение – библиотеки имени Ф. Скорины, которая вскоре станет европейским научно-культурным центром, где будут проводиться лекции по белорусской истории, научные конференции, семинары и т.д. Развитие научной деятельности

библиотеки станет возможным благодаря поддержке Англо-белорусского общества. По мнению Н.С. Гордиенко, совместная деятельность Англо–белорусского общества и Библиотеки-музея способствовала развитию знаний о Беларуси в Великобритании на протяжении тридцати лет.

Книга Н.С. Гордиенко 2017 г. «Хронікі БІНіМу: гісторыя Беларускага інстытуту навукі і мастацтва ў дакументах, лістах і ўспамінах. Беларускі інстытут навукі й мастацтва» (Хроники БИНиИа: история Белорусского института науки и искусства в документах, письмах и воспоминаниях. Белорусский институт науки и искусства) [9] представила читателю многогранную деятельность Белорусского института науки и искусства в Нью-Йорке (БИНиИ, Беларускага інстытуту навукі і мастацтва – БІНІМ), который, по мнению автора, на протяжении 50 лет был одной из наиболее активных белорусских организаций в США.

Таким образом, мы видим определенную преемственность в работах В. Кипеля и Н.С. Гордиенко. Публикации первого «открыли» историю белорусской эмиграции в США. В современной белорусской исторической науке продолжателем тематических разработок В. Кипеля является Н.С. Гордиенко. Работы этих авторов во многом формируют современные методологические подходы и оценки в историографии белорусской эмиграции.

Литература

1. Дудько А.Д. Генезис и формирование белорусоведения в Великобритании (вторая половина XX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2018. 198 с.
2. Дудько А.Д. Белорусы и белорусоведение в США (50-е годы XX – начало XXI века) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4(48). С. 386–402.
3. Карев Д.В., Дудько А.Д. Беларусь в восточнославянском контексте славяноведения Великобритании и США 2-й пол. XX – нач. XXI вв. // Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур: зб. навуковых артыкулаў / гал. рэд. Д.У. Караў; рэдкал.: В.В. Масненка [и др.]; склад. Д.У. Караў, В.В. Масненка. Гродна: ЮрСаПрынт, 2013. С. 410–418.
4. Родионов И.И. Белорусский институт науки и искусства в Нью-Йорке: история и современность // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2021. № 7. С. 86–95.
5. Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучасны стан / М.М. Бацян [і інш.]. Мінск, 2006. 160 с.
6. Беларускае замежжа – Белорусское зарубежье / склад. Н.А. Голубева [і інш.]. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2010. 480 с.

7. Гардзіенка Н. Беларускія дыяспары: спроба сыстэмнага аналізу // Запісы беларускага інстытуту навукі і мастацтва. Кн. 30. New York – Miensk, 2006. С. 187–213.

8. Гардзіенка Н.С. Беларусы ў Вялікабрытаніі; пад рэд. А. Гардзіенкі. Мінск: Медысонт, 2010. 620 с.

9. Гардзіенка Н.С. Хронікі БІНіМу: гісторыя Беларускага інстытуту навукі і мастацтва ў дакументах, лістах і ўспамінах. Беларускі інстытут навукі й мастацтва. Мінск: Кнігазбор, 2017. 351 с.

10. Кіпель В. Беларускі і беларусаведны друк на Захадзе: асобныя выданні: бібліяграфія / складальнікі: Зора і Вітаўт Кіпелі. Нью-Ёрк: Менск [Мінск]: Беларускі інстытут навукі і мастацтва, 2003. XXII, 582 с. (Bibliographic series; № 6)

11. Кіпель В. Дасьледаваньне эміграцыі / іміграцыі як частка гісторыі нацыі й дзяржавы Беларусь // Запісы беларускага інстытуту навукі і мастацтва. Кн. 30. New York – Miensk. 2013. С. 16–19

12. Кіпель В. Беларусы ў ЗША. Выд. 3-е, дапрацаванае і дапоўненае. Мінск: Кнігазбор, 2020. 653, [1] с. (Бібліятэка Бацькаўшчыны; кн. 40).

13. Kipel V. Byelorussian Americans and their communities in Cleveland. Cleveland: Cleveland State Univ., 1982. 184 p.

14. Kipel V. The Early Byelorussian Presence in America // Запісы беларускага інстытуту навукі і мастацтва. Кн. 17. New York, 1983. P. 113–131.

15. Kipel V. Belarusans in the United States. Lanham etc.: Univ. Press of America, 1999. XIII, 569 p.

I.I. Rodionov

Smolensk State University

The History of Belarusian Emigration in the works of V. Kipel and N.S. Gordienko: characteristics of approaches and assessments

Key words: *V. Kipel; N.S. Gordienko; Belarusian emigration; Great Britain; USA.*

The article presents the process of formation of the historiography of the Belarusian emigration (on the example of the works of V. Kipel and N.S. Gordienko) and the methodological base of research with its not always the same approaches and assessments. The works of Vytautas Kipel created a bibliographic basis for further study of the history of Belarusian emigration. Vytautas Kipel emigrated from Belarus to the USA in the mid-1940s, headed the Belarusian Institute of Science and Art in New York and prepared a number of publications on the history of Belarusian emigration to the USA. In modern Belarusian historical science, the successor of the school V. N.S. Gordienko is a Belarusian historian, candidate of Historical Sciences. Since 2014, he has been heading the Center for the Acquisition and Study of the Documentary Heritage of the Belarusian Abroad at the Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BGAMLIYA). Since 2015, Deputy Director of BGAMLiA.

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:

история и культура в прошлом и настоящем

Выпуск восьмой

Издательство
Смоленского государственного университета

Редакторы О.В. Папко, И.В. Марусова
Компьютерная верстка А.П. Борисов

Подписано в печать 21.12.2022. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать ризографическая. Усл. п. л. 5,69. Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 100 экз.

Заказ № 70.

Отпечатано в ИП Суркова Н.Н.
214000, Смоленск, ул. Б. Советская, 12/1